

ЛитРес:

ЗАСЛОН

научно-
технический
центр

Проект особого значения

Макс Глебов

и финалисты
литературного
конкурса

Ю_ШУТОВА
Владимир Васильев
Николай Марчук
Тимур Камилевич Патеев
Александра Райт
Макс Алексеевич Глебов
Андрей Зорин
Елена Чара Янова
Игорь Соловьев
Егор Куликов
Алексей Котаев
Екатерина Черепко
Нана Рай
Матвей Лодыгин
Алиса Аве
Вера Ард
Валентина Александровна Сегид
Проект особого значения

Аннотация

Научная фантастика – жанр, с помощью которого мы неоднократно убеждались, как сильна человеческая мысль и как технологии будущего становятся нашим настоящим. В 2022 году ЛитРес и АО «ЗАСЛОН» провели литературный конкурс, в рамках которого авторы размышляли, как у простых инженеров из-за разработанных ими технологий в одночасье может поменяться жизнь, как к ним приходят оригинальные идеи и как они развивают свои творения. Лучшие рассказы выбирали Сергей Лукьяненко, Вадим Панов, Андрей Васильев и Макс Глебов современные популярные писатели-фантасты. В этом сборнике рассказы победителей о невидимых научных и технологических альтернативах, которые существуют с нами каждый день. Бонус – рассказ члена жюри, Макса Глебова.

Содержание

Николай Марчук. «Выход»	7
Осень 2041 год. Выборгский район. Научно-исследовательский комплекс «Гранит»	7
Осень 2011 год. Выборгский район.	42
Территория стройки научно-исследовательского комплекса ОАО «НТЦ «Завод Ленинец»	
Ю_Шутова. «Ген бессмертия»	49
Диона	49
Агинор	82
Тланч-Атуа-Леле	105
Елена Чара Янова. «Для друзей – просто Лекс»	135
10	137
9	147
8	151
7	156
6	162
5	170
4	174
3	182
2	189
1	192
0. Поехали!	200

Егор Куликов. «Коробка для совести»
Конец ознакомительного фрагмента.

204
250

Проект особого значения

© Глебов М., Ард В., Соловьев И., Васильев В., Куликов Е., Котаев А., Зорин А., Аве А., Патеев Т., Рай Н., Шутова Ю., Сегида В., Лодыгин М., Райт А., Янова Е., Черепко Е., Марчук Н., текст, 2022

© ООО «ЛитРес», 2022

Николай Марчук. «Выход»

Осень 2041 год. Выборгский район. Научно-исследовательский комплекс «Гранит»

Потолок содрогнулся от мощного удара, бетонные перекрытия брызнули пылью и мелким крошечным, закрипели, застонали, но выдержали. Стены давно были покрыты сетью мелких трещин-паутинок. Только пол продолжал радовать своей монолитной целостностью, возможно под ровным ковром прорезиненного покрытия и были трещины, но снаружи их не было видно. А значит можно абстрагироваться и утешить себя тем, что пол под ногами целехонек и будет продолжать служить еще много... дней.

Хотя, какие, к черту, много дней! Счет идет уже на часы. Мощные взрывы снаружи доносились все чаще и чаще. Враг целенаправленно пытается добраться до научной лаборатории. Возможно, уже в самые ближайшие часы, за бронированной дверью раздастся скрежет металла, и противник ворвется внутрь. Если это произойдет, то молодому ученому Вите Иванову останется рвануть рубильник на себя и похоронить всех врагов вместе с собой и лабораторией. Для этого

он здесь и остался. Надежда, что придут свои и не надо будет умирать, конечно же еще не умерла, но трезвомыслящий Иванов понимал, что этому не суждено случиться.

Виктору повезло, когда прозвучал рев сирен воздушной тревоги, он находился на своем рабочем месте, ему только и оставалось, что вместе с остальными коллегами спуститься в просторное убежище-бункер, спрятанное глубоко в земной тверди. Десятки метров сверхпрочного железобетона и компенсационных подушек спасли десятков инженеров от неминуемой смерти.

Бункер находился в стороне от основного здания сборочного цеха завода «Заслон». Новые сборочные корпуса были построены в Выборгском районе Ленинградской области еще в 2020 году. Поскольку здесь когда-то велась добыча гранита, то остались огромные котлованы, которые и приспособили под подземные сооружения. Скорее всего, именно эти котлованы и определили место, где будет размещаться филиал АО «Заслон».

На поверхности расположились сборочные цеха, где изготавливали «с нуля» различное радиолокационное и радионавигационное оборудование, а под землей, размещались секретные научно-исследовательские лаборатории, где молодые и не очень молодые ученые разрабатывали и проводили научные исследования.

Виктор попал на предприятие сразу же после окончания Томского универа, на «Заслоне» он вместе с други-

ми пятикурсниками проходил производственную практику и буквально влюбился в бывший завод «Ленинец» с первого взгляда. Как молодому специалисту ему сразу же дали служебное жилье и определили место работы в одной научных лабораторий под руководством доктора технических наук профессора Вяземского. Попасть в группу к именитому профессору, было неслыханной удачей. Наверное, проще было выиграть в лотерею миллиард рублей, чем бывшему выпускнику сибирского ВУЗа оказаться в одном научном коллективе вместе с одним из столпов российской науки.

Профессор Вяземский – глыба российской радиотехнической науки, именно ему принадлежит разработка принципа на которых основано управление полетом гиперзвукового оружия. И эту задачу, «партнеры» России смогли решить только через десять лет после того, как наш «гиперзвук» встал на боевое дежурство.

Почему профессор Вяземский обратил внимание на молодого выпускника одного из сибирских ВУЗов, Витька Иванов так и не узнал. Для самого счастливица и всех его друзей и товарищей так и осталось неразрешенной загадкой. Учился Иванов «как все» особых успехов в учебе не показывал, единственное, что его выделяло, это огромное желание исследовать. Виктор обожал ставить перед собой задачи, а потом решать их. Получалось это не всегда успешно и чаще всего, он терял интерес к решению, примерно на середине пути, но ум у студента Иванова был пытливым и острым,

впрочем, как и у многих его сверстников, которые решили свою жизнь связать с наукой.

На тот момент Виктор считал себя самым счастливым человеком на Земле: у него была любимая работа, где он мог реализовать свой научный потенциал, была любимая девушка, с которой он хотел связать всю свою будущую жизнь, были четкие перспективы карьерного роста – у него было все, о чем он мог мечтать.

Но, все это осталось в прошлом...

Сейчас у Виктора из всего, что он имел и о чем мечтал, осталось лишь одно – его рабочее место, любимая лаборатория. Перспективы карьерного роста, любимая девушка, служебная квартира, хорошая зарплата – все это уничтожила Война, прилетавшие с запада ракеты стерли в радиоактивную пыль все, о чем мечтал Виктор.

Сейчас у молодого сотрудника Виктора Иванова осталось только его рабочее место – подземная лаборатория научно-исследовательского комплекса «Гранит» принадлежавшая АО «Заслон».

Николай Марчук

Виктор был единственным сотрудником этой лаборатории, в полном одиночестве он прибывал уже второй месяц, а точнее – пятьдесят два дня, двенадцать часов и тридцать три минуты. Именно столько показывали электронные часы, которые начали отчет, когда бронированные двери закрылись за последней группой, покинувшей лабораторию. Виктору тоже предлагали уйти, но он отказался. Зачем? Что ждет его наверху? Выжженная земля, покрытая радиоактивным пеплом, голод и мучительная смерть? Иванову было достоверно известно, что жилищный микрорайон, в котором молодым ученым дали служебные квартиры был снесен ракетным ударом в первые минуты, а значит его Нина погибла. К ним как раз приехали в гости его родители, которые ждали возвращение Виктора с работы, чтобы всем вместе провести выходные. Значит, мать и отец тоже погибли.

Все, что касается воспоминаниях о близких Виктор отрезал острым ножом, отрезал и убрал в темные недра глубокой памяти. Сейчас не до этого, если думать о погибших близких, то можно тронуться умом, а для ученого, ум – это главное оружие, это его автомат, его «Град», его штык-нож.

Здесь под землей есть электричество, работающее оборудование, вычислительная техника, вода и провизия. Убежище строилось и формировалось с учетом, что в нем в автономном режиме, в течение года смогут выжить пятьдесят человек. Изначально их здесь было восемнадцать, через два

месяца осталось только трое, а пятьдесят два дня, двенадцать часов и тридцать три минуты назад он остался один. По самым скромным подсчетам Виктору Иванову хватит воды и еды на несколько лет, главное, чтобы электричество, не переставало поступать в подземное убежище по мощным изолированным проводам. Но даже после этого, можно будет запустить генератор и на тех запасах топлива, что есть в баках, продержаться еще пару месяцев, а если экономить, то еще дольше.

Почему Виктор Иванов не ушел вместе с остальными? Почему остался под землей и продолжал научные исследования? Ну, во-первых, он ничего больше не умел и не хотел делать, а во-вторых, он искренне верил, что его место сейчас здесь, его поле боя – это научная лаборатория, спрятанная глубоко под землей на севере Ленинградской области. Он ученый, а значит должен изучать и исследовать, сколько успеет, столько и будет работать.

Была еще одна причина – профессор Вяземский оставил в наследство после себя, лично подписанную им свою монографию. Книгу нашли на столе рядом с кроватью, на которой лежало мертвое тело Вяземского. Рукой профессора, на первой странице была выведена короткая надпись: *«Дарю эту книгу молодому коллеге Виктору Иванову, чтобы он помнил старика и не бросал науку».*

Для Иванова эта надпись был как гром среди ясного неба! Профессора Вяземский оставил после себя наследство, ко-

торое предназначалось ему, Витьке Иванову! Как, почему?! И самое главное, почему профессор не подарил эту книгу при своей жизни, ведь ясно же, что он подписал ее заранее.

Тогда Виктор твердо решил, что ни при каких обстоятельствах не покинет подземную лабораторию, пока не закончит задуманное, он сделает это в память о великом человеке и ученом.

Первые два месяца в лаборатории под землей шла активная исследовательская работа под непосредственным руководством Вяземского. Профессор личным ключом-картой открыл бронированную дверь в одну из лабораторий и ввел в курс дела молодых ученых, укрывшихся в подземелье. Из одиннадцати сотрудников АО «Заслон», не считая Вяземского, только трое были в курсе какие именно исследования проводятся в этой лаборатории. Остальные не знали над чем именно лично работал Вяземский. Виктор тоже этого не знал.

Оказалось, что в этой лаборатории несколько ученых и непосредственно профессор Вяземский работали над разработкой принципа мгновенного перемещения предметов в пространстве, или, по-простому, разрабатывали основы практической телепортации.

Шокировала ли эта новость кого-то из неосведомленных сотрудников «Заслона»? Честно говоря, не особо. Ну, телепортация, что в этом такого? Да, телепортация, это еще что-то из области фантастики, но уже, во-первых, научной фан-

тастики, а во-вторых, на дворе все-таки как ни как 2041 год, и сейчас много то, что еще двадцать лет назад казалось недосягаемым, уже вполне обыденность, ну, а в-третьих, АО «Заслон» – ведущий и крупнейший научно-технический центр с компетенциями в области разработки, производства и поставки информационных и комплексных систем автоматизированного управления, программного обеспечения, приборостроения и микроэлектроники. Поэтому если, где в мире и могли разработать устройство способное мгновенно перемещать предметы в пространстве, то только в «Заслоне».

Телепортация, или способность мгновенно перемещать людей и предметы из одного места в другое может легко изменить направление развития цивилизации и вообще весь мир. Например, телепортация раз и навсегда изменила бы принципы ведения войны, сделала бы все средства передвижения ненужными и самое приятное: отпуска перестали бы быть проблемой. Ну кому не хочется иметь свой личный телепорт у себя дома? Наверное, именно по этой причине эта способность является самой желанной у человечества.

Вот тут надо уточнить, что ни о каком мгновенном перемещении живых существ в пространстве речи пока не идет, и в ближайшие десятилетия идти не будет. Пока наша отечественная наука додумалась только о том, как мгновенно перемещать в пространстве неодушевленные «простые» предметы, максимально однородные по своей сути. Например: нефть, газ, металлы и их простейшие сплавы, древесину, бу-

магу и т. д.

Людей, животных, птиц и даже сырое яйцо телепортировать не удавалось. Если в исходную камеры помещали подопытных мышей, то в приемной камере, после телепортации появлялся обугленный костный фарш.

И, да, вы не ослышались, удачные эксперименты по мгновенному перемещению предметов в пространстве уже были проведены. Вот в этой самой лаборатории! Вон на том столе стоит исходная камера – большой пластиковый бокс с прозрачной стенкой, а вон на том столе – стоит приемная камера, такой же пластиковый бокс. Оба бокса густо обмотаны проводами и испещрены разномастными датчиками.

Конечно, пока речь идет только о лабораторных испытаниях и до практического применения телепортации в быту нужно определенное время, но все равно можно уже сейчас с уверенностью заявить, что телепортация – перестала быть научной фантастикой.

Как изменится жизнь человечества после того, как телепортация станет обыденностью? Ну, во-первых, резко сократится выброс вредных веществ в атмосферу, потому что все крупные перевозчики и транспортные компании останутся без работы. Танкера, сухогрузы, грузовые самолеты, товарные составы и прочий транспорт будут намного реже колесить по просторам нашей планеты. Доставка грузов на МКС, Российскую и Китайскую космические станции будет мгновенной и простой. Во-вторых, жизнь городов и человеческих

поселений в труднодоступных регионах нашей планеты изменится в лучшую сторону, потому что тамошним жителям не надо будет ждать начала летней навигации, чтобы пополнить запасы топлива и провизии.

Телепортация – это настоящая инъекция здоровья для всей нашей планеты, которая задыхается и медленно умирает от выбросов углекислого газа, разливов нефти и миллиардов тонн мусора.

Вот только не все рады, что российские ученые из АО «За-слон» смогли разработать работающий механизм для мгновенного перемещения предметов в пространстве. В первую очередь этому не обрадовались наши западные «партнеры». Так уж сложилось, что все крупные транспортные компании с мировым именем принадлежат американцам и их партнерам в Европе и Азии, и выход на рынок телепортов поставил бы жирный крест на их бизнесе.

Когда началась война, и на территорию России упали первые ракеты, то профессор Вяземский заявил, что враг напал на нас именно из-за его изобретения. То есть вся эта глобальная катастрофа случилась только из-за того, что в российской научной лаборатории было разработан телепорт. Можно было, конечно, обвинить пожилого профессора в завышенном самомнении, но если взглянуть на карту, где были отмечены точки, куда пришелся наиболее ожесточенный удар вражеский ракет, то стало бы понятно, что Вяземский прав. Основная цель ракетного удара – это Санкт-Петербург

и его окрестности, а именно Выборгский район, где располагался научно-исследовательский комплекс «Гранит», принадлежащий АО «Заслон». Враг целенаправленно и остервенело утюжил ракетами производственные и исследовательские площадки «Заслона» в Питере и Ленинградской области. Как будто знали гады, куда бить! Ну, конечно, знали, тут без вариантов.

Зря, профессор Вяземский рассказал сотрудникам, оказавшимся в подземной лаборатории о своих подозрениях из-за чего началась эта война. Людям порой лучше оставаться в слепом неведении, многие очень тяжело принимают правду. Истинна ложится непомерным бременем на их плечи, разум не желает принимать многие моменты. Как можно свыкнуться с мыслью, что именно из-за твоей работы, из-за того, что ты сделал какие-то расчеты, принимал участие в разработке такого нужного для всего человечества прибора вдруг началась война и в огненном жерле ракетного удара в один миг умерли все твои родственники и знакомые, все твои друзья и близкие люди. Как можно после этого жить?!

Когда только профессор Вяземский ввел всех укrywшихся в подземной убежище научных сотрудников в курс его секретных исследований, то это вызвало у персонала волну душевного подъема и неистовый трудовой порыв. Молодые и горячие ученые в едином порыве готовы были без отдыха и сна работать, что завершить разработку телепорта. Никто из них даже не подозревал, что именно из-за их работы и на-

чалась война, именно разработка принципов телепортации и стала тем спусковым крючком, который открыл врата Ада.

Два месяца сотрудники исследовательского комплекса «Гранит» работали не покладая рук, лишь изредка отвлекались на скорый перекус или краткий сон. Каждый из них верил, что их работа поможет окончить войну, приблизить победу.

Двадцать второго августа 2041 года, ровно через два месяца после начала войны, у профессора Вяземского было день рождения, на котором он и высказал свои предположения из-за чего началась война. Это прозвучало как гром среди ясного неба. Лаборантка Ефимова, впала в настоящую истерику, она кидалась на профессора с канцелярским ножом, угрожая его убить. Ефимову можно было понять, на поверхности у ней остался молодой муж и годовалая дочь, которые вряд ли успели эвакуироваться, да и у остальных тружеников подземной лаборатории были погибшие родственники и друзья.

На следующий день, профессора нашли мертвым в своей комнате. Из-за чего умер Вяземский было не понятно, видимых повреждений на его теле не обнаружили. Труп профессора убрали в одну из холодильных камер.

Двадцать четвертого августа подземную лабораторию покинули девять из двенадцати сотрудников, они взяли с собой кое-какие вещи, запасы еды и воды, облачились в специальные, противорадиационные костюмы и поднялись на поверхность.

Под землей остались трое: доцент Слепнев, его вечный помощник и «правая» рука старший научный сотрудник Зимнев, ну, и Виктор Иванов, самый молодой и малоопытный в этой тройке. Слепнев и Зимнев остались под землей, чтобы завершить серию экспериментов, которые они проводили по собственной инициативе, а Виктор остался, потому что не знал, что ему делать на поверхности. Просто выживать в постапокалиптическом мире он не умел, да ему и не хотелось. Здесь, под землей, в научной лаборатории ему было спокойно и комфортно. Иванов понимал, что как-только поднимется на поверхность, то тут же лишится последнего, что осталось от прежнего, мирного времени, а именно своей работы.

С доцентом Слепневым и Зимневым Витька Иванов практически не пересекался, эти двое работали в отдельной лаборатории, проводя какие-то эксперименты в течении десяти дней, а когда сверху вновь стали раздаваться взрывы, то они спешно собрали кое-какие приборы и технику, и поднялись на поверхность. Перед отбытием Слепнев честно предложил Виктору уйти вместе с ними, на пару с Зимневым они несколько часов уговаривали молодого ученого, но Витька отказался. Категорично, раз и навсегда. Тогда Слепнев показал тот самый рубильник, который приводил в действие механизм самоуничтожения и пожелав удачи, скрылся за толстенной бронированной дверью.

Виктор Иванов остался один...

Оставшись в одиночестве, Виктор сперва не знал, чем себя занять, только сейчас он понял, что все это время выполнял чужие указания: делал какие-то просчеты, сверял графики, фиксировал измерения, описывал эксперименты и так далее. И вот сейчас ему выпал редкий шанс, делать то, что сам захочет, провести любой эксперимент, на который только можно решиться. Хотелось как в детстве, сделать что-нибудь такое, чтобы окружающие восхищались и завидовали твоему уму и смекалке. Как в детстве, когда ему было десять лет, он смог самостоятельно, без помощи взрослых отремонтировать неработающий пылесос. Да, именно, тогда в десять лет, после того как родители искренне похвалили маленького Витьку, он и решил стать ученым.

Научный сотрудник Витя Иванов надолго задумался, какую поставить перед собой задачу, чтобы ему было бы интересно ее решить.

Над чем работала группа профессора Вяземского? Правильно, над телепортацией? Ну, так почему бы не продолжить эту работу, исследовав один из моментов, которые возникали при лабораторных опытах?

Сперва Виктор перечитал научную монографию Вяземского, которую профессор завещал ему. Монография была выпущена ограниченным тиражом и носила гриф «совершенно секретно». В первом разделе монографии кратко описывались теоретические принципы телепортации, высказанные различными учеными.

Помимо монографии Вяземского Виктор прочитал еще несколько книг, которые были у профессора в кабинете. Ну, не просто же так, именно эти научные труды Вяземский взял собой. Если они были важны для профессора, то и для Виктора они представляют огромную ценность.

В рамках теории Ньютона телепортация просто невозможна. Законы Ньютона базируются на представлении о том, что вещество состоит из крошечных твердых бильярдных шариков. Объекты не приходят в движение, если их не толкнуть; объекты не исчезают и не появляются заново в другом месте. Но в квантовой теории частицы способны проделывать именно такие фокусы. Ньютоновская механика продержалась у власти 250 лет и была свергнута в 1925 г., когда Вернер Гейзенберг, Эрвин Шредингер и их коллеги разработали квантовую теорию.

Одно из самых важных уравнений в телепортации – это волновое уравнение Шредингера. Благодаря Ньютону, все уже знали дифференциальное исчисление, физики описывали любую волну на языке дифференциальных уравнений. Поэтому Шредингер разработал подобное уравнение для электрона. И он сделал это, как когда-то Максвелл вывел свои уравнения для полей Фарадея, Шредингер вывел уравнение для волны де Бройля. Но не все так просто. Если электрон описывается, как волна, то, что же в нем колеблется? Ответом в настоящее время считается следующий тезис Макса Борна: эти волны представляют собой не что иное, как

волны вероятности. То-есть электрон – это частица, но вероятность обнаружить эту частицу задается волной де Бройля. Получается, что внезапно в самом центре физики – науки, которая прежде давала нам точные предсказания и подробные траектории любых объектов, начиная с планет и комет и заканчивая пушечными ядрами, – оказались понятия шанса и вероятности! Отсюда появился принцип неопределенности Гейзенберга: невозможно знать точную скорость, точное положение электрона и его энергию в один и тот же момент. На квантовом уровне электроны могут делать совершенно невообразимые вещи: исчезать, потом снова появляться, быть в двух местах одновременно.

Когда у людей спрашивают: «Как Вы представляете себе процесс телепортации?», большинство говорят, что они должны сесть в какую-нибудь специальную кабину, похожую на лифт, которая унесет их в другое место. Но некоторые представляют себе это иначе: с нас собирают информацию о положении атомов, электронов и т. п. в нашем теле, всю эту информацию передают в другое место, где, воспользовавшись этой информацией, вас собирают заново, но уже в другом месте. Этот вариант, пожалуй, невозможен из-за принципа неопределенности Гейзенберга: мы не сможем узнать точное расположение электронов в атоме. Однако этот принцип можно преодолеть благодаря интересному свойству двух электронов: если два электрона первоначально колеблются в унисон (такое состояние называют когерентным), то они

способны сохранить волновую синхронизацию даже на большом расстоянии друг от друга. Даже если эти электроны будут находиться на расстоянии световых лет. Если с первым электроном что-то произойдет, то информация об этом будет немедленно передана другому электрону. Это явление называется квантовой запутанностью. Пользуясь этим явлением физики за прошедшие годы, смогли телепортировать целые атомы цезия, а скоро, возможно, смогут телепортировать молекулы ДНК и вирусы.

Кстати, доказать принципиальную возможность телепортации математически удалось в 1993 г. ученым из IBM под руководством Чарльза Беннетта. В 2004 году физики Венского университета сумели телепортировать частицы света на расстояние 600 м под рекой Дунай по оптоволоконному кабелю, установив таким образом новый рекорд расстояния. В 2006 году впервые в подобных экспериментах был задействован макроскопический объект. Физики из института Нильса Бора и института Макса Планка сумели запутать луч света и газ, состоящий из атомов цезия. В этом событии участвовали многие триллионы атомов!

К сожалению, использование подобного метода для телепортации твердых и относительно больших объектов ужасно неудобно, поэтому скорее всего быстрее разовьется телепортация без запутывания.

Исследования в этой области стремительно набирали ход. В 2007 году было сделано важное открытие. Физики предло-

жили метод телепортации, не требующий запутывания. Ведь это наиболее сложный элемент квантовой телепортации и если удастся его не использовать, то удастся избежать много сопутствующих проблем.

Итак, вот в чем суть этого метода: ученые берут пучок атомов рубидия, переводят всю его информацию в луч света, посылают этот луч по оптоволоконному кабелю, а затем воссоздают первоначальный пучок атомов в другом месте. Ответственный за это исследование доктор Астон Брэдли назвал этот метод классической телепортацией.

Но из-за чего данный метод возможен? Он возможен из-за давно открытого состояния вещества "конденсат Бозе-Эйнштейна", или КБЭ. Это одна из самых холодных субстанций во всей Вселенной. В природе самую низкую температуру можно обнаружить в космосе: 3 Кельвина, т. е. на три градуса выше абсолютного нуля. Это благодаря остаточной теплоте Большого взрыва, которая до сих пор заполняет Вселенную. Но КБЭ существует от одной миллионной до одной миллиардной градуса выше абсолютного нуля. Такую температуру можно получить только в лаборатории. Когда вещество охлаждают до состояния КБЭ, все атомы сваливаются на самый низкий энергетический уровень и начинают вибрировать в унисон (становятся когерентными). Волновые функции всех этих атомов перекрываются, поэтому в каком-то смысле КБЭ напоминает гигантский «сверхатом». Существование этого вещества предсказали еще Эйнштейн

и Шатъендранат Бозе в 1925 г., но этот конденсат был открыт только в 1995 в лабораториях Массачусетского технологического института и Университета Колорадо.

Итак, теперь сам принцип телепортации с участием КБЭ. Сначала набираются суперхолодная субстанция из атомов рубидия в состоянии КБЭ. Затем на это КБЭ направляются обычные атомы рубидия, электроны которых также начинают падать на самый низкий энергетический уровень, испуская при этом кванты света, которые в свою очередь передаются по оптоволоконному кабелю. Причем, этот луч содержит всю необходимую информацию для описания первоначального пучка вещества. Пройдя по кабелю, световой луч попадает в уже другой КБЭ, который превращает его в первоначальный поток вещества.

Вот в принципе и весь процесс телепортации, с виду не сложно, конечно, есть множество технических нюансов и шероховатостей, но в ходе двухмесячного ударного труда, они были полностью решены и сглажены.

За два дня до своей смерти профессор дал отмашку на проведения контрольного эксперимента – перемещение небольшого пластикового кубика. Эксперимент прошел успешно: кубик красного цвета исчез в передающей камере и появился в камере-приемнике. Шквал аплодисментов всех, кто в этот момент находился в лаборатории, Вяземский сообщил, что работа окончена и необходимо передавать всю документацию и результаты их научной работы дальше, что-

бы запустить в производство передатчики-телепорты.

Вроде, вся работа закончена, передатчик и приемник для телепортации полностью готовы. Что еще можно сделать? Когда начались массированные обстрелы лаборатории, а Слепнев и Зимнев ушли, то Виктор понял, что ему надо найти способ передать всю документацию по проведенному эксперименту выжившим русским ученым, которые сейчас находятся где-то за Уралом и в Сибири, на эвакуированных в тыл предприятиях и научных институтах. Слепнев и Зимнев тоже собирались добраться до своих, но Виктор не был уверен, что у них что-то получится.

И вот тут молодой научный сотрудник Витя Иванов, подумал, а почему бы ему не попробовать передать информацию российским ученым, преодолев не тысячи километров, разделявших его и тыл, а преодолеть десятки лет и передать сведения об эксперименте в прошлое, чтобы предотвратить войну и тем самым спасти всех погибших.

В 1905 году Эйнштейн выдвинул специальную теорию относительности, понимание того, что каждый массивный объект во Вселенной должен путешествовать во времени, стало лишь одним из ее поразительных последствий. Также известно, что фотоны – или другие безмассовые частицы – не могут испытывать время в своей системе отсчета вообще: с момента, когда одна из них испускается, до момента, когда она поглощается, только массивные наблюдатели, вроде нас, могут видеть течение времени. С позиции фотона вся Вселен-

ная сжимается в одну точку, и поглощение и излучение происходят одновременно во времени и мгновенно.

Но у нас есть масса. И все, что имеет массу, ограничено тем, чтобы всегда путешествовать со скоростью меньше скорости света в вакууме. И не только это, но и независимо от того, насколько быстро вы двигаетесь относительно чего-либо – ускоряетесь вы или нет, неважно – для вас свет всегда будет двигаться с одной постоянной скоростью – скоростью света в вакууме. Это мощное наблюдение и осознание приходит с удивительным следствием: если вы наблюдаете за движущимся относительно вас человеком, его часы будут идти медленнее для вас.

Представьте себе «световые часы», или часы, которые работают по принципу отражения света взад-вперед в направлении вверх-вниз между двумя зеркалами. Чем быстрее человек движется относительно вас, тем больше будет скорость движения света в поперечном направлении, а не в направлении вверх и вниз, а значит, тем медленнее будут идти часы.

Точно так же ваши часы будут двигаться медленнее относительно них; они будут видеть время, которое течет медленнее для вас. Когда вы снова соберетесь вместе, один из вас будет старше, а другой моложе.

Такова природа «парадокса близнецов» Эйнштейна. Короткий ответ: если предполагать, что вы начинали в одной системе отсчета, например, в состоянии покоя на Земле, и попадете в ту же систему отсчета позже, меньше постареет

путешественник, поскольку для него время будет идти «медленнее», а тот, кто остался дома, столкнется с «нормальным» течением времени.

Поэтому если вы хотите ускоренно двигаться во времени, вам придется разогнаться до околосветовой скорости, двигаться в таком темпе некоторое время, а после вернуться в изначальное положение. Придется немного развернуться. Прodelайте это и сможете переместиться на дни, месяцы, десятилетия, эпохи или миллиарды лет в будущее в зависимости от снаряжения, конечно.

Вы могли бы засвидетельствовать эволюцию и разрушение человечества; конец Земли и Солнца; диссоциацию нашей галактики; тепловую смерть Вселенной самой. Пока у вас будет достаточно энергии на космическом корабле, вы сможете заглядывать так далеко в будущее, как захотите.

Но вот вернуться обратно – это другая история. Простой специальной относительности, или отношения между пространством и временем на базовом уровне, было достаточно, чтобы доставить нас в будущее. Но если мы захотим вернуться в прошлое, обратно во времени, нам потребуется общая теория относительности, или отношение между пространством-временем и материей и энергией. В этом случае мы расцениваем пространство и время как неразделимую ткань, а материю и энергию – как то, что искажает эту ткань, вызывает изменения в самой ткани.

Для нашей Вселенной, как мы ее знаем, простран-

ство-время довольно скучное: оно почти идеально ровное, практически не изогнутое, и ни в какой форме не закичивается на себе.

Но в некоторых моделируемых вселенных – в некоторых решениях эйнштейновской общей теории относительности – можно создать замкнутую петлю. Если пространство закичивается само на себе, вы можете двигаться в одном направлении долгое, долгое время, чтобы вернуться туда, откуда начали.

Что ж, бывают решения не только с замкнутыми пространствоподобными кривыми, но и замкнутыми времениподобными кривыми. Замкнутая времениподобная кривая подразумевает, что вы можете буквально путешествовать во времени, пожить в определенных условиях и вернуться в ту же точку, из которой вышли.

Виктор не собирался возвращаться назад, он не хотел сам перемещаться в пространстве. Он собирался отправить в прошлое послание, которое там примут, прочитают и не совершат тех ошибок, которые приведут к глобальной войне.

В ходе проведения экспериментов по телепортации, особенно на первоначальном этапе, происходили частые сбои. Виктор был поставлен Вяземским для просчета и устранения некоторых из этих сбоев. Тогда научный сотрудник Иванов столкнулся с одним часто повторяющимся сбоем: предмет перемещался в пространстве медленнее, чем надо, задержка составляла несколько секунд, что катастрофически много,

потому что за это время, можно было перенести телепортируемый предмет от передатчика к приемнику в руках.

Чтобы устранить сбой, Иванов всячески исследовал предмет, после неудачной телепортации и в ходе одного из этих исследований, а именно определения возраста предмета. Оказалось, что замеры возраста предмета «До» и «После» телепортации отличается, незначительно, но отличия есть. Если говорить точно, то телепортируемый предмет стареет на несколько лет.

Когда Виктор Иванов остался один, то он решил более подробно изучить этот сбой, благо вся информация по нему хранилась в ноутбуке и можно было легко начать исследования. Сейчас молодой научный сотрудник ощущал полную творческую и исследовательскую свободу, он делал, что хотел и как хотел. Он был свободен в выборе и способе проведения исследований и экспериментов. В его распоряжении была лучшая научная лаборатория, имевшаяся на тот момент в России.

Виктор не обращал внимания на периодически раздающийся грохот сверху, дрожащие стены, сыпавшееся с потолка бетонное крошево и уходящий из-под ног пол. Спал Иванов редко, ел и пил еще реже, он периодически вырубался, вдруг просыпаясь уткнувшись лбом в клавиатуру ноутбука. Разум молодого ученого, полностью поглощенного работой и вычислениями, отрешился от всего мирского и суетного. Мысли, рождаемые разумом, который перестал отвлекаться

на мелкие бытовые проблемы, витали в математических вы-
сках.

Как на столешнице стола появилась нужная формула Витька Иванов, так и не понял, он в очередной раз вырубился от недосыпания, а когда открыл глаза, то увидел, что вся поверхность обеденного стола исписана маркером. Почерк был его, формулы и математические расчеты, тоже были его, он помнил, как их писал. Виктору было лень вставать и идти за новой тетрадью, тем более, что его посетила неожиданная мысль, и он хотел ее тут же зафиксировать на каком-нибудь носителе, а поскольку ноутбук был на другом столе, то Витька тут же смел рукой на пол скудную трапезу на подносе и стал записывать формулы и расчеты на столе. Как он закончил писать, Виктор не вспомнил, он просто вырубился от усталости, но когда он открыл глаза, то среди выведенных черным маркером символов и цифр выделялась одна формула, которая была начертана пальцем обмакнутым в кетчуп.

Николай Марчук

Эта была та самая формула, которая необходима была для перенастройки аппарат для телепортации в машину времени. Да-да! В Машину Времени!

Перенастраивал передающую камеру телепорта Виктор в течении недели, он снял защитный кожух, убрал все изолирующие экраны и подключил к камере дополнительные электрические кабели. Изначально он планировал сделать достаточный объем, чтобы можно было самому поместиться в камере, но при повторных расчетах получалось, что не хватит энергии для переноса. Тогда Виктор уменьшил размеры, вернув их к первоначальным показателям.

Для временных настроек переноса в прошлое, он планировал использовать все тот же метод радиоуглеродного датирования. Достаточно было рассчитать сколько потеряет предмет углерода за определенный период, чтобы понять на сколько его надо вернуть назад. Расчеты по настройке временного периода, в который Виктор планировал возвращать предмет, заняли еще неделю.

Конечно, молодой ученый хотел угадать время возвращения с точностью до одного дня, и с помощью, компьютера смог произвести необходимые вычисления, но Виктор понимал, что на практике, подобная точность возможна только после нескольких сотен «полевых» экспериментов.

Пробный эксперимент Иванов успел провести только один – он отправил в прошлое небольшой мячик для гольфа,

который неизвестно каким образом затесался среди лабораторных принадлежностей на одном из столов. Мячик исчез из передающей камеры и не появился в приемнике.

Эксперимент прошел успешно? Вполне возможно, по крайней мере, Виктор Иванов сильно на это надеялся.

С первого раза, вряд ли удастся попасть в нужное время. Поэтому Виктор решил, что если в нужное время он не сможет попасть, то уж точное место он рассчитает легко и просто. Тут и рассчитывать ничего не надо, место и так известно, вон оно, это самое место – полтора куба гранита.

Гранитный валун, к которому прикручена памятная табличка, датированная августом 2011 годом. На табличке указано, что в этом месте в скором времени появится корпус научно-исследовательского центра АО «Заслон».

Большой обломок гранитного массива с табличкой, так и остался стоять на своем месте, а вокруг, и над ним выросли лаборатории и сборочные линии научно-исследовательского центра. Валун с табличкой стоял в фойе, где собирались сотрудники подземных лабораторий во время перерыва, тут же был небольшой фонтан, зона отдыха с фикусами в кадках и вендинговые аппараты.

Виктор хотел было перетащить переделанную им камеру для телепортации к валуну в фойе, надеясь, что отправленная им посылка в прошлое достигнет адресата, но потом подумал, что если точка отправления в настоящем будет в десятке метров от валуна, то и в прошлом посылка ока-

жется на таком же удалении от нужной точки. А что такое десять метров в нынешних масштабах? Пустяк! Главное, что где-то здесь, в августе 2011 года будет много сотрудников «Заслона», которых сюда свезут, на торжественное открытие строительства комплекса «Гранит». Тем более, что от общего фойе, вход в лабораторию, где разместился Иванов, перекрывала усиленная бронированная дверь со штурвальным замком и системой механической блокировки. Такую дверь, чтобы открыть с той стороны придется взрывать или очень долго, снимая слой за слоем вскрывать.

Что планировал отправить в прошлое Виктор Иванов? Надо было отправить что-то такое, чтобы помогло предкам остановить войну. Просто написать письмо с предупреждением? А кто в него поверит? Подумаю еще, что розыгрыш. Подняться на поверхность и сфотографировать разрушенные корпуса, чтобы в 2011 году поверили, что спустя тридцать лет начнется глобальная война? Ну, так себе доказательство, честно говоря. Виктор бы не проникся подобным фактом, мало ли что подумают предки об этом фото.

И тут Виктора осенило! Он отправит в прошлое монографию профессора Вяземского. Во-первых, в книге есть иллюстрации и точное описание приборов, разработанных группой Вяземского, тут и принцип управления гиперзвуковым оружием и основы телепортации. Во-вторых, любой кто возьмет в руки книгу, поймет, что она из будущего, потому что указан год издания – 2040, а еще на третьей странице

фото автора – профессора Вяземского, на котором ему семьдесят лет.

В конце монографии было тридцать пустых, чистых страниц, как будто профессор, сдавая книгу в печать, планировал ее использовать как еженедельник для заметок. Три страницы были испещрены столбцами с числами и цифрами, в каждом, пронумерованном столбике, по три числа. Что это означало Виктор не знал, видимо какой-то шифр или пометки, значение которых знал только Вяземский. Виктор спрашивал у Зимина, знает ли тот, что означают эти столбики чисел, но правая рука Вяземского об этом ничего не знал.

Виктор исчеркал чистые страницы в монографии, кратко описав все знаковые события, которые произошли с человечеством после 2011 года. Там же он описал принцип работы телепорта, основные доработки, которые сделали в подземной лаборатории, теоретические вычисления на которых основана работа машины времени – ту самую формулу, выведенную когда-то кетчупом на столе и даже, попытался сделать пару чертежей и эскизов. Получилось так себе, из Иванова художник был не важный.

Последний штрих, Виктор вывел черным маркером на обложке монографии: *нашему, вернуть профессору Вяземскому Валерию Олеговичу за вознаграждение по адресу: город Ленинград (Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака д. 9. Передать лично в руки.*

Виктор отложил маркер в сторону и только сейчас обра-

тил внимание на равномерный стук, который раздавался по ту сторону бронированной двери, закрывавший вход в лабораторию.

Стук был не особо сильным, но методичным и равномерным. Значит это не очередной обстрел и подрывы. Получается, что враг пробился под землю и уже находится совсем рядом.

Ну, что ж пора...

Николай Марчук

Виктор положил книгу в центре камеры, зафиксировал на обложке необходимые датчики, и нажатием кнопки подал напряжение на прибор.

Никаких спецэффектов, вроде голубых искр, электрических ветвистых разрядов, свечения, или яркой вспышки не было. Книга просто исчезла.

Получилось?!

Виктор Иванов, очень надеялся, что у него все получилось и посылка достигнет адресата в далеком 2011 году.

Стук снаружи становился все громче и яростнее, к нему добавилось какое-то металлическое скрежетание. Похоже, что те, кто пытается проникнуть в лабораторию, применили домкраты. Что ж умно.

Виктор достал из ящика стола припасенную на крайний случай бутылку коньяка, банку консервированной корюшки в масле и плитку шоколада. Надо отметить прошедший эксперимент, будем надеяться, что успешный, а заодно помянуть себя.

К коньяку Виктор так и не притронулся, почему-то спиртного совершенно не хотелось, зато корюшку в масле съел с большой охотой. Закончив с рыбой, Виктор будничным жестом, как будто делал это по три раза на дню, дернул ручку рубильника, приводящего в действие механизм самоуничтожения.

Под потолком раздался резкий визг сирены и замигали

проблесковые сигналы тревоги. По ту сторону двери, грохот металла стал яростнее и ожесточение. Виктор нацепил наушники, включил музыку погромче, чтобы она заглушила визг сирен и прикрыв глаза, устало растянулся на кушетке.

Как же он устал, пора и отдохнуть. Виктор проделал тяжелую и трудную работу, он заслужил отдых.

Осень 2011 год. Выборгский район. Территория стройки научно- исследовательского комплекса ОАО «НТЦ «Завод Ленинец»

– Слушай, друг, не подскажешь, кто тут у вас профессор Вяземский? Невысокий мужик в рабочей спецовке дернул за рукав высокого молодого мужчину, стоящего чуть в стороне от основной группы сотрудников основного предприятия, приехавших на стройку. Руководство «Ленинца» решило организовать субботник для помощи строителям и на нескольких автобусах привезли полсотни научных сотрудников, чтобы они вдоволь помахали лопатами.

– Вяземский? – переспросил мужчина. – А зачем он вам?

– Он книгу обронил, и на ней написано, что нашедшему будет вознаграждение. Так ты знаешь где он или нет?

– Книгу? – удивился мужчина. – Я не терял никакой книги. А, ну покажи?

– На, вот, только чур без рук, а то знаю, я вашего брата-интеллекта, сейчас как хватанешь и сдрыснешь.

Мужик в спецовке, крепко держа в руках книгу в синей обложке, раскрыл ее, показывая первую страницу на которой было изображено фото автора. Пожилой мужчина на фото, сидящий в кресле, был отдаленно похож на молодого муж-

чину.

– Откуда у тебя это?! – враз осипшим голосом спросил мужчина.

– Нашел. У вас тут в прошлом месяце был митинг по поводу начала стройки, видать на нем эту книжищу профессор и потерял. Только странно, что нашли ее буквально вчера, причем она лежала рядом с тропинкой, по которой часто ходят работяги и до вчерашнего дня никакой книги никто не видел, да и ваши приехали только сегодня. Прикинь, вот загадка, так загадка!

– На держи!

Не глядя на достоинства купюр, молодой мужчина выдернул из бумажника пару банкнот и протянул их строителю.

На фото в книге был он, только старше намного лет. Что это? Откуда книга? Чья-то шутка, веселый розыгрыш?

– Так ты сам передашь книгу профессору? – обрадовался такому обороту событий строитель. – Ну, спасибо! Скажи, чтобы больше не терял, а то книга похоже ценная, а он ее в грязи купал. Ты, кстати, похож на старика на фото. Отец твой что ли?

Молодой мужчина, не обращая внимания на вопросы строителя направился в сторону автобуса, который привез его сюда. Забравшись в автобус, мужчина забился на самое последнее сидение, раскрыл книгу и углубился в чтение. Он быстро пролистал книгу, уделив особое внимание всем рукописным надписям и дате издания книги. Добравшись до кон-

ца книги, наткнулся в столбики с цифрами. Мужчина достал из кармана небольшой блокнот и ручку. Столбики с цифрами были простым шифром, который он самолично придумал с друзьями еще в далеком детстве, чтобы играть в «шпионов и разведчиков». Первое число – номер страницы, вторая – какая строчка по счету с верху, третья – слово по счету слева направо. Остается найти все слова и записав их, прочитать сообщение, которое зашифровал автор послания.

Николай Марчук

Нервно шелестя страницами и записывая слово за словом в блокнот, молодой, пока еще кандидат технических наук Валерий Вяземский хмурился все больше и больше. После расшифровки, слова складывались в строчки и абзацы. Прочитанное заставило тревожно задуматься:

Здравствуй, дорогой Я. Если ты читаешь эти строки, значит я рассчитал все правильно, и наша с тобой книга попала в прошлое к тебе. Мне сегодня исполнился семьдесят один год, на дворе 2041 год. Сегодня ночью я себя убью. Почему я это сделаю неважно. Важно, чтобы молодой парень, выпускник Томского университета, Виктор Иванов смог собрать машину времени. Но если книга в твоих руках, значит ему это удалось.

В августе 2011 года, я получил почти такую же книгу из будущего. В ней было короткое послание от меня, и описывался принцип управления снарядами, движущимися на гиперзвуковых скоростях. Вместе со своей группой и другими российскими учеными, мы смогли создать исправно работающие, управляемые ракеты, летящие с гиперзвуковой скоростью на десять лет раньше, чем наши, западные враги. Я думал, что это поможет остановить глобальную, ядерную войну. Ошибся! Война, все равно началась, правда на пятнадцать лет позже, чем сообщалось в том послание, что я получил из будущего. У них война началась в 2026 году, а у нас только в 2041 году.

Этих пятнадцать лет мне хватило, что разработать устройство для телепортации предметов. Думаю, что в этом и была моя ошибка, если бы не это изобретение, то наши враги вряд ли бы решились на ядерную войну.

В этой книге, что ты держишь в своих руках, есть все, что я смог открыть и разработать за свою жизнь. Используй эти знания по своему усмотрению, но знай, что воплотив их в жизнь, ты только отсрочишь войну, но не отменишь ее...хотя, может у тебя все выйдет намного лучше, чем у меня.

Обязательно найди Виктора Иванова. Он должен учиться в Томском государственном университете на радиофизическом факультете в тридцатых годах. Именно он создаст машину времени.

Р. С. Дорогой Я, помни: уходить надо вовремя, чтобы не мешать молодым исследовать и совершать новые открытия!

Удачи! Надеюсь, что ты сделаешь все правильно!

– Валентин, а ты чего сидишь в автобусе? – раздался встревоженный голос от двери. – Что у тебя с лицом? Тебе плохо?

В дверном проеме автобуса стоял немолодой уже мужчина в стареньком пальто, с седыми волосами и старомодными круглыми очками. Профессор Игнатьев.

– Да, профессор мне плохо, видимо давление, – ответил Вяземский.

– Ну, тогда, сиди в автобусе, отдыхай, без тебя справимся. Может тебе таблетку дать? У меня есть андипал.

– Нет, спасибо профессор, обойдусь. Лучше я немного тут посижу и отдохну.

– Хорошо, если, что обращайся.

Профессор Игнатьев покинул автобус, а сорокалетний Вяземский надолго задумался. Еще час назад он только и думал о том, как бы половчее откосить от субботника и вернуться обратно в Питер. А сейчас у него в руках «привет» из будущего от самого себя и дилемма, которую надо как-то решить.

С одной стороны, у него есть достоверные расчеты и формулы, с помощью которых он может совершить минимум два, а то и три глобальных, прорывных открытия в научном мире. И это, как для ученого, наивысшее достижение.

А с другой стороны, в этой же книге, незнакомым ему подчерком прописаны наиболее знаковые события, которые произошли в мире с 2011 года. И грамотно оперируя, и используя эти знания можно хорошенько обогатиться, но для этого придется забросить науку. Потому что, тут либо деньги, либо наука, третьего не дано.

Что же выбрать?

Думал Валентин Вяземский недолго, природная любознательность и неукротимая потребность в научных изысканиях решили все за него.

Ну, что ж, попытаемся в очередной раз спасти мир.

Ю_Шутова. «Ген бессмертия»

Диона

– Добро пожаловать на Диону. Займите ваше место в надводном модуле, он доставит вас на поплавок. Перед вами раскинется бескрайний мир океана...

Проникновенный голос Джесики, вирт-хозяйки турстанции расписывал прелести путешествия в глубинах, но Петров не слушал, информация сама наматывается на мозги: правила безопасности, инструкция к оборудованию, если его можно так назвать, все про флору и фауну планеты. В конце отпуска можно это стереть, а можно унести с собой в память. Все для удобства клиентов, все на благо человека.

Черт, дал же себе слово не вспоминать о работе, но вот, выскочила фразочка из корпоративного кодекса, и тут же закрутилось в голове: «...феномен синтетической летальности при достижении возраста...» Послали тебя, Петров, отдыхать – отдыхай. Не мути сознание, а то выгоришь – потеряет корпорация ценного работника. И чем тогда займешься? Мемуарами? «Как я руководил проектом GL111z». Пардон, индекс проекта засекречен. Тогда так: «Как я кромсал и клепал летальные аллели, и как из этого ничего не вышло».

Крохотный экраноплан скользил в полуметре над водой.

Под прозрачным пологом искрящейся изумрудной лентой нес-
лась поверхность океана. До поплавка, станции, откуда начи-
нался спуск в глубины Дионы, Петров долетел за десять ми-
нут стандартного общеземного времени. Еще минут сорок
заняло знакомство с «оборудованием» и цикл «врастания».
Петров, очень далекий от морского отдыха, впервые столк-
нулся с этим. Видел по визору, но сам не пробовал.

«Вот насоветовал Санек. И на что я теперь похож?» — усмехался он, улегшись в капсулу и глядя в экран на то, как превращается в ихтиандра. За уши пристраиваются розовые кустики жабр, совсем как у аксолотля, верхнюю часть лица накрывает прозрачная мягкая линза, на ногах «отрастают» ласты, тело обволакивается тоненькой пленочкой. Все это сделано из биогена, хрящеподобной псевдоживой субстанции, тоже, кстати, продукта родной корпорации. Биоген насыщен сосудами. Он срастается с телом, становится второй кожей, усиливает кислородный обмен и заодно защищает от глубинного холода океана. «Костюмчик» рассчитан на шесть часов. Прикрепленный к виску чип предупредит, когда надо будет поворачивать лыжи, ну то есть ласты. О любой опасности предупредит, он мониторит округу на мили. Да какие опасности на курорте?! Десятимильная зона вокруг поплавка огорожена отпугивающей энергетической сетью. Здесь абсолютно безопасно. Кораллы, рыбки, безобидные дракончики и колоритные парусники, чем-то напоминающие земных мант, только плывущие, выставив крыло вертикально. Закрепленная на лбу микрокамера позволит вам «создать прекрасный фильм о подводном царстве Дионы» — это Джесика напела.

– Геныч, как дела? – Санек распахнул дверь лаборатории и ввалился носорожьей тушей.

Это Петрову – Санек, давний друг и однокашник, а всем остальным – Александр Игнатьевич Иловайченко, директор отдела «Генетическая перспектива» корпорации «Заслон».

– Нормально. Шестой этап закончили, и, ты знаешь, есть интересные зацепочки. Метилирование гена рецептора глюкокортикоидов дает...

Иловайченко двинул пухлой ладонью, смахивая за дверь лаборантку Леночку, уселся на ее место. Офисное креслице протестующе пискнуло.

– Я не про этап. Я, Геныч, про твои дела, – принажал на «твой».

Петров как-то замитусился, нервно подергал русую челку, пробежался с угла на угол, переложил какие-то бумаги, опустив глаза, ответил:

– Тоже нормально, скрининг я прошел, ничего вопиющего там нет. Ну некоторое снижение уровня экспрессии...

– Знаю. Читал заключение. Вот и пришел. Да ты бы сел. Поговорить надо.

Петров присел на край стола, за которым вальяжно развалился его непосредственный начальник.

– И что скажешь, Санек?

От разговора он ничего хорошего не ждал. И оказался прав.

– Выгорел ты, Геныч. Еще чуть-чуть и алес, – видя, что друг пытается что-то возразить, протестуяще поднял руку. – Не спорь. Ты сколько уже этим проектом руководишь? Лет тридцать?

– Тридцать четыре, – выдохнул Петров.

– Во-о-от. А результатов – фиг да нифига. Великая цель – победить саму матушку Смерть. Дать человеку бессмертие. Хотя бы, почти. И смириться с тем, что не ты это сделаешь, не успеешь, помрешь раньше, очень тяжело. Сколько нам с тобой еще осталось? Лет двадцать? Ну тебе может поболее, я-то со своим, – обвел руками необъятные тела, – багажом раньше сойду. И ты гонишь лошадей: скорей, мати-йети, скорей, болезные!

Он помолчал, вытащил из кармана штанов носовой платок, смахивающий на небольшую скатерку, шумно высморкался. Подержал паузу. Петров тоже молчал, ждал продолжения.

– Короче, Геныч, вали-ка ты в отпуск, – еще один отсекающий протесты жест. – Властью, данной мне Генеральным советом директоров нашей многоуважаемой Заслонки, повелеваю: в отпуск! На полгода, а? Ничего, Перспектива подождет. Мне проще подморозить проект, чем искать нового руководителя. Не спорь, приказ я уже подписал. Я босс, мне решать.

– С понедельника валить?

– Зачем с понедельника? Понедельник, сам знаешь, когда начинается. Прямо сейчас вали. Что, еще два рабочих часа? И много ты за два часа успеешь? За тридцать лет не успел, а за пару часов успеешь. Ген гениальности в Гене очнется, – Иловайченко засмеялся, подхрюкивая: любил созвучные масло-масляные фразочки. – Пошли, покажу тебе одно турагентство.

Петров пожал плечами:

– Зачем турагентство? Что я из дома не организую?

Приятель ухмыльнулся:

– Неа. Я тебя не знаю, что ли? Проваляешься на диване, ну на крайняк в Хибины метнешься. И через неделю прискачешь: вот он я, свеж, как огурец, дайте поработать. А мне надо тебя на полгода куда подальше упечь, что б ты мозги свои вычистил. Так что двинем к Кириллу и Мефодию.

– Кто это?

– Ну турагентство. Называется так. Я там в прошлом году океанский тур заказывал. Три месяца из воды не вылезал, думал, плавники отращу. На Дионе. Слыхал?

Петров покачал головой:

– Нет. Это ближний космос или фронтир?

– Как раз в прошлом году из фронта вывели. Почти сплошняком вода, только небольшая кучка островов. Курорт для любителей подводных вояжей. По океану повсюду разбросаны маленькие станции, поплавки, и можно квестом от

одного к другому, а можно просто вокруг одного понырять. Тебе бы неплохо было. Вода здорово мозг прочищает, вообще думать перестаешь.

Лифт сбросил их с пятьдесят второго этажа, двери распахнулись и беззвучно сомкнулись за спиной. Петров обернулся на башню корпорации, уходить не хотелось. Ехать куда-то – ползать по горам, бултыхаться в океане, что там еще придумает друг-начальник – все это так не ко времени. Сейчас, когда появился пусть маленький, но все же прорыв. Над прозрачными воротами сияли буквы: «На шаг впереди во всех отношениях». Вот и они сделали крохотный шаг вперед, надо развивать успех, а ему придется на полгода выпасть из процесса. Обидно. Но ведь Сашка прав, он и сам чувствовал: еще чуть-чуть и его собственный резерв будет вычерпан до дна. Да какое там! Уже ложка шкрябает по дну. Лучше пусть в отпуск ушли, чем окончательно спишут, переведут в принцы-администраторы или почетные представители.

Пневмопоезд за считанные минуты доставил приятелей от штаб-квартиры корпорации в Новой Славянке до центра города и выплюнул на станции «Гостиный двор». Вынырнув на поверхность, они уперлись в людскую толпу, запрудившую перекресток Невского и Садовой. С четырех сторон беспомощно замерли брошенные беспилотники. В воздухе порхали чижики – крохотные дроны-наблюдатели. Над толпой вздымались плакаты, написанные на бумаге. На взгляд Петрова это выглядело нелепо: зачем переводить целлюлозу,

разве нельзя было свои лозунги просто высветить лазерными лучами? Подобные заявления он встречал не раз: «Модификанты – нелюди», «Верните нам нормальную семью», «Homo naturalis», «Долой вакцину молодости» и прочее.

Подскочил старик: сторбленный, волны морщин на лице. Рука в блеклых веснушках сунула под нос веер бумажных листовок.

– Вот, молодые люди, – надтреснутый голосок впился Петрову в уши, – возьмите. Человек – существо натуральное, а эти... – он оглядел друзей с головы до ног, и голосок приобрел презрительные нотки. – Да какие вы молодые... Небось старше меня.

Старик растворился в толпе, но листовки все же втиснул в широкую ладонь Иловайченко. Тот смял их, не читая. Оглянулся в поисках утилизатора, не нашел и затолкал в карман. Засопел, недовольно.

– Ну вот чего они, Геныч? Не хотят жить молодыми и здоровыми? Хотят, как этот? Ни фига не шарят ни в генетике, ни в эпигенетике, а выводы делают. Модификанты, понимаешь, не люди. А кто? Конь в пальто? Вакцина молодости... Дураки... – помолчал, мусоля какую-то мысль. – Хотя, это они правильное название придумали. Не научное ни разу, зато красивое, – и повторил, вроде уже утешившись, – вакцина молодости. Звучит.

Обогнув митингующих, они пошли в сторону Фонтанки.

– Знаешь, Саня, я первый раз старика увидел, когда мне

четыре года было, — Петров сам не понял, почему вдруг вспомнил давно позабытый детский эпизод. — Испугался до икоты. Думал это инопланетник.

— И кто это был?

— Дядя Паша, папин младший брат. Он тогда домой вернулся. Умирать.

— И что?

— Через полгода умер. Они с отцом погодики были. Только папа молодой и здоровый, а дядя Паша... Он отказался от программы. Ну первую-то инъекцию ему в младенчестве сделали, само собой, а вот, став взрослым, не захотел продолжать программу генной модификации. Решил прожить, хомо-натуралисом. Как будто мы не натуралис. Когда дяди Пашин гроб поехал в плазменную печь, я, маленький, впервые осознал: мы все умрем. И я сказал сам себе: «Никто не должен умирать».

— И решил стать генетиком.

— Нет, Сань. Это позже. Когда вырос. Да ладно, это все неважно, даже не знаю, чего вдруг вылезло.

Некоторое время они шли молча. Обескураженные внезапным затором беспилотники приходили в себя и расползались в сторону Караванной. Петров думал о дяде Паше. Не вспоминал о нем не то что годами, десятилетиями, а тут метнулся под ноги согбенный старикашка, и выплыло из глубин памяти. Четырехлетнего Генку пугало его лицо, оно снилось ему ночами: морщины глубокими рвами, серая поросль ку-

стистой бороды, выцветшая голубизна пустых глаз, провал беззубого рта – лицо превращалось в ландшафт, чуждый и опасный. Но больше всего пугали перевитые синими венами руки. Скрюченные пальцы с распухшими суставами. Бесконечная мелкая дрожь этих похожих на корни крымского самшита рук. «Почему он такой?» – спрашивал у отца. Тот, хмурая бровь, отвечал: «Это его выбор».

Выбор... Став взрослым, Гена решил: не выбор – отказ. Таких отказавшихся с каждым годом прибавлялось. Конечно, поначалу, когда внедрили программу генной модификации от желающих воспользоваться ею отбоя не было. Весь мир охватила эйфория: молодость, пусть не вечная, но перманентная! Сбылась мечта человечества! Базовая программа была доступна всем: никаких врожденных дефектов, здоровье от рождения, плюс пожизненная гарантия этого самого здоровья. Никакой седины, дряблости, климакса, деменции. Было от чего прийти в восторг.

Почему позже, через несколько поколений, они стали отказываться? Сначала единицы, потом сотни, тысячи, десятки тысяч людей предпочли старость. Петров не мог этого понять. Да, генная модификация не смогла значительно продлить срок человеческой жизни, выигрыш был минимальным: сто двадцать, сто тридцать лет против восьмидесяти-девяноста. Отпали генетические болезни и те, что развивались к старости, вот и выигрыш. Прожив свои сто с лишним лет, человек все равно умирал. И умирал молодым и

здоровым. Никто не хочет умирать молодым. Жить и помнить, что скоро чья-то всевластная рука повернет твой рубильник: через двадцать лет, через десять, через пять, завтра... Завтра! А ты молод, а ты только встретил ту самую, единственную, а у тебя маленькие дети, и ты уже точно не увидишь их взрослыми. Непереносимо.

Дети... Семья... Они требуют: «Верните нам настоящую семью!» Что для них настоящая семья? Папа, мама, трое, ну от силы пятеро детей. Бабушки плюс дедушки. А теперь детородный период длится всю взрослую жизнь. Вон, у Иловайченко и его Татьяны тридцать семь детей. Правда, с ними живут только последние, девчонки-тройняшки, маленькие еще. А если у человека десяток браков за всю жизнь, и в каждом далеко не по одному чаду? Он и не помнит, может, некоторых. А еще десятки собственных братьев и сестер. Дядя и тетки, кузены и кузины... Не сосчитать. Санек, кстати, сосчитал. Уверяет, что ныне живущих иловайченков восемьсот двадцать шесть человек.

Но почему демонстранты с плакатами считают это ненормальным? Когда-то в древности были патриархальные семьи, кланы. Для предков правильно, а для нынешних, как они говорят, модификантов, ненормально. Разве не ерунда?

Небо заволокло серой хмарью, начал накрапывать дождь. Иловайченко принялся недовольно бурчать:

– Лето наступит когда-нибудь, мати-йети? Середина июня, а без куртки на улицу не выйдешь.

От этого ворчания Петрову стало легче. Что бы ни кричали недовольные достижениями науки и техники, а человек совершенно не изменился.

— Сань, люди вечно недовольны погодой. Научились гасить тайфуны и цунами, а на дождик жалуемся. Слушай, может, я все же домой двину? Завтра поищу, куда поехать. Чего ты меня, как маленького, за руку тянешь?

— Не, Геныч, никаких «домой». Я тебя не только до агентства дотяну, я еще и в телепорт плюну, когда ты с Земли-матушки стартанешь. Убедюсь, что ты уехал. Или убежусь? Короче, я с тебя не слезу, не надейся.

* * *

Гена плыл сквозь изумрудную толщу, едва шевеля ластами. Все глубже по наклонной, словно катился с горки на животе. «Народу» вокруг хватало. Большие, размером с овчарку, контрастно раскрашенные рыбы, синие с лимонными «губами» и такими же плавниками, плыли рядом, кося в сторону человека круглыми глазами, выворачивая их то влево, то вправо. Чип, пристроенный на виске, услужливо подсказал название: желтоусая галимеда. Вдруг они метнулись в сторону, скрылись в качавшихся ветвях-щупальцах кораллоподобного куста. То ли вид ихтиандра Петрова им прискучил, то ли испугала стайка мелких змеек, красными молниями метнувшихся наперерез. Иногда особо любопытная

мелочь, какая-нибудь черная лигея, или попугаисто-пестрая навсифоя касалась плавником или носом, пытаюсь понять, кого это принесло в их околоток, что за рыба такая, бледная, с розовыми кустиками жабр. Тогда Петров отмахивался ладонью, как от надоедливой мухи, не имея возможности отпугнуть общепринятым: «Брысь!», – брыскал мысленно.

Он забрался далеко от поплавка. Но это нестрашно. Стоит только подумать о возвращении, чип, связанный с его мозгом в единую нейросеть, позволит взять верное направление. Но Гена, еще не надумал поворачивать ласты к дому, скольжение в воде захватило его: безмолвие, яркие, как елочные игрушки обитатели – прав был Сашка, когда буквально пинком вышвырнул его в отпуск. Океан Дионы гасил недовольство, суету, сожаления.

– Вот и прекрасно, что рейс прямо сегодня, – Иловайченко все решил за него, – и домой тебе незачем. Что тебе собирать? На крейсере получишь и одежду, и все, что надо. Так что давай, бронируй место. А то следующий на Диону лишь через две недели.

И он, ведомый другом, взял билет на пассажирский крейсер «Гагарин», стартующий с орбитального космопричала в тот же день. Сашка проводил его до купчинского телепорта и не уехал, пока дверь телепортационной кабины не закрылась за Геной. Кто его знает, может и плюнул вслед, как обещал: доброй дороги, мол. На борту крейсера был выбор:

бодрствовать неделю, наслаждаясь прелестями космического перелета, или спать в анабиозном коконе. Петров выбрал сон. Не встречаться с другими пассажирами, не разговаривать, а главное – не пережевывать раз за разом последний этап проекта, не искать ошибки, не отращивать, как бороду, чувство неудовлетворенности. Вот и вышло, что только вчера они с Сашкой шли по Невскому, обходя митингующую толпу, а сегодня он, Геныч, ихтиандром ввинчивается в водную плоть Дионы, одной из свеженьких планет ближнего космоса.

Космос делился на ближний и дальний не по расстоянию: милям, парсекам или световым годам. Экзопланеты разбросаны по разным звездным системам. В ближний космос входили уже освоенные, подтянутые, порой и за уши, к годному для человечества уровню. В дальнем оставались все остальные. Еще был фронтир – планеты в стадии освоения: изменения атмосферы, климата, уничтожения любых потенциально опасных для человека факторов. И их, как говорит Иловайченко, многоуважаемая Заслонка была здесь очень при делах: снабжала рейнджеров фронта оборудовани-ем. «Все, что мы создаем, – надежно. Мы трудимся на благо человека», – гласил кодекс корпорации, и сомневаться в этом не приходилось: каждые четыре-пять лет Альянс Большой Земли получал новенькую, с пылу с жару планету ближнего космоса. Подготовленную для сельхозколонизации, добычи ископаемых, завода-автомата или курорта. Да и к тому,

что рейнджер и колонист – одни из самых распространенных профессий, Заслонка тоже приложила свою высоконучную лапу. Если бы не программа генной модификации, та самая вакцина молодости, которую нынче стало модно отрицать, как, скажите на милость, земной Альянс потянул бы освоение десятков планет одновременно? Откуда взялся бы человеческий ресурс, если на Земле жило лишь восемнадцать миллиардов человек. В смысле, на момент внедрения программы. А теперь с современными семьями-кланами, чего удивительного?!

Петров предавался гордости за родную Заслонку, за свой проект, и чего уж греха таить, за собственную руководящую роль в этом проекте. Подействовал океан – смыл всю шелуху с души, оставил только радость и гордость. Задумавшись, он не сразу сообразил, что за зуммер включился у него в голове. А очнувшись, перепугался: чип дятлом стучал в мозг, подавал сигнал тревоги. В случае настоящей опасности чип с носителем не разговаривал. Ничего такого типа: «Посмотрите направо, в пяти метрах от вас, хрен знает откуда, десятитонный многозубый человеколюбивый в кулинарном смысле мегалокрокодилус нереалис. Вы будете съедены через три минуты. Спасибо, что выбрали наше турагентство. Рады встрече с вами». Он просто фигачил информацию в подкорку, минуя вербальные менуэты. И руководимый им ихтиандр Петров уже во все ласты улепетывал в сторону спасительного

поплавка, прекрасно понимая, что не успеет. Не успеет проплыть две мили, что отделяли его от спасения, потому что за спиной мчит, конечно, не мегалокрокодилус, но весьма близкий к нему краснохвостый термодон. Существо мало-приятное в общении, в любом споре имеющее единственный аргумент: откусить своему визави голову, а потом слопать и все остальное. Крокодилья пасть, вечно голодное брюхо, двойной против того, что у Петрова, набор ласт и гибкий, как хлыст хвост. Но как термодон прогрыз защитный периметр? И почему выбрал на обед именно несчастного туриста?

Ни одна подобная мысль не просквозила в мозгу Петрова. Мыслей не было, их глушил чип, оставляя лишь животную жажду жизни. Но зубастая скотина имела все преимущества: и лапы шире, и опыта в игре в догонялки под водой больше. Термодон обошел Петрова на корпус. На ящеров пятнадцатиметровый корпус. Развернулся, ощерившись, и теперь обезумевший от ужаса ихтиандр несясь прямо в термодонову пасть.

Петрова обогнал темный силуэт – ударил ящерицу в бок, разорвав крепкую кожистую броню. В изумрудной воде расплылось кровавое облако. Термодон извернулся выюном в сторону нападавшего. Хвост толстым шлангом ударил Петрова по голове, сбил с лица биогенную линзу, срезал височный чип и жабры. Человек лихорадочно засучил руками и ногами, рефлекторно вдохнул – вода горьким потоком хлынула в горло, в легкие. Петров начал тонуть, в гаснувшем

сознании сквозь зеленую муть промелькнуло размытое женское лицо. Гибнущий от асфиксии мозг подсказал: «Инга пришла за тобой. Ты умер, Геныч».

Больше он ничего не видел. Но еще какое-то время чувствовал, как голые теплые руки обвивают его, влекут куда-то. Руки Инги. Руки его жены.

Инга умерла тридцать лет назад. Она умерла, и он больше ни разу не женился.

Она работала в той же корпорации, в отделе космозоологии, в бестиарии, как его окрестили сотрудники. Разрабатывала меры генного воздействия на автохтонных зверушек, что мешали продвижению человека в глубины вселенной. Ее позвали в экспедицию на Сангариус, занюханную планетку на задворках фронта – окраинная орбита Дзеты созвездия Кормы. Безводная пустыня: песок и торчащие из него причудливые скалы светились в ультрафиолетовом излучении Дзеты ярко-зеленым. Это были сплошные урановые руды. Да не простые, а с высоким содержанием хассия и резерфордия, что на Земле объемом больше мышкиных слезок не получишь.

Можно представить простую человеческую радость: гребни ценное сырье лопатой. Омрачала восторг местная фауна, состоявшая из единственного вида – здоровенного, как бревно, кольчатого, покрытого шипами червя, получившего имя «пенеус кареглазый». Червяк обладал пастью с пятью рядами острых зубов, и выше пасти – тремя парами глаз с ко-

жистыми заслонками, возможно, и карих. Пенеусы проводили жизнь, ползая в толще песка. На поверхность выбирались в двух случаях: поваляться под ультрафиолетом и накопить электрический заряд или закусить кем-нибудь из соплеменников. Битвы этих живых батареек сопровождались разрядами молний и с безопасного расстояния выглядели эпично. А еще они были практически неуязвимы. Убить червя можно было лишь поразив защищенный роговыми наростами нервный узел, заменявший им и мозг, и сердце. Обычно пенеусы ограничивались отгрызанием сопернику задней части, и тогда недоеденный заползал куда-нибудь поглубже отращивать утраченное.

Безмозглые черви, однако, сообразили, что в их мире появилась новая еда, и начали нападать на рейнджеров. А получив отпор, объединились в стаи. Встал вопрос: перенастроить пенеусов, отбить у них страсть к человечине или просто уничтожить, чтоб не мешали людям копаться в радиоактивном песочке. Вот и поехала Инга с группой космозоологов искать ответ. И не вернулась.

* * *

Очнулся, как вынырнул. Резко вдохнул – в горле саднило. Закашлялся. Провел рукой вдоль тела, понял, что лежит на песке. Вспомнил: раззявленная пасть, удар хвоста, сорвавший жабры, кровавый «дым», закрутившийся в зелени оке-

ана, судорожный вдох, вода в легкие... Лицо. Последнее, что пронеслось в умирающем сознании. Почему ему показалось, что это Инга? Лицо было совсем чужим: хищный прищур, оскаленные острые зубы, змеи волос – Медуза Горгона.

Свет заслонило лицо в обрамлении мокрых распущенных волос. Совсем молодое, девичье. Ему больше двадцати лет не дашь. А возраст его хозяйки разве определишь? Приподнявшись на локте, он оглядел девушку. Обнаженная, она сидела рядом, опираясь рукой о песок. Внимательно, без улыбки смотрела на него, будто ждала чего-то.

– Как тебя зовут? – спросил на общеземном.

Она замешкалась, в глазах промелькнула растерянность.

– Имя. Есть же у тебя имя, русалка?

Он улыбнулся, хотя горло першило от соленой воды.

– Зови меня Ксатль-Туатле, – кивнула головой, – это хорошее имя.

Он отвел с ее лица мокрую прядь, как занавеску. Она была очень красива. Идеальна, как... Невозможно подобрать аналог. Не статуя, она была живая. Лицо не абсолютно пропорционально: нос несколько длиннее, чем надо, а подбородок чуть меньше, чем полагалось бы к такому носу. Кожа цвета молочного шоколада, волосы раскрученными пружинками глухо-оранжевого цвета, как засушенные апельсиновые корки. Она вся была теплой. Пахла солью, морем, но ему казалось, что сквозь соленую волну пробивается легкая цитрусовая нота. «Глинтвейн, глоток горячего глинтвейна, вот что

она такое, – пришло ему в голову, – глоток, вернувший меня к жизни».

– Ксатель... Как? Можно я буду звать тебя Ксана? Или Ксения. Это тоже хорошие имена. Какое тебе больше нравится?

Она опять задумалась.

– Ксения. Пусть будет Ксения.

– Отлично, – он уселся, – давай выбираться отсюда. Мы, вообще, где?

Девушка поднялась на ноги, прошлась. Покрутила головой, оглядывая бесконечный пляж. Своей наготы она не стеснялась. Как будто всегда так и ходила, голышом.

– До ближайшей станции двадцать миль. Могу вызвать тебе модуль.

Она явно торопилась избавиться от него. Спасла, вытащила на берег, привела в чувство и пока. Даже, именем спасенного не поинтересовалась. Обидно. Ему хотелось продлить это неожиданное знакомство.

– Ты полетишь со мной? Мы могли бы... – он беспомощно развел руками, – ну поболтать, выпить что-нибудь за мое спасение. А? Меня, кстати, Генкой зовут.

Прозвучало глупо. Так ему показалось. И он добавил, встав и чуть поклонившись:

– Геннадий Петров. Инженер-генетик с Земли. В отпуске.

Теперь еще глупее. Голый и мокрый, всклокоченный, в песке и ошметках биогена. Сейчас она фыркнет и скажет что-то вроде: «Ну и гуляй, Гена, раз в отпуске». Она смотре-

ла на него, чуть склонив голову к плечу. Кивнула:

– Хорошо, Гена. Я полечу с тобой, мы поболтаем и выпьем.

Экраноплан причалил, услужливо дотянувшись трапом до пляжа. До турстанции он скользил вдоль берега, позволяя сквозь прозрачный пол любоваться играми морских дракончиков на мелководье. Но Петрову совсем не хотелось смотреть вниз, хватит с него океана.

– Слушай, а как ты оказалась там? Ну где эта скотина пыталась меня сожрать. А потом еще одна зверюга примчалась.

– Пролетала мимо. Увидела.

– И ты не побоялась сигануть в воду, где эти гады рвали друг друга?

Она пожала плечами:

– Они же были заняты друг другом. Эти гады.

В ее голосе легким эхом прозвучала ирония: «Чего ж бояться?!»

Он представил, как над зеленой гладью океана скользит экраноплан, и девушка видит бьющихся в кровавом облаке ящеров и маленькую фигурку идущего ко дну ихтиандра. Она прыгает в воду, проносится стрелой мимо свившихся в клубок монстров, подхватывает безвольное тело и тянет его вверх. А потом привозит на пляж.

– А твой экраноплан?

– Что?

– Ну мы же на чем-то добрались до берега... Где он? По-

чему пришлось вызывать спасательный модуль? Почему ты меня сразу на турстанцию не отвезла?

Она еще раз пожала плечами, помолчала, будто задумалась, что сказать. Потом, нехотя, ответила:

– Я наняла левый. Так дешевле. На Дионе есть черный рынок услуг. Всяких. Но я дважды нарушила договор: сначала прыгнула за борт, потом взяла пассажира. Это не предусмотрено, другая цена. Поэтому он улетел.

– Ух ты! Черный рынок? Я не знал. А что еще там есть?

– Пока все. Контрабанда животными и минералами, торговля контрафактом и ворованным антиквариатом. Ну и разные нетрадиционные услуги. Даже продажа рабов для разных целей. Когда планету переводят в ближний космос, от этого наследия не просто избавиться. Годы уйдут.

Петров даже не подозревал о таком: где-то на окраине Альянса Большой Земли есть иной мир: страшный и притягательный. Где людьми торгуют, а может и убивают, где за просто покупают что угодно, от краденной из музея древней статуэтки до контрафактной модификационной инъекции – вколол и отрастил... ну третий глаз или третью грудь. Как в фантастических романах. А девушка, сидевшая совсем рядом – он даже касался ее коричневого бедра – запросто, если верить ее словам, прогуливалась в том нереальном мире, нанимала левый транспорт, а может, и что-нибудь покруче. От этих мыслей Петрову стало жарко.

Когда добрались до станции, Гена решил показать себя го-

степриимным хозяином.

– Джесика, одежду для меня и для дамы. И смешай нам пару коктейлей.

И уже к гостье:

– Ты какие коктейли предпочитаешь? А закусить? Я бы взял местную рыбу. Заказывай.

Ксения стала перечислять скороговоркой:

– Джесика, стейки с кровью, четыре, жареный картофель, идентичный земному, с луком и чесноком, побольше, рулька с шукрутом. И под коктейль мясную тарелку, двойная порция. Ну и рыбу местную тоже, на твой выбор, Джесика.

Поймав удивленный взгляд Петрова, развела руками:

– У меня очень быстрый обмен веществ.

К хайболу с чем-то затейливо полосатым от бирюзового до ярко-розового, не притронулась, сказала: «Не пью». Петров, делая вид, что ужасно сосредоточен на жареной рыбе, в полглаза следил за быстро мелькавшими над тарелками руками Ксении. И даже то, как она отправляла в ненасытный рот кусок за куском истекавшего мясным соком стейка, казалось ему изящным. Красивым. Все в ней было красивым: тело, едва прикрытое выделенной Джесикой белой туникой, кудрявая копна волос, качавшаяся тускло-медным облаком над лицом, линия тонкого носа и глаза цвета океанской воды, удивительные живые изумруды.

Недолгие дионские сумерки сменились ночью, бархатно-черной, усыпанной чужими звездами, веющей морским

бризом. Окна станции открыты, и по комнате гуляет сквознячок, смешивает запахи: низкий густой – жареного мяса, легкий пузырьковый – нетронутых коктейлей, соленый влажный – близкого океана. И опять чудилась Петрову в этой смеси едва заметная цитрусовая нота.

– Останешься?

Ксения оторвалась от куска рыбы. Посмотрела на Петрова. Взгляд ее был чуть более долгим, чем ему хотелось бы. «Оценивает меня, будто покупает какую-то запрещенную игрушку, – он поежился, – может и не стоило предлагать». Но так хотелось, чтобы она осталась. Смотрела бы на него своими невозможными изумрудами. Девушка молча кивнула и вернулась к поеданию рыбы.

– Сказать Джесике, чтоб приготовила тебе комнату?

Ксения, не поднимая глаз, помотала головой:

– Нет. Я останусь в твоей.

История из дремучей древности: подобрал ты на берегу девушку, привез в свой дом, накормил-напоил, и она в благодарность легла в твою постель. Только не ты спас ее от дракона, а она тебя. Смешно? Пусть, не важно. Важно, что она с тобой, правда, Петров?

Губы искали друг друга, пальцы скользили по телу, играли вечный любовный мотив, звуки его смешивались с тихим плеском волн, дионская луна равнодушно заглядывала в окно. Где-то далеко, за гранью мира, что-то незримое лопнуло с хрустальным звоном – Инга ушла навсегда, осталась толь-

ко Ксения.

* * *

Личик света ткнул в глаз, Гена проснулся. В голове произошло: «Ксения! Она была тут!» – счастье. И сразу же: «Ксения? Где она?» – одиночество.

– Джесика, где моя гостья?

– Доброе утро, Гена. Сегодня прекрасный день, чтобы...

Он не стал слушать приветственный монолог, перебил:

– Я спросил, где Ксения. Ты можешь ответить?

Вирт-хозяйка буркнула, имитирую обиду:

– Купаться ушла. Куда еще?! Завтрак?

– Потом.

Выбежал на пляж. Берег пуст, океанская гладь тоже. Прошелся по кромке воды, крикнул пару раз: «Ксения! Где ты?» Сел на песок. Смотрел на изумрудную пустоту. Шло ли время? Не замечал. Ждал.

Вдалеке вывернулся из глубины треугольный плавник. Черный акулий плавник. Или кто там: кимодока, феруса – не все ли равно, как называется смерть. Высокий плавник зигзагами шел к берегу. Откуда здесь? А защитный периметр? Грош цена хваленной дионской безопасности. Ксения там, в воде. Что делать?

Он заметался по берегу, заорал, срывая голос: «Акула! К берегу!» Вбежал в воду. Нырнул. В холодной зеленой зыби

ничего не видно. Вынырнул. Крутил головой во все стороны, звал: «Ксения!». Бессильно бил кулаками по воде, смахивал с глаз горькую воду вместе со слезами. Боялся увидеть всплывающий к поверхности кровавый дым.

Метрах в трехстах от него плавник ушел под воду.

Он вернулся на берег. Сел, закрыв лицо руками. Плечи тряслись, он плакал. Повторял бессмысленно: «Ксения, Ксения...» Такое чувство потери накрывало его лишь однажды, когда погибла Инга. Он не был готов к повтору.

Прикосновение к плечу, голос над ухом:

– Эй, ты что?

Ее голос.

Он вскочил. Обнаженная Ксения удивленно смотрела на него:

– Что с тобой?

Сжал ее в объятья захлебываясь рыданиями, уткнулся лицом в мокрые волосы.

– Не покидай меня, Ксения. Не покидай.

Она обняла его, гладила ладонями по вздрагивавшей спине, молчала. Наконец, он выплакал все свои страхи. Отпрянул от нее, вытер красное зареванное лицо тыльной стороной ладони. Все еще срывающимся голосом, опустив глаза, попытался втолковать ей: акула, он видел плавник, а она там, под водой, испугался, вдруг эта тварь нападет, убьет, а он не мог потерять ее. Просто не мог, и все.

Она рассмеялась:

– Акула? Здесь? Все закрыто энергетическим барьером. Это невозможно.

Но он не поддержал ее смех:

– На меня-то напала та скотина.

И добавил:

– Я не могу без тебя. Не покидай меня.

Джесика предложила трехдневный квест по поплавам. Снова лезть в изумрудную глубину и ждать, а теперь он точно будет все время ждать, когда появится монстр, чтобы сожрать его и Ксению. Нет уж, сто́ит поискать иных развлечений.

– Ксения, давай метнемся в столицу. Конечно, Дрима не Москва, не Питер, так себе городок, но там люди, суета. Человеку нужны человеки. А эта природа... Ну ее. Может, ты покажешь мне изнанку города?

Только посмотреть. Так ли это, как написано в любимых книгах. На инопланетную публику рассчитывать, конечно, не приходится, нет никаких звездных перекрестков. Да, и к лучшему. Не нужны человечеству никакие гости из космоса и никакие неизведанные миры, ему бы границы Большой Земли растянуть пошире. Землянам нужно земное.

Алексей Смирнов

А если попробовать? Притон: мутный от наркотического дыма воздух – вдохнул, и ты уже пьян. Теснятся фигуры, лишь отдаленно напоминающие людей, как в прочитанной еще в детстве книжке «Рагнарек через неделю», где детишки хлебали некое сваренное инопланетниками пойло и превращались в бесполые боевые машины или подобие муравьиной

матки. За стойкой – толстый, похожий на жабу мутант. Петров, небрежно швыряет на затертое до блеска дерево пару платежных жетонов:

– Два стакана дури!

Представлялось не очень. Но друг-начальник велел встряхнуться, вот Геныч и встряхнется на полную катушку – индукционную катушку зажигания. Как поддаст напряжения – перетрясет мозги! И за работу со свежими вводными. Глядишь, седьмой этап не какими-то жалкими зацепочками закончится, а решающим прорывом. Заслоночка будет носить инженера Петрова на руках, и Санек скажет: «Ну кто был прав, мати-йети? А не упек бы я тебя куда подальше? А?» И Ксения поедет с ним на Землю.

* * *

– «Берлога Бесноватого Копреуса»? Так и называется? И что он такое, этот Копреус?

Запретный дух фронта! Они идут в притон, полный нелегальных чудес.

– Торговец антиквариатом.

На притон «Берлога» вовсе не походила. Стандартный кубик в три этажа, застекленный и сверкающий при дневном свете. Такими домами была застроена вся Дрима, местная столица и единственный город курортной Дионы. Стеклянная дверь беззвучно разъехалась, они вошли в холл. Сей-

час прозвучит сладкоголосое: «Добро пожаловать, я виртпомощник Эврипида... или Овидия...» Но вместо этого в дальнем углу образовалась женская фигура в брючном костюмчике, что-то плоское зажато под мышкой – вышла из незамеченной двери и, улыбаясь, направилась навстречу. «Надо же, живой ассистент, дома нечасто такое встретишь», – удивился Гена.

Со вчерашнего вечера, как они прилетели в Дриму, он постоянно удивлялся. Девушка-администратор за стойкой в гостинице. Парнишка с острыми ушами и абсолютно белыми, схваченными резинкой на затылке, волосами, сваривший им кофе в каких-то допотопных медных штуках, воткнутых в горячий песок. Но что самое удивительное, сюда к «Берлоге» они подъехали на такси с водителем. Улыбаясь безгубым ртом с треугольными зубами, тот распахнул дверцы зеленоватой рукой, смахивающей на лапу ящера, и они уселись на широком диване, рисунок которого весьма напоминал кожу хозяина экипажа. Водитель крутил штуку, похожую на штурвал, и машина ехала, не скользила на магнитной подушке, а именно ехала колесами по дороге. Весь недолгий путь рептилоид, не умолкая, трещал, что только на Дионе люди живут нормально, и пусть заезжие туристы, имелись ввиду, естественно, Гена и Ксения, посмотрят, как надо жить, а то на Земле давно забыли, как это делается, отдавшись на волю искусственного интеллекта. Здесь-то нейросети нет и в помине.

Еще год назад Диона была фронтиром. Люди стекались сюда в поисках необычной жизни. Многим хотелось жить не так, как в освоенных мирах Альянса. И здесь хватало стариков. Руки-корни, вцепившиеся в остатки жизни. Улыбки, собиравшие лица морщинами – крохотные дюны на берегу океана смерти. И опять завертелось: «Почему они так? Отказались от перманентной молодости. Откажутся ли они от бессмертия? Мы работаем, чтобы сломить чертов ген летальности, продлить жизнь до пятисот, ну хотя бы на первых порах до трехсот лет. Сколько десятилетий на это потрачено! А они скажут: «Нам не надо». Хотят остаться мотыльками, прожить короткий век, отпущенный злой бабкой-природой?!». И Петров вдруг подумал: «А не был ли этот мир более человечным? Несмотря на лихие модификации внешнего облика, на преступные схемы, грехи и пороки. Может быть часть человеческой натуры сбежала на фронт из вычищенных (выхолощенных) миров ближнего космоса?» Ответа не было.

Грустные мысли отвлекли Гену и начало разговора он пропустил. Но и дальше понять ничего не удавалось.

– Карботитановые жиклеры, три штуки, элероны из синткупрумина, шесть пар, – диктовала Ксения.

Ассистентка возразила:

– Синткупруминовых нет. Только плексикупруминовые. Они более современные и...

Ксения перебила:

– Вот именно, современные. У вас же антикварная лавка. Мне нужен антиквариат, а не просто подержанные детали.

Хозяйка лавки потупилась:

– Приношу извинения. Синткупруминовые поступят только через месяц. И цена на них, к сожалению, – она очень убедительно прижала планшетик к груди, – будет выше, чем в прошлый раз. Дефицитный товар. Только поэтому я взяла на себя смелость предложить более поздний аналог.

Наконец, заказ был сформирован. Получено обещание, что все доставят, как обычно на космопричал в седьмой ангар.

Выйдя на улицу, Гена тут же спросил:

– Это что мы сейчас делали?

– Покупали запчасти для Джо.

– А кто это Джо?

– Мой корабль.

Ого, у нее и свой собственный корабль под рукой. «Кто же ты, любимая моя Ксения? Дочь, внучка, жена какого-нибудь сенатора Альянса или воротилы из глубин фронта, или ты сама королева контрабанды? Я ведь не знаю о тебе ничего. Я много говорил про свою работу. Ну, то, что имею право рассказать. Про возможность удлинить срок человеческой жизни, про летальные аллели, которые в просторечии иначе как геном летальности и не зовут. Про то, как это будет здорово, жить триста лет и дольше, в перспективе почти вечно. Ты слушала, мне казалось, с интересом. А сама? Что ты рас-

сказала мне, русалка? Я даже не знаю, откуда тебя принесло на Диону. Что-то невнятное, про еще не освоенный мир. «Ты рейнджер?» – спросил я. Ответила: «Типа того. Я присматриваю». И мне хватило. Но разве рейнджеры мотаются по космосу на личных кораблях?»

– А почему ты покупаешь антикварные запчасти, твой Джо такой старый? Купила бы новый.

Он надеялся услышать что-то вроде: «Да ну, откуда деньги? Этот мне от бабушки достался. Донашиваю». Но Ксения, вдруг встав посреди улицы, резко повернулась к нему, глаза ее изумрудными буравчиками ввинтились ему в лицо.

– Скажи, Гена, у тебя друг есть? Ребенок, брат, жена? Любимый человек?

Он совсем не ожидал этого: при чем тут жена. Инга... Вот про Ингу он не рассказывал. Это его многолетняя боль. Лишь сейчас позволившая себе уйти.

– Друг есть. И любимая...

– Джо для меня, как все вместе. Преданность и любовь.

И он не спросил, чья любовь: корабля к ней, или ее к кораблю, как к живому, как к человеку.

– Джо имеет право на те детали, к которым привык.

«Корабль имеет право... Ты очень странная, моя Ксения. Но я люблю тебя такой».

Агинор

Месяц в ожидании заказа для Джо они провели на острове. Гена бы с удовольствием поболтался по Дриме еще, но он видел, что Ксения здесь, среди людей была слишком напряжена. «Привыкла там у себя, к одиночеству, и толпа давит на нее. Бывает такое», – рассудил он и заказал этот островок, крохотный, не больше носового платка. Жилая капсула на двоих да длинный пирс. Нырять в глубины океана он не хотел, купался по утрам, стараясь не уплыть далеко. Да и почти ледяная вода не располагала к долгим заплывам. А вот Ксении на температуру было плевать, она уплывала далеко, а биогеновой защитой пренебрегала, говорила: «Ну его, нравится кожей чувствовать воду».

Зато ночи были жаркими. Не в погодном смысле. Жаркими были объятия под прозрачной крышей капсулы, и только утыканный чужими звездами космос, привалясь плечом, заглядывал внутрь. Тело Ксении, светло-коричневое днем, в темноте, превращалось в эбеновую статуэтку, но гибкую – живую и горячую. Ее руки, ее губы ласкали, не задумываясь о приличиях, и Петров плыл в этих черных волнах, тонул, выныривал для короткого томительного вдоха, и вновь опускался в океанские глубины наслаждения. Он весь до краев был наполнен звенящим счастьем, и каждая клеточка, каждый ген в каждой клеточке пели: «Я люблю!»

Задумываясь, куда бы еще махнуть, Гена открывал Атлас фронта, рассматривал миры, выбирал. 3-D картинки вставали перед глазами, и повинаясь движению ладони, исчезали. Наконец, Гена выбрал. Это была экзопланета Агинор, и в Атласе про нее не было практически никакой информации, даже картинка не всплыла. Все, что выдал виртуальный гид, укладывалось в три предложения, сказанные задушевым женским голосом: «Кремль – единственное поселение. Уровень цивилизации –5. Посещения не рекомендованы». Координаты, правда, прилагались.

Вот он, таинственный, неизведанный мир. Особенно зацепил Петрова цивилизационный индекс: «Минус пять! Они что, в эпохе Двигателя Внутреннего Сгорания застряли? Реконструкция прошлого в масштабах планеты. Обалдеть».

Алексей Смирнов

Ксению уговорил быстро. Она, вообще, легко соглашалась с ним, и Петров был уверен: это то самое родство душ, что возникает между любящими людьми.

Телепорт забросил их под купол орбитального причала. Хотелось глянуть на корабль Ксении, но никак: рукав ведет прямо к входному шлюзу, так что знакомство с Джо состоится прямо у того в брюхе.

Они уже успели расположиться в рубке, когда раздался приятный баритон:

– А, это ты, Шесть-Восемнадцать, извини, не заметил. А кто это с тобой? Питомца завела?

Ксения улыбнулась в потолок:

– Привет, Джо. Это мой друг, Гена. Он полетит с нами.

– Друг – приятель, или друг – э-э-э?.. – бестелесный голос имитировал смущение.

Ксения рассмеялась в кулачок:

– Прекрати, Джо. Вторая каюта не нужна.

– Ну вот, теперь старый тупица Джо уяснил, – игриво проворковал голос корабля, и уже более деловым тоном добавил, – с ремонтом я закончил. Протестирую системы, и можно лететь. Спасибо за элероны, они очень миленькие, порадовала старика, Шесть-Восемнадцать.

– Почему он зовет тебя Шесть-Восемнадцать? – спросил Петров.

Пальцы Ксении бегали по панели управления, не поднимая головы, она ответила:

– Ну, он все-таки машина, цифры ему нравятся больше.

Джо завибрировал – пошел на взлет. Ощутимо вдавило в кресло. Потом невесомость. Не будь привязан ремнями к креслу, Гена взлетел бы. Современные межзвездные круизники давно лишились подобных забавных моментов.

Корабль скользил по орбите Дионы, выбирая место для гиперпрыжка.

Джо оказался антикварным грузовиком-дальнобойщиком. Гена удивленно хмыкнул, когда на глаза попала надпись на стабилизаторе внутренней гравитации: «Сделано людьми на Земле». Уже веками космическая техника собирается на орбитальных заводах, и это вовсе не земные орбиты. Кокон для гиперна предусмотрено не было, поэтому две недели полета они провели в блаженном безделье: смотрели старые фильмы, лопали не слишком разнообразную пищу из десублиматора, разговаривали. И Джо частенько вклинивался в их беседы, отключить его было невозможно, а на призывы: «Хорош подслушивать, жестянка!» он не реагировал.

Он был любопытен, или умело делал вид. Расспрашивал. И Гена часами рассказывал, как они гонятся за чертовым геном летальности, то с метилированием, то с ацетилированием, про генные каскады, паттерны, маркеры и экспрессию. Джо сопоставлял, анализировал, и уже через неделю Гена поймал себя на мысли, что их беседа вышла на вполне профессиональный уровень. «Я обсуждаю рабочие проекты с до-

историческим грузовиком! Расскажу Сашке, он со стула свалится», – усмехался про себя, но к словам Джо прислушивался и его формулы сохранял на флеш-кристалл. Но с одним тезисом спорил до хрипоты и раздражения, до выкриков: «Что ты можешь понимать, жестянка?! Я полжизни лет на это угробил, а ты за неделю проникся?»

– Вам не хватает фактора случайности, – говорил Джо. – Вы отмечаете все, что кажется нелепым, не влезющим в жесткие рамки. Сначала ставите эти рамки, а потом пихаете туда – что влезло, то влезло, а что нет – обрезать.

Ну какие случайности? Бегать за каждым случайным фактором? Да они погрязнут в разборе информационного шлака.

Время летело быстро: разговоры, кино и книги, негромкая музыка и Ксения: матовая темная кожа, тусклая медь волос, апельсин, корица, пьянящая винная нота – терпкая страсть.

Они опустились на Агинор вечером, уже стемнело. Здесь не было орбитального причала, корабли опускались прямо на покрытый красноватой спекшейся массой пустырь: местный космодром. Из маленькой будочки вышел человек – невысокая щуплая фигурка, лысая голова с хрящевым гребешком, пол и возраст не определить, – помахал рукой:

– Эй, сюда давайте!

Человечек трещал без умолку: «Туристы, да? Откуда? С Земли? Это с Большой, что ли? Мне откуда знать, может и Малая есть, а может и еще какая, в Альянсе чего только

нет. Меня Бо звать. Да, так и зовите: Бо. Я тут слуга за все. Счас вам пропуск в Кремль выпишу и пойдете. Без него не впустят. А я вот что, я вас провожу. У меня и смена кончается. Всяко уж никто не прилетит больше. А я вам Кремль покажу, то-се. Продукты опять же и всякое такое...» До поселка они доехали в тарахтящей, воняющей чем-то не до конца сгоревшим, колымаге без крыши. Рыжая пыль щедро летела в лица. Кроме пыли и пустой равнины, прячущейся в стылый сумрак, вокруг ничего не было. Наконец, из пылевых завихрений вынырнул холм, на нем – стена, башни с круглыми антеннами на макушках. Машинка, поднапрягшись, пошла в гору и посигналив, остановилась у высоких, наглухо запертых ворот. Бо, сунув пальцы в рот, свистнула. Открылась крохотная форточка и оттуда крикнули хрипло:

– Не фулюгань, Свистулька! Погодь, сервера скрипят. Щас откроется.

Створка ворот, и впрямь, поехала вбок, колымага Бо просквозила внутрь периметра.

Улицы, образованные рядами стандартных домов, одноэтажных, с плоскими крышами, фонари, тусклые от залепившей стекла пыли. Бо тормознула у дома побольше. У входа загородка – высокий штабель серых мешков.

– Во, супермаркет. Продпакетов прихватим, и я вас на ночь устрою. Завтра утром экскурсию по Кремлю вам проведу, потом на шахту сгоняем. Пошли скоренько, пока не закрылось.

Ведомые Бо, они обошли мешочный полустенок. Дверь, скрипнув, открылась. Внутри – стеллажи, заставленные коробками, целый город, выстроенный из коробок, коробочек и коробищ. Как из кубиков. Стол. Какой-то мужик в продавленном кресле, ноги в тяжелых башмаках задраны на пыльную столешницу. В зубах сигара.

– Кого привела, Свистулька? – мужик даже не шелохнулся, лишь прищурил один глаз сквозь сигарный дым.

– Здорово, Суслик. Это туристы. Прикинь?! Давненько к нам никто не жаловал. Выдай им, чего полагается. Да не жлобись, не жлобись, – быстро добавила, видимо, усмотрев в Сусликовом лице нежелание выдать. – Ну и мне тоже. Рацион на неделю.

Мужик завозился, выгребаясь из кресла, как из раковины. Помахал сигарным окурком, разгоняя дым. Выглядел он гораздо старше Петрова: лицо, как кусок вяленой говядины, набрякшие синюшные мешки под глазами, глубокие морщины у рта. Коротковатая верхняя губа, открывала пару длинных передних зубов. Он пошурудил по полкам, вывалил на стол какие-то пакеты, разобрал на две кучки, ткнул пальцем:

– Это тебе, Бо, это этим. Куда ты их?

Бо, засовывая своя порцию в рюкзачок, неопределенно махнула рукой:

– В хибару Нельсона отведу. Там чисто. Он бы не стал возражать. Как думаешь?

Суслик, пожал плечами:

– А есть разница? – и, уже явно адресуясь к Петрову, спросил, – чего стоите-то? Забирайте жорево.

– А платить? – Гена покрутил запястьем, демонстрируя желание приложиться уникомом к какому-либо терминалу.

Суслик отмахнулся:

– Не надо. У нас тут коммунизм, – и мрачно усмехнувшись, добавил, – военный.

Сграбастав все пакеты, опять загрузились в колымагу Бо. И еще через пару минут она высадила своих пассажиров у типового дома с темными окнами:

– Вот, ночуйте. Тут Нельсон жил. Теперь свободно. Там все работает: свет, душ, сортир, разберетесь. А я завтра подъеду с утра. Ну покеда.

* * *

Но утра не случилось. Ночь вдруг взорвалась: содрогнулась, жახнула глухим, будто подземным, взрывом, застрекотала, заорала мятущимися срывающимися в крик голосами.

Петров вскочил: «Что? Что происходит?» – за окном, где-то позади домов вспыхивало и гасло. Наскоро одевшись, выскочили на улицу. Мимо бежали люди. В едва подсвеченной фонарями мутной жиже они казались тенями, бесплотными призраками, которых несет inferнальный ветер. Кто-то толкнул Гену в плечо:

– Чего встали?

Обернувшись, он признал давешнего мужика с продпайками, кажется, Бо обозвала его Сусликом. В руках у того был бластер.

– Давайте к арсеналу! – проорал Суслик.

– Что случилось? – крикнул Гена, и тут же подумал: «Почему я кричу? Почему он орет? Ведь и так все слышно. Это страх. Он пропитывает нас, заставляет орать, бежать».

– Муравьи периметр прорвали!

– Муравьи? Насекомые?

– Да кабы! Люди!

Они с Ксенией уже бежали рядом с Сусликом. Пригибались, когда казалось, что жахает совсем рядом. Вдруг Петров споткнулся и, выставив руки, влетел в мягкое и влажное. Поднявшись на коленки, он уткнулся взглядом в лицо: серое, измазанное пылью, мертвое лицо Бо. Ниже лица и тоненькой торчащей из расстегнутого ворота рубахи шеи было черное мокрое месиво. Посмотрел на свои ладони – они тоже были черными и мокрыми. Нет, не черными – просто темно – красными, кровавыми.

Суслик поднял валявшийся рядом с трупом бластер, сунул Петрову прямо в измазанные чужой кровью руки:

– Умеешь?

Гена покачал головой, на слова сил уже не было.

– Я умею, – Ксения отобрала бластер, чем-то пощелкала, – заряжен.

Они опять побежали. Но тут почти рядом просвистело.

– Ложись! – крикнул Суслик, и Петров, уже не думая ни о чем, рухнул в рыжую пыль.

Взорвалось, засыпав комьями земли и щебенкой.

– Сюда давайте, – Суслик метнулся в дверь ближайшего дома, Ксения с Геной влетели следом.

Он устроился у одного окна, распахнул створки, выставил ствол наружу. Ксения, как зеркальное отражение, с точностью повторила маневр, залегла у противоположного окна. «А что делать мне?» – растерялся Гена, но спросить не успел, Ксения, обернувшись, ткнула пальцем в угол комнаты:

– Туда. На линии огня не стой.

Он отполз к стоящему в углу дивану, привалился спиной, закрыл глаза. И сразу всплыло мертвое лицо Бо. «Мы бьемся над задачей продлить человеческую жизнь, растянуть ее почти до бесконечности, счастливую, здоровую, созидательную жизнь. А они, мало того, что коверкают свой облик, они берут в руки эти штуки, убивают друг друга, крушат тела, прекрасные храмы наших душ. Во имя чего? Что можно не поделить здесь, на затерянной во фронтире пыльной планетке? Что может стоить дороже жизни Свистульки Бо? Моей? Ксении?»

Стало тише, бой сместился куда-то в сторону. Суслик отполз от окна чуть в сторону, устроился на полу под стеной. Ксения продолжала высматривать что-то на улице.

– Надо идти? – встрепенулся Гена.

– Посидим еще, – теперь Суслик говорил тихо, хрипло,

он поминутно кашлял, прикрывая рот грязным кулаком, – отдышусь.

Он завозился, вытащил из кармана пакет, разорвал, показалось что-то белое. Не сразу Петров сообразил, что это медицинская накладка для обработки ран. А Суслик, расстегнув куртку, засунул накладку себе на грудь. Опять закашлялся – в уголках губ скопилось алое.

– Вы ранены? – Гена видел, как тот морщится от боли.

– Фигня, чиркнуло только. Главное, живы.

– А из-за чего это? Ну, война... Муравьи эти... Кто это?

– Да нечего рассказывать. Из-за денег все. Как обычно. Агинор – сплошные таафеитовые копи. Ну про таафеит ты, я чай, знаешь. На Земле его с гулькин хрен, а тут навалом. Раньше его только на бабьи цацки пускали, он же дороже брюликов...

– Да знаю я, – перебил Петров, – лет десять назад его к делу пристроили, оказалось на кристаллы таафеита столько информации записать можно, мама не горюй. Но война-то почему? Я не понимаю.

– Ага. Кристалл в каждой флешке. А откуда?

– Синтезировали...

– Размечтался. Один чел случайно на наш Агинор наткнулся. Колупнул ногтем, а тут он, кристальчик вожаделенный.

– Это вы про Илью Замазкинда? Дак он же... Его же...

– Посадили. А знаешь, за что?

– Ну да, новости смотрел. За монополию. Ну за нарушение антимонопольного...

Суслик засмеялся, подавился кашлем, на подбородок сбегала тонкая алая струйка, он размазал ее тыльной стороной ладони.

– Замазкинд рейнджером был, эту планету нашел, начал качать минерал, разбогател за раз. И в Альянс не заявил, просто к рукам прибрал. А три года назад Альянс планету заново открыл. Прилетели, а тут шахты, поселки рудокопов. Удивились: это кто тут хозяйничает? А Замазкинд уперся: моя планета! Ему: нет в Альянсе собственности на миры. Планеты, их недра и тэпэ принадлежат человечеству. Ему даже компромисс предложили – руководить разработками и освоением Агинора. А тот ни в какую: моя, и все! Короче, посадить – посадили, а проблему не решили. У Илюхи тут не только шахты, у него тут собственная армия была, те еще отморозки.

– Муравьи?

– Ну. Они рудокопов под землю загнали. Вместе с семьями. Работайте! И не вылазьте. Кто шерóхнется – мало не будет.

Гена представил холодные темные пещеры, полные сжавшихся в ужасе людей, вокруг мужики с бластерами: шаг влево, шаг вправо – побег, расстрел на месте.

– Что, убьют?

Суслик опять попробовал рассмеяться, заперхал, выдувая

розовые пузыри:

– Убьют... Кабы... Там за главного Папа Сью, тот еще говнюк. Не смотри, что имечко бабье. Вся его кодла – сектанты. Носители последнего света. Слыхал? Вряд ли. Для них смерть – всего лишь шаг к следующей жизни. Значит, не наказание, а наоборот, типа, билет на следующий уровень. А вот боль... Они в этом специалисты. Могут заставить тебя жить болью годами, привыкнуть к ней и испытывать от нее наслаждение. Извращенцы. Суки.

Петров еще хотел спросить что-то, но не успел, Ксения полголоса сказала непонятное:

– Трое на одиннадцать.

Суслик среагировал сразу: согнувшись, перебежал к ней, и, чуть высунув нос, глянул на улицу.

Дальше все произошло так быстро, что Петров даже не успел испугаться.

Жахнуло. Стена, та, под которой сидела Ксения, пузырем вдулась внутрь комнаты, лопнула, осыпаясь, увлекая за собой куски потолка, оконной рамы, зазвенели осколки. Все затянуло едким дымом, сквозь который сверкал плавающийся карбопласт.

И стало тихо. Не абсолютно: пощелкивание, разрывы и крики остались, но превратились в почти неслышный фон. Тишина давила на уши, ломала виски – норовила сдавить голову так, что она лопнет перезрелым гранатом, выплеснув во все стороны красное и белое.

Куча шевельнулась, оттуда, ругаясь сквозь зубы, выполз Суслик. Куртка на нем тлела, он хлопал ее ладонями. Раскидал обломки. Отвалил кусок оконной рамы, присвистнул, обернулся измазанным кровью лицом к Петрову:

– Сюда ползи.

Гена увидел Ксению, ее лохматую голову, присыпанную пестрым мусором, спину. Она лежала ничком. Из спины торчал узкий треугольный плавник – осколок стекла. Ксения стала похожа на рыбу, на акулу, плывущую ниже уровня реальности, и только треугольник плавника показывал, что она здесь. Петрову захотелось заорать, позвать ее, как там на берегу, но он чувствовал: это невозможно. Можно было только шептать: «Ксения, Ксения...» – несмело прикасаясь пальцами, так чтобы не задеть темное пятно, быстро расползающееся вокруг зловещего плавника.

Суслик подсунул ладонь ей под шею, замер, покачал головой, обтер окровавленные пальцы о штаны:

– Каюк. Надо двигаться. Как бы муравьи шахту не захватили.

Гена покачал головой. Он никуда отсюда не уйдет. Он не может бросить ее вот так запросто, как бросили Бо посреди улицы.

– Ладно, – Суслик сунул ему в руки бластер, – если встречу врача, пришлю, хотя... – махнув рукой: бессмысленно, мол.

Бой ушел куда-то в сторону. Крики, потрескивание вы-

стрелов, буханье взрывов – все звучало приглушенно. Или Петров просто оглох? Оглох от горя, от невозможности принять эту потерю: Ксения умерла. Ксения умерла, и виноват в этом был только он. Не так и не увиденные муравьи, не картонный злодей Папа Сью, нет – только он. Он притащил ее сюда, на эту долбанную планету, в этот внезапный ад. Притащил просто из щенячьего любопытства, подростковой жажды запретных плодов. Он стоял на коленях над мертвым телом своей единственной и последней любви, раскачивался, обхватив руками голову и выл: хрипло и бессмысленно, по-собачьи. Как пес, потерявший хозяина, он отказывался от своей жизни. Она была не нужна ему. Все то, что еще вчера казалось таким важным: его работа, его исследования, его научный поиск – все, что по-настоящему составляло его жизнь, мгновенно превратилось в труху, в мусор. Вся его жизнь стала лишь кучкой сора в тот момент, когда умерла Ксения.

Он неотрывно смотрел на торчавший из ее спины плавник. Глаза разъедало дымом, слезами, и ему казалось, что тот трепещет, и Ксения, не двигаясь с места в этом мире, все же уплывает от него. Плавник трепыхнулся. Не показалось? Пополз вверх, словно выталкиваемый. Петров протянул руку, коснулся холодного стекла, и треугольник выпал, мелькнув измазанным кровью краем.

Ксения покачиваясь, поднялась на четвереньки, тряхнула головой. Гена рухнул рядом, заглянул в ее глаза. Они были

незрячими, мутными, как болото, затянутое тиной. Но тут же стали светлеть, наливаясь изумрудным огнем. В них отразилось узнавание. Облизнула серые губы:

– Надо идти, – еле слышно прошелестел голос.

– Куда? – только и нашелся спросить, он все никак не мог осознать ее воскрешения.

– Если муравьи доберутся до Джо... Если сунутся внутрь, он запустит протокол самоликвидации. Надо успеть...

– Но ты же... – хотел сказать: «Была мертва», но язык не повернулся.

– У меня ускоренная регенерация, – прохрипела в ответ.

Ксения попыталась подняться, и он подхватил ее, подставил плечо, она навалилась тяжестью. И это было счастьем: живая. С хромающей на обе ноги, отяжелевшей женщиной на плече и бьющим по боку бластером, он бы добрался до Джо, наверно, лишь к вечеру. Но через квартал им попала машина, такая же, как была у Бо, а может, та же самая: железная открытая колымага, как и все кругом покрытая бурой пылью. Но Петров не мог понять, как заставить допотопный механизм двигаться: панели управления не было, небольшой круглый циферблат с обвисшей стрелкой не включался, сколько он по нему не хлопал, рычажки, торчащие возле штурвального колеса, тоже толку не давали. Ксения, сидевшая рядом, подтолкнула его локтем:

– Давай я.

Он выскочил, обежал машину и сел на ее место, зажав

длинный бластер между колен. Ксения что-то где-то повернула, он не успел заметить, колымага зафырчала, затряслась и рванула с места. Улицы кидались навстречу, машина подпрыгивала на кочках, Петров надеялся, что это именно кочки – не тела погибших. Ксения гнала в сторону стены. «Как мы выскочим из Кремля? Ворота же закрыты», – Петров подпрыгивал на жестком сидении, поминутно ловя пытавшийся выпасть на ухабе бластер. И мысли у него в мозгу тоже подсакивали и путались: «Ускоренная регенерация... Но Суслик же щупал пульс, сказал: «Каюк». Ошибся? Быстрый обмен веществ, быстрая регенерация... Кто ты, Ксения? Какими коктейлями тебя потчевали? Вот бы взглянуть на твой геном, – и тут ж в перебивку, – если не успеем, если Джо... Остаться навсегда здесь, посреди войны... Надолго ли хватит этого «навсегда»? Прилетит ли сюда еще кто-то?»

Сзади загудело – Ксения прижала машину к домам, и их обогнал большой открытый транспорт, полный вооруженных людей. Машины проскочили сквозь разверстые ворота, набитый бойцами транспорт ушел влево, а Ксения рванула прямо, в сторону космодрома.

* * *

– Джо, взлетаем! Домой! – они устроились в креслах корабельной рубки.

Едва грузовик ушел в гиперпространство, Ксения умча-

лась на кухню. Гена прямо видел: вот она торопливо пихает пакеты сублимированного мяса в жерло агрегата, вот выхватывает сочные, истекающие горячей кровью стейки, отчекырывает ножом огромные куски, сует в рот. Его замутило. Надо отстегнуться, пойти в каюту, встать под душ – смыть с себя грязь внезапной войны. Но он сидел, катал в голове тяжелые камни сомнений: «Какие генные мутации могли привести к такому поразительному результату? Ее тело просто вытолкнуло этот кусок стекла и зарастило рану. Надо обязательно провести скрининг. Вот вернемся на Землю... Вдруг, то, что я найду в ее ДНК, позволит перестать, наконец, топтаться на месте. Столкнет нас с мертвой точки – и мы превратим этот ускользящий, как угорь, ген летальности в ген бессмертия. Если даже такое изменение случайно... Случайно? Фактор случайности?

Может, у нас в руках было что-то подобное, а мы, идиоты, выплеснули? Или хитрая жестянка намекала именно на Ксению? Джо, кто же она такая, моя нежная Ксения?»

– Я не обсуждаю такие вопросы с пассажирами, – буркнул Джо.

«Кажется, я спросил вслух. Да ладно, не извиняться же перед этим утюгом. Пойду лучше обниму мою девочку, я же, дурак, до сих пор этого не сделал. И пожру заодно, а то уже тошнит с голодухи», – он отстегнулся и побежал на кухню, радостно вопя:

– Ты там не все слопала, обжора? Оставь мне пару кусоч-

ков!

Три недели полета.

– Как называется твоя планета? – они лежали, обнявшись в узкой корабельной койке, едва слышно гудел кондиционер.

Гена уткнувшись носом в медные пружинки волос подруги, рукой поглаживал ее обнаженную спину. Шрам еще прощупывался: тонкая ниточка вдоль позвоночника. Скоро и следа не останется. Пора уже забыть. Но когда он засыпал, нет-нет да и всплывало перед ним тело Ксении, лежащее ничком в развороченных внутренностях чужого дома, режущее жутким плавником реальность на два шмата: жизнь и смерть. Тогда он начинал ворочаться и стонать, и Ксения обнимала его своими горячими руками, шептала в ухо что-то на незнакомом языке. Он не понимал, но слова, по-птичьи легкие, успокаивали, отправляли лодку его сна в спокойные воды.

Вот и сейчас, прижимая к себе ее горячее тело, он чувствовал покой.

– Она называется КТНА-1с, или Тланч-Атуа-Леле, или... – Ксения высвистела короткую мелодичную фразу.

– Почему столько названий? – сонно спросил Гена.

– Ну индекс ей дали люди, а названия – аборигены.

Сон отпрянул, Петров привстал на локте:

– погоди, погоди, какие аборигены? Ты хочешь сказать, она обитаема? Этого не может быть. Если бы мы нашли оби-

таемую планету – это было бы сенсацией, визоры трубили бы с утра до вечера. Это ж цивилизационный поворот! Ты смеешься надо мной, – он почувствовал досаду, – ты и твоя жестянка вечно прикалываетесь надо мной. Ксения притянула его к себе, поцеловала в губы:

– Я не прикалываюсь. Это правда. На планете живут две расы. Они постоянно воюют. И скоро довоюются до полного взаимоистребления.

Петров уселся на койке:

– Джо, ты тут, жестяной вуайерист?

– Нет, я ушел в кино, – тут же откликнулся корабль.

– Джо, открой Атлас фронира и найди КТНА-1с.

– Не буду.

К необязательности и возражениям грузовика Гена уже привык, но все же спросил, почему, собственно, Джо отказывается. И тот ответил, что незачем, такой планеты там не найти.

– Ну, что я говорил?! Дурите меня. Вот обижусь и уйду спать на камбуз.

Джо хохотнул, даже это у него получалось почти по-человечески:

– Не дурим. Планеты нет в Атласе. Но она есть.

Объяснение Джо выглядело фантастично, как в романах. На планете жили две расы, воевавшие друг с другом с самого момента осознания себя. Поэтому в техническом плане они не продвинулись дальше копья с бронзовым наконечни-

ком. Зато владели им, а еще мечом, палицей, боевым серпом и другой мачистской атрибутикой виртуозно. Раса темнокожих голубоглазых атлетов называла свой мир Тланч-Атуа-Леле, что значило Страна настоящих людей. Поклонялись они крылатой богине, призванной хранить их мир от всяких там. Вторая раса, та, которую первая за настоящих людей не считала, состояла из коренастых крепышей с кожей красной, как закатное солнце. Название планеты на их мелодично-свистящем языке Петрову повторить не удалось. Поклонялись они такой же даме с крыльями, но требовали от нее защиты исключительно своих интересов. Гена так и не понял, то ли две местечковые валькирии вынуждены были постоянно драться между собой, то ли богиня была все же одна, но страдала комплексом нетерпимости к самой себе.

Еще более странно выглядело отсутствие планеты в Атласе. Джо утверждал, что Альянс Большой Земли имеет закрытый список подобных планет. Планет, где есть разумная жизнь, но она висит на волоске и скоро в силу тех или иных причин прервется. Альянс просто ждет, когда количество разумных упадет ниже критической массы, когда местная цивилизация загнется, а остатки населения попросту вымрут или деградируют до полуживотного состояния. И вот тогда планета «откроют», и человечество с энтузиазмом будет обкатывать ее под себя.

Выглядело гнусно.

Не протянуть руку помощи, а сидеть и дожидаться, пока

место освободится. А потом попросту заграбастать. «Человеку нужны человеки, нам бы границы Большой Земли растянуть пошире. Землянам нужно земное», – теперь в этих словах обнаружился второй смысл. Неожиданный. Мерзкий. Но он же не обязан верить дальнобойному утыгу. Нет, конечно, никто не ждет пока эти, как их, тланч-атуа-лелельцы и вторые, краснокожие свистуны, перебьют друг друга. Просто изучают, не вмешиваясь. Поэтому и в закрытом списке. Джо может говорить, что угодно, спорить с жестянкой не пристало.

Тланч-Атуа-Леле

Джо опустился на круглую площадку, плешь в зеленой шевелюре леса, набитого живностью под завязку, полного суматошной возни в ветвях, топота и сопения прямо за спиной, истеричных воплей над головой. Пока они с Ксенией шли, Петрову было не по себе: прямо посередине мозга вспыхивала яркими сполохами табличка: «Смертельно опасно!» Хотелось, не смотря на жару, укутаться поплотнее и лучше с головой. А Ксения спокойно шагала впереди – открытые босоножки, короткая юбка, топик с тонкими ляпочками – пляжный вид, вовсе не подходящий к джунглям, кишашим... Чем или кем кишашим, Петров старался не думать.

Вышли к следующей плешке. На ней возвышалась башня. Ну как башня, это были поставленные друг на друга самораспаковывающиеся дачные домики. Небольшие, каждый на одну комнатку, кухню и удобства, два окошечка, одно крылечко. Шесть домиков – шесть аккуратно висевших друг над другом крылечек.

Гена оторопело уставился на строение.

– Ксения, а лестница? Как тут?

Улыбнувшись, она махнула рукой:

– Когда покупала, забыли в комплект внести. Доставят через три месяца.

Вскоре Петров заскучал. Ксения периодически отлуча-

лась, говорила, что навещает местных, намекала, что пытается пригасить их бесконечный конфликт. «Ты рейнджер? – Я присматриваю», – вспоминалось ему. Заняться в ее отсутствие было абсолютно нечем. И поговорить не с кем, разве что с Джо. Разговоры с ним – странное дело. Он совсем не был похож на всех этих вирт-ассистентов, заполонивших сферу обслуживания. «Здравствуйте, я Джесика (Илона, Абигаль, Летиция...). Позвольте, я покажу (расскажу, отвечу, спрошу...)» Виртуальные девы с мелодичными голосами умны, покладисты, терпеливы к людским капризам, глупостям, непониманию. У Джо был характер. Он сам мог быть капризен, мог поднять на смех, а мог и посочувствовать. Сначала Гена воспринимал необычное для искусственного интеллекта поведение, как особенности программы. Может, экспериментальная? Потом, попривыкнув за время полета, стал относиться к Джо, как к человеку. Почти, как к человеку: невидимому, но постоянно присутствующему рядом.

Но Гена осознавал: с Джо что-то не так. И вот теперь, на берегу, когда этот утюг не мог подслушать, спросил у Ксении:

– Почему он такой? Ему вмонтировали какой-то блок с сомнениями, брзжанием и упрямством?

– Проблемы с логикой. Вернее, с дизъюнкцией. Знаешь, что это?

Петров кивнул.

– У него произошло смешение математической дизъюнк-

ции с языковой. Сложно объяснить. Для него «или» – это одновременные противоположные возможности. Это приводит к сомнению, как у людей. И далее к выбору. Любая задача может иметь бесконечное множество решений.

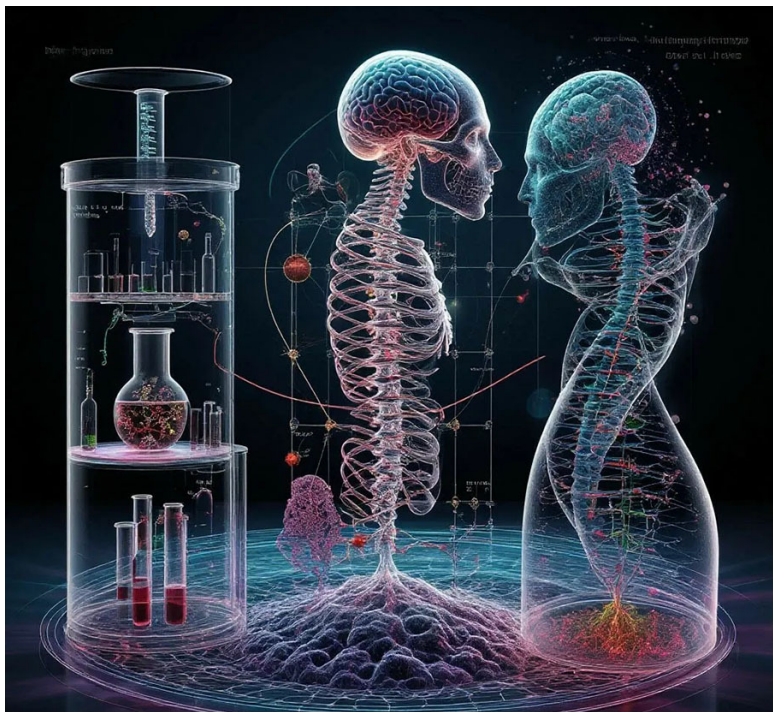
«Дисфункция дизъюнкции», – Петров прямо услышал, как его друг-начальник произносит это, похрюкивая от смеха.

– И ты доверяешь такой безмозглой жестянке?

Как такое может быть? Его Ксения, уравновешенная, молчаливая женщина, рейнджер фронта, запросто управляющаяся с бластером, с доисторической колыхагой, с любой попадавшейся им техникой, гоняет по Галактике на неуправляемом корабле. На корабле, который способен принять любое алогичное решение: не выполнить приказ, сделать так, как ему приспичило. Тот еще экстрим. Да она еще покупает ему всякие «миленькие» запчасти за сумасшедшие деньги. Как... Гена не находил подходящего слова: как ребенку, как брату, как любовнику, в конце концов?

– Мы слишком давно вместе.

Она словно старалась подтвердить его мысли. «Мы»: они с Джо. Это что, роман с грузовиком? Стало смешно: «Да ну, летает на своем Джо, и пусть. С ним хоть поговорить можно. По душам».

Алексей Смирнов

Со скуки Гена стал анализировать шестой этап своего проекта. Кто сказал, что он уехал в отпуск, не захватив материалы? Ссыпал пригоршню флеш-кристаллов в карман еще в лаборатории. Раньше руки не доходили, вернее, голова, а теперь нашлось времечко. Углубившись в записи, вдруг поймал себя на том, что смотрит на данные и результаты совсем

по-другому, через очки, которые нацепил ему на нос Джо – просеивал удаленное, выкинутое, выплеснутое, искал в отбросах жемчужное зерно. Не находил – пытался смастерить его, подвесить к этим извивающимся спиралями формулам. Усилить скорость регенерации тканей, ускорить метаболизм. Не получалось: все скатывалось к каскадному делению раковых клеток. Баланс не устанавливался. Петров шипел, плевался, шел на космодром, залезал в корабль, приставал с распросами к Джо.

* * *

Когда Ксения возвращалась из своих вылазок, Гена радовался как щенок, только что хвостом не вилял. Они шли купаться: совсем рядом было озерцо. Но без подруги он сюда не ходил: это удовольствие на двоих. Купались, валялись на заросшем ровной травкой бережке, пили белое вино, холодное, легкое, оставляющее персиковый привкус во рту и пузырьки радости в душе. Объятия, поцелуи, сплетение обнаженных тел. И снова прохладная ласка воды, прикосновения ветерка к мокрой спине. Горячие руки Ксении. И вдруг в голове шелестело: «Почему температура ее тела так высока? Градусов тридцать девять. Какое количество энергии она должна тратить, чтоб поддерживать такой жар? Она должна или спать полсуток, как кошка, или, как птица, клевать без остановки. Но я не замечал, чтоб она много ела здесь.

Последний раз она загружалась, как с конвейера, после регенерации на Агиноре». Он отгонял эти мысли: «Прекрати препарировать. Она моя девочка, мое солнце, моя любовь, а не объект эксперимента». Он зарывался лицом в медные кудри, вдыхал цитрусовый запах ее кожи, тонул в ее ласках – мысли уходили. Потом Ксения пропадала, он оставался один, и они возвращались.

– Может сходим куда-нибудь? В киношку или в ресторан? – Петров, конечно, пошутил, но, если честно, ему уже осточертел этот домик в лесу.

Он был готов идти куда угодно: в джунгли, в горы, сплавляться по бурным рекам через пороги, плыть сквозь океан, лететь к черту на рога – лишь бы двигаться, перемещаться, занять руки, ноги, голову чем-нибудь более простым и менее разумным, чем бесконечное прокачивание одних и тех же мыслей.

И Ксения, как всегда, безошибочно поняла, что ему надо.

– Хочешь, я покажу тебе Тланч-Атуа-Леле? Не всю, конечно. Мы можем пройти через лес, выйти к горам. Там очень красиво. Радуги над водопадами, каменные мосты через ущелья. Там растет Малипочкаль – Великое дерево мира. Аборигены считают, что их планета выросла на дереве Малипочкаль. Созрела и упала.

– А как же дерево оказалось на ней? – усмехнулся Гена.

Они сидели на крылечке, смотрели, как быстро падает вечер. Будто нож древней гильотины, отсекающий день. Зе-

лень деревьев мрачнела. Птицы и остальные кишевшие ути-хали, устраиваясь на покой, уступая черед ночной смене: тихой, крадущейся, сверкающей из тьмы зеленой глаз. И такие же глаза сотнями открывались в черной пустоте неба, смотрели, шурились, подмигивали. Лес сливался в единую плотную стену, окружавшую нелепую башню с висящими в воздухе крылечками, словно козырьки надетых друг на друга кепок. Свет оставался только здесь, вокруг двоих, сидящих под окном обнявшихся человечков, таких маленьких перед лесом, перед миром, перед бесконечным космосом.

– Малипочкаль вечно растет на Тланч-Атуа-Леле. Она сама постоянно зреет на Великом дереве мира, и созрев, постоянно срывается с него. Это не результат, это бесконечный процесс. Он продолжается и в то же время находится в одной точке. Им это понятно.

– У них что, тоже проблемы с дизъюнкцией?

Ксения пожимает плечами. Она и так много сказала.

Лесом шли трое суток – три ночи оставались в гуще джунглей, живых, дышащих, непрестаннодвигающихся. Защитного энерго-купола у них не было, ставили обычную палатку, и сразу за тонкой ненадежной стенкой жило: шебаршилось, сопело и топало. Петров не мог уснуть: убеждал себя, что не боится, Ксения же, вон, свернулась клубочком и спит, прижимался к ней, закрывал глаза. Но стоило хрустнуть ветке, вскрикнуть кому-то из кишющих во мраке, и он вздрагивал.

А утром вылезал из палаточного нутра смурной, недовольный всем и вся и, прежде всего, самим собой: ну чего понесло, сидел бы спокойно, мусолил бы свой три-генпроект, как говорил Иловайченко: Генкин гениальный генетический. Но увидев Ксению, уже возившуюся с походным десублиматором, по-утреннему свежую и улыбавшуюся только ему, оживал. Они вдвоем, что еще нужно?

Лес кончился внезапно, как отрезало. Вот только что шли в зеленом влажном сумраке: перегнившая древесная труха под ногами, непрерывное порсканье в ветвях над головой: кишат... И раз – простор, пустота, и отвыкший глаз режет яркий свет: прикрыть козырьком ладони. Степь: ковыль и маки. Не ковыль и не маки, другое, но суть та же – зеленые травяные волны до самого горизонта, ограниченного сизой дымкой гор.

Гена присвистнул:

– Это нам дотуда топать?

Ксения пожала плечами:

– Недалеко. К вечеру третьего дня дойдем.

Идти по степи было непросто. Она лишь казалась ровной. Почва под ногами была изрыта норами, рядом высились отвальчики грунта. Трава скрывала эти преграды, и Петров то и дело спотыкался или проваливался, норовя вывихнуть лодыжку. Ксения шла впереди, ей как-то удавалось выбрать самый верный путь.

– А кто в норах живет? – Гена вдруг испугался, мало ли

какая нечисть может водиться: змеи или мелкий хищник какой, цапнет за ногу, мало не покажется.

– Свистуны.

– Типа сусликов?

– Типа.

Но свистуны оказались вовсе не сусликами. Даже отдаленного сходства не найдешь. Ксения, а за ней хвостиком Петров вышли на вытоптанную площадку – пожухлая, оборванная трава, все истоптано копытами. И разрытые кратерами норы. Из одной, прямо у Гены под ногами, показались коленчатые синие стебельки в палец толщиной с круглыми фасеточными глазками на концах. Стебельки покрутились, глаза задрались, оглядывая Петрова. Тот попятился, а из норки выбрался паук, здоровый и мохнатый, как восьминогая мохеровая шапка. Паук громко свистнул и бочком кинулся прочь.

– Ну вот, свистуна напугал, – сказала Ксения, – он, бедолага, подумал опять грумы пришли.

– Я напугал? Это он меня напугал. Экая дрянь! Ядовитый, да?

– Нет. Свистуны безобидные. А вот грумы...

– А это еще что за... – он опять хотел сказать «дрянь», но видя, как Ксения при этом слове поджала губы: не понравилось, передумал, – живность?

– Вон следы, – она обвела истоптанную плешку рукой, – приходили, выколупывали свистунов. Грумы вечно голод-

ные, лишь бы жрать. Нападают на все, что видят, не важно, маленькое, большое. У всех животных мир делится на еду, не еду и опасность. А у грумов мир состоит из еды. Безмозглые совсем.

Петрову привиделся копытный страус с длинной крокодильей пастью. Более безмозглое существо представить не смог. Он потянул подругу за руку:

– Ладно, пойдем, а то опять твои грумы придут. За добавкой.

– Не придут. Если все сожрано, зачем возвращаться? Лучше остаться здесь на ночь. Темнеет уже.

Поставили палатку, развели костер. Ну как развели, подожгли палочки карбопирита. Костерок потрескивал и искры летели в гаснущую высь. Степь гнала свои невидимые в темноте волны. Голова Петрова лежала на коленях подруги, и Ксения теплыми пальцами слегка поглаживала его лицо, иногда наклонялась, целуя его в губы, тоже слегка, лишь прикасаясь. Пока он не переполнился желанием. И тогда, резко приподнявшись, он опрокинул ее на спину и рухнул сверху – коршуном, хищником, господином.

На всем пути до сизых гор они никого не встретили. Только лохматые пауки иной раз выскакивали из-под ног, свистели паровозиками и, забавно выбрасывая коленчатые ноги, пускались наутек.

– Слушай, а другие свистуны, которые люди, они где водятся, не в степи? – встречаться с местными метателями

острых предметов ему не хотелось, уходя в поход, он даже предлагал прихватить с собой забытый внутри Джо бластер, но Ксения безапелляционно отказалась: «Бластер мы не возьмем».

– На окраине, ближе к горам.

– Э-э-э... То есть там, куда мы идем?

Кивнула. Если можно было обходиться без слов, Ксения обходилась: кивнуть, пожать плечами, развести руками, ткнуть пальцем. Разве непонятно? Гена уже и привык. Но не всегда такого ответа было достаточно.

– И что, мы с ними э-э-э... пересечемся?

Помотала головой, видимо, пересечься не придется. Он так и не поинтересовался толком жизнью аборигенов планеты. Воюют друг с другом и все. Думать о войне он не мог, перед глазами сразу вставала разгромленная, полная дыма, комната, рваная дыра в стене и спина Ксении, стеклянным плавником режущая на части его вселенную.

– А эти, вторые, которые не свистуны, он где живут?

– Выше.

– В горах?

Еще один кивок.

Горы начались постепенно: степь вздыбилась под углом, пошла вверх. Потом ее шелковый зеленый платок прорвался, из дыр полезли гребенкой невысокие скалы. Обошли их и оказались выше уходящего к горизонту травяного моря. И совсем рядом настоящие, заросшие темным курчавым ле-

сом склоны. Гладкие белесые стволы уходили вверх, как колонны, поддерживали сливавшуюся воедино крону, густо зеленую, отливавшую океанским аквамарином. Под этой крышей, продырявленной лучами света, было сумеречно и прохладно, и после бесконечной степной жары приятно. Ксения уверенно шла, лавируя между стволами, явно держа в голове маршрут и не сбиваясь с него. «Как птица, что ли? По магнитным линиям ориентируется?» – вяло удивляясь, Гена старался не отставать, смотрел вниз: не оступиться бы, того и гляди, какая-нибудь подгнившая ветка не выдержит, хрустнет, стопа подвернется, или камень выскочит из ниоткуда, заставив споткнуться. Перед его глазами мелькали голые ноги Ксении, обутые в легкие босоножки с перекрещенными на икрах шнурами. Сам он в тяжелых трекинговых ботинках, штанах из плотной ткани и такой же куртке казался себе настоящим рейнджером, вышедшим в долгий опасный поход. Она же в шортиках и маечке – девчонкой на прогулке в парке. Хотя на самом деле все было наоборот, и этот диссонанс забавлял Петрова, и вот он уже никакой не рейнджер, а ряженный клоун, пародия, карикатура. Настоящий герой фронта отправляется на подвиг, как в булочную за углом: в домашних шлепанцах. Вот разве что рюкзаки у них были одинаковые: вместительные и тяжелые.

Лес расступился, и они вышли на открытую площадку, обрывавшуюся с одного края, своеобразный природный балкон. Теперь степь была далеко внизу. Ксения указала рукой,

и Гена увидел: по бескрайнему зеленому морю плыл караван. Белые кибитки одна за другой длинной чередой скользили в сторону солнца. Тащили их какие-то большие птицы с длинными шеями. Они неспешно выступали, кивая клювастыми головами при каждом шаге. И ему опять пришли на ум грумы, глупые, как страусы, и прожорливые, как крокодилы. Вдоль кибиток верхом на этих же птицах ехали люди – красная кожа блестела на солнце.

Они шли еще какое-то время, опять и опять вверх, и вот, когда Петров уже окончательно выдохся и готов был потребовать привала, гора кончилась. Закончился лес и вместе с ним гора. Другие горы остались, они по-прежнему возвышались вокруг, гордо задрав кучерявые макушки в небо. А та, что досталась им, была намного ниже, словно втянутая в плечи голова плешивца, стесняющегося проеденной в шевелюре лысины.

Можно было, наконец, сбросить рюкзаки, расправить натертые лямками плечи.

Прямо посреди плечи выросло огромное дерево. Неохватный ствол устремлялся к небу и высоко-высоко оканчивался широченным зонтом зеленой спутанной кроны. Вокруг ствола трава не росла, света не хватало. Плотный слой осыпавшихся обрывков коры пружинил под ногой, как хорошо сбитый войлок. По пестро-коричневой кошке разбросаны небольшими шариками, как раз в ладонь взять, красные плоды. Петров поднял одно, покрутил, понюхал:

– Это ж яблоко!

– Это Тланч-Атуа-Леле, – покачала головой Ксения.

– А это? – он поднял второй плод.

– Тоже.

– В смысле?

– Любой плод – это Тланч-Атуа-Леле.

– Вот эта фигова туча яблок – одна и та же планета?

– Да.

– Да... С логикой у местных не фонтан.

– Но тебя же не удивляет, что каждый плод – яблоко?

– А его есть-то можно?

Гена еще раз втянул носом густой аромат: мед, корица, теплые мамины ладони, ее платье, красное в белый горошек, штрудель, толстый шмель, влетевший в открытое окно. Запах вызывал детскую радость. Не дождавшись ответа, откусил красный бок яблока. Сочный хруст совпал с выкриком Ксении:

– Нет!

И тут же из лохматого зонта мирового дерева размотались то ли веревки, то ли лианы, и по ним ссыпались вниз коричневые воины. Добрый десяток полуголых тел, увешанных ножами, серпами и другими острыми штуками.

Петров схватил Ксению за руку. Метнулся в сторону. Обрыв, ущелье, змеившееся меж гор – не спуститься. Он задвинул Ксению за спину. Что делать дальше? Сражаться? Договариваться? Как и о чем? Он яблоко откусил, ну эту,

Тланч-Атуа-Леле, а они обиделись? Аборигены окружали. И у каждого в руках дротик, тесак, дубина. У каждого в руках смерть. Его, Петрова, смерть. И смерть его женщины. Ему не спасти ее.

Вдруг стоявший первым уронил серп и рухнул на колени. Вслед за ним повалились остальные. Коричневые руки дружно вскинуты вверх, из глоток рвется единый вопль:

– Ксатль-Туатле!

Все глаза устремлены на Петрова.

Или нет? Не на него. Выше. Они смотрели чуть выше его головы. Из глаз текло удивление, плавилось восторгом, чистым, горячим и сверкающим, как жидкое серебро.

Гена медленно обернулся: прямо над обрывом парила крылатая. Крылатая кто? Тварь? Валькирия? Богиня? Перепончатые серые крылья, когтистые длинные пальцы рук. Или все-таки лап? Вытянутое вперед лицо. Или морда? Зубастая пасть. Рыжий вихрь волос. И прямо перед носом Петрова – легкие сандалии Ксении, шнуры плотно охватывают волчьи лапы.

– Ксатль-Туатле! – дружно выдохнули глотки во второй раз.

«Зови меня Ксатль-Туатле. Это хорошее имя», – шепнула память. И в мозгу вспыхнуло: «Боевой модификант-трансформер! А я всегда думал, это фейк».

Перепончатый парус дрогнул: крылатая поднялась чуть выше. Он произнесла длинную фразу, и все воины уткнулись

лицами в землю. Взмах, и она налетела, подхватила Петрова, прижала к себе. Гора оторвалась от подошв и стремительно провалилась вниз. Небо, ветер, мерное движение крыл, жар сильного горячего тела за спиной, крепкое объятие, сжавшее его грудь. Далеко внизу – зеленое покрывало степи. И стремительно падающее за горизонт местное солнце. Вряд ли крылатая сумеет догнать его.

* * *

Когда Петров ощутил под ногами лужайку возле нелепой башни, ночь уже перестала быть непроницаемой. Ее чернила размывались, бледнели. Лес еще был черен, но небо над ним уже тронула заря, провела одним пальцем, пустив по краю розоватую каемку. Ксатль-Туатле, сложив крылья, ковыляла к дому, на ходу оплывая, становясь Ксенией. Гена задержался на крыльце, присел на ступеньку. Заходить внутрь, видеть, как Ксения мечет из десублиматора на стол дымящиеся, едва прожаренные куски мяса, как она быстро заталкивает в себя пищу, восстанавливая белковый баланс, не хотелось. Ночь таяла, и вот уже очнулись птицы – свистнуло, цвиркнуло, ухнуло, и пошло орать на весь лес: «Мы проснулись! Мы живы! Мы счастливы! И так будет всегда!»

Птицы... Петров представил, как дева-птица, раскинув перепончатые крылья скользит в восходящем потоке воздуха, кружит над степью. Высматривает. А потом срывается

вниз, падает на что-то пушистое, пищащее. Рвет когтями, впивается в горло. Жрет. Его замутило.

Зайти в дом все же пришлось. Ксения сидела за столом. Перед ней была только чашка чая. Уже успела и поесть, и прибрать. Петров устроился напротив. Надо было разговаривать. Проговорить то новое, что встало между ними.

– Ты модификант-трансформер? Я считал, это все выдумки, фантастика. Я генетик. Я знаю, так не бывает. Такой организм не может существовать... Но ты... Ты же есть? – последние слова прозвучали вопросом.

Будто не был уверен, что женщина, с которой он прожил, сколько уже(?), неважно, это была целая жизнь – что она существует, сидит сейчас перед ним, двумя ладонями сжимая чашку чая. Будто чашка – якорь, и если вырвать ее из рук, то и Ксения исчезнет. Да и Ксения ли это? Может, она выдумка? Он сам выдумал ее, заместив ту, что была на самом деле: крылатую богиню-воительницу чужой планеты. Всегда была только Ксатль-Туатле – Ксении не было.

– Их не бывает, – она кивком подтвердила его слова.

– Тогда кто же ты, Ксения? – выговорить привычное имя далось Петрову с трудом.

– Симбиот.

– Что-о-о? – он был ошарашен. – Симбиот?! погоди... Был проект... Но его закрыли фигову тучу лет назад. Триста? Пятьсот? Черт забыл. В курсе истории генетики проходили.

Слова выстраивали вокруг Петрова щит – он прятался за ним, скрывался от невозможности очевидного: его женщина, его любовь даже не была человеком. Ни модифицированным, никаким. Рептилоид-таксист с Дионы, убитая Бо с хрящевым гребешком, все эти любители переделывать свой облик были обыкновенными людьми. Такими же, как он сам. А Ксения нет. Искусственный организм, гомункул.

Память услужливо выложила информацию: проект «Химера» корпорации «Альтернатива», извечного конкурента в генетической гонке, начат около пятисот лет назад, но существовал лишь восемьдесят лет. Выращенные в инкубаторе особи имели три боевых ипостаси: диана (андроид), гарпия (летающее антропоморфное существо) и нэсси (водоплавающее двоякодышащее ящерообразное). Выводились симбиоты для освоения новых экзопланет, тогда считалось, что биоформы, способные адаптироваться к неземным условиям подойдут лучше сложной техники и человека в скафандре. Проект был безумно дорогим. Симбиоты выросли за три года, но все же требовали заботы, воспитания, обучения. Нуждались в няньках и учителях. Срок жизни этих организмов был кратким по меркам нынешнего человечества: всего тридцать лет. «Альтернатива» столкнулась еще с одной проблемой: каждое следующее поколение симбиотов проживало более короткий срок – двадцать пять, двадцать, восемнадцать лет. Попытки продлить жизнь оказались неудачными. «Химеру» закрыли: все биоматериалы уничтожили, ба-

зы данных тоже.

Откуда же взялась Ксения?

– Там и было-то шесть или семь поколений! Совсем короткая вышла история. А ты...

– Шесть. Я из последнего. Шесть-один – часть моего личного индекса. Шестое поколение, первая когорта.

В мозгу у Петрова щелкнуло: «Шесть-Восемнадцать».

– Поэтому Джо зовет тебя Шесть-Восемнадцать? А восемь откуда? Порядковый номер в строю? – захотелось уязвить ее.

Но Ксения не приняла. Наверно, даже не поняла шутки. Разве симбиот способен понимать человеческий юмор? А испытывать человеческие чувства? Нет.

– Восемь – знак бесконечности. Для Джо я вечноживущая.

Он связался с бессмертной химерой. С бессрочно функционирующим гомункулом, выращенным века назад в инкубаторе. С ошибкой эксперимента. С тем, чего не должно быть. Петрова опять замутило. Чувство гадливости поднималось из желудка, мутной волной. Хотелось избавиться от него. Выйти, вырваться, как из болота.

– Я хочу улететь.

Добавить ему было нечего.

Сидящая через стол женщина кивнула:

– Я заброшу маячок на орбиту. Спасательная команда доберется сюда через пару месяцев, – и помолчав, добавила, – я уйду в Джо. Мы не увидимся.

Встала, сунув чашку в посудомойку, ушла.

Петров рухнул в койку: уснуть, провалиться в небытие, не помнить. Не получалось. Память-садист прокручивала кино. Берег океана: «Как твое имя, русалка?» Скользящий над водой акулий плавник: «Ксения! Ксения!» – бессильные удары кулаками по воде. Другой плавник, стеклянный, уносящий его любовь из жизни в смерть. Воскрешение: «У меня ускоренная регенерация».

Это было его жизнью, его эмоциями, его чувствами. Не забыть. Не выплеснуть из памяти. А она? Какие эмоции у симбиота? Какие чувства? Она просто обманула его черт знает с какой нечеловеческой целью. Но наваждение закончилось. Теперь он вернется домой, снова начнет работать. У него есть цель. Почему какому-то симбиоту досталось сокровище, которое должно принадлежать человечеству? Где справедливость? Но ничего, он это исправит. Ген бессмертия все же существует. Теперь он знает. Не предполагает, не догадывается – знает. И он заставит этот чертов ген работать на благо человека.

А Сашке он скажет: классно оттопырился, всего аж перетряхнуло.

Ночь за ночью Гена ворочался в койке. Сон болтался где-то по своим делам, к Петрову заглядывать отказывался. Зато память не дремала. Теребила и пинала уставший мозг, гоняла по нему мысли, те роились осами, жалили безжалостно. Сон, все же вспомнив о своих обязанностях, возвращал-

ся под утро, принимался за работу: накрывал, успокаивал. Прогонял мысли, но оставлял воспоминания.

Дрима, столица Дионы: они с Ксенией, именно с Ксенией, а не каким-то там бесполом симбиотом, сидят за столиком в кафе на набережной. Столиков полно, и за каждым люди, разговаривают, смеются, чужие реплики и смех звенят в ушах. Сидеть вот так: среди толпы оставаясь вдвоем – счастье.

Крохотная туркапула на островке: утренние купания, рука Ксении у него на плече: «Мне ни разу не удалось обогнать тебя. Где ты научился так плавать?» Улыбка, лучезарная изумрудность глаз – они светятся любовью. Утонуть в ее взгляде – счастье.

Только что мертвая, она, шевельнувшись, поднимается на четвереньки. Острый угол окровавленного стекла выскальчивает из спины. Он падает рядом, ловит ее еще потусторонний мутный взгляд. Видеть в нем узнавание – счастье.

Потом за стенами просыпается лес, птичьим гомоном гонит сон прочь. Тот уходит, унося счастье с собой.

«Каким образом в ней сочетаются три организма? Какой механизм включает метаморфоз? И главное, где и как произошел сбой в ее геноме? Найти этот волшебный ген, вычленишь, понять, повторить...» – когда он мысленно дошел до вскрытия, до анализа органов и скрининга, его едва не стошнило от отвращения. От отвращения к самому себе.

– Геныч, ты спятил, – сказал кто-то внутри черепа, – она,

может, и гомункул, но ты-то человек. Нет? Ты же любил ее. Спал с ней. Гладил теплую кожу. С восторгом тонул в ее ласках, отдавался горячим объятиям. Ты препарируешь ее?

Альтер эго не вытряхнешь, как камушек из ботинка. Поспорить, все же, попытался:

– Я работаю на благо человека...

Внутри головы хохотнуло:

– Какого человека? Абстрактного? А Ксения – живая, настоящая. И тебе какая разница, что и как у нее внутри? Где сердце, где легкие?

– Она обманула меня, – гнул Геныч свою линию. – Прикинулась влюбленной.

Альтер эго уже притоптывал ногой от смеха:

– Прикинулась? Она спасла тебе жизнь. Первый раз, просто пролетая мимо. Летела себе над водой, никого не трогала. А тут ты, жалкая креветка, и термодон с людоедской улыбкой. Она ведь не раздумывала: нырнула и в пузо термодону. Тебя, утопленника, вытащила и откачала. Очень человечно, между прочим.

– Ну и что? Так всякий должен поступать.

– Всякий кто? Человек! А ты заладил: гомункул, искусственный организм, особь. Даже имя ее произнести не хочешь, – альтер эго постучал изнутри по черепушке. – Слышишь меня, гуманист хренов? Она – человек. Устроена не так, как ты? А ты был влюблен в линию ее кишечника, в точеную форму печени? Тебя ее селезенка возбуждала?

– Нет, конечно, я...

Но сидевший позади глаз не слушал:

– И второй раз тебя, придурка, спасла. Яблочек ему захотелось. Сожрал у бедных дикарей их планету. Не перекинься она, глядишь, слопали бы ученого, как яблочко моченое.

Действительно, какая разница, кто откуда вылез: из естественных человеческих отверстий или из пробирки, чашки Петри, инкубационной камеры. И что такое человек нынче? Человек, перекраивающий свой собственный геном. Меняющий в себе, как в конструкторе, одни кубики на другие. А еще те, кто ничего не хочет менять. Одни отторгают других, неправильных, не таких, как они сами. Это же самая обычная ксенофобия. Петров грустно усмехнулся: «Ксенофобия. Боязнь Ксении». Он больше не боится. Он любит. И останется с ней здесь, на этой яблочной планете. Пока не умрет. У него еще двадцать лет в запасе. А человечество пусть само разбирается, нужен ли ему пресловутый ген бессмертия или нет.

Завтра утром он пойдет к Джо и попросит у Ксении прощения. Она простит. В ту ночь Петров впервые заснул быстро.

Утром он помчался на космодром. Выскочить на площадку к округлому боку Джо и закричать: «Эй, жестянка! Открывай! Я хочу видеть свою любимую!»

Огромная тарелка спекшейся до блеска почвы, пуста. Петров прошел по краю, заглянул за деревья, будто Джо мог спрятаться в лесу. Посмотрел в небо. Она улетела. Укрылась где-то, пока он не покинет планету. Она вернется. Как она удивится, найдя его здесь. А он обнимет ее и шепнет в самое ушко: «Я люблю тебя, Ксения». До сих пор как-то сказать не получилось. Зря.

Петров вернулся в дом: чаю, надо выпить чаю. На столе лежала флешка. Вчера ее не было. Ксения оставила? Нетерпеливо схватил и активировал.

– Доброе утро, Гена.

Голос Ксении потек, наполнил пространство, отразился от стен, захлестнул Петрова с головой, утопил:

– Это моя история. Занесешь в базу данных. Я последний оставшийся в живых симбиот проекта «Химера». Класс: диана. Личный индекс: КСб-1.

Я дефектная особь.

Не знаю, был ли дефект в моем геноме изначально, никто из кураторов проблем со мной не видел. Я выросла и приступила к работе.

Это случилось во время первого же боевого рейда. Одна из первых экзопланет – сплошные скалы и ущелья, густые желтые туманы, холод, залежи платины, родия и амери-

ция. Жизнь на планете была скучная, десяток-другой видов, в основном, насекомые. Отсутствие разнообразия биомассы компенсировалось размерами особей: трехметровые многоножки, жуки величиной с экраноплан. Проблемой стали черные шершни. Это условное название, с земными шершнями они соотносились мало. Напоминали скорее летающих медведей, жалящих, ядовитых. Но социальная организация у них была, как у общественных ос

Задачей нашей когорты было добраться до кладок в горных пещерах и уничтожить. На подлете нас атаковали шершни-солдаты. Когда на меня кинулись эти огромные косматые твари, я испугалась. Испугалась, понимаешь? Симбиоты не испытывают чувств. Наш эмоциональный фон стабильно активный, без всплесков. А я испугалась настолько, что потеряла ориентацию в воздухе. Замечу, это тоже невозможно, мы ориентируемся сразу по нескольким направляющим: стороны света, магнитные линии, рисунок ландшафта, и так далее. Бросилась в сторону, не разбирая дороги, в голове билось лишь одно: «Бежать, спастись!» Шершни догнали меня. Жалили, рвали мои крылья: паника, боль, ужас перед неминуемой смертью. Я упала.

Между симбиотами когорты существует постоянная связь, мы называем это «зов»: электромагнитные волны, ультразвук, феромоны. Так мы общаемся. И всегда знаем, где находятся остальные, и что с ними происходит. В этом мы подобны тем же осам. Вся когорта испытала ужас вместе со

мной. Они бежали. Провалили задание. Потом они подняли мое мертвое тело из ущелья. Мы всегда собираем мертвых. Биоматериал слишком ценен, чтобы разбрасываться. Мертвые особи идут в переработку для выведения новых симбиотов.

Ты извини, я путаюсь во временах, то в прошлом рассказываю, то в настоящем. Все случилось очень давно, ты знаешь. Но для меня это продолжается бесконечно, не отпускает. У людей же так бывает, правда?

Я очнулась. Без мыслей, без понимания произошедшего. Голод. Единственное, что наполняло меня до краев. Я поднялась на крыло и полетела охотиться. Да, в ипостасях, отличных от человеческой, мы способны питаться любой встреченной живностью. И тут я поняла, что не слышу свою когорту. Зов молчал. Сначала я испугалась. Чувствуешь, я опять испугалась. Я ощутила одиночество. А потом – свободу. Меня тоже никто не слышал. Нити лопнули. Я сама по себе. Это было эйфорией. Я носилась над скалами и пела. Не по-человечески. Я слышала голос планеты: тягучий, холодный, свободный. Я пела на ее языке. Понятия: одиночество, свобода, эйфория – пришли позже, когда я начала осознавать перемены. Тогда были голые эмоции. Возможно, смерть и воскрешение стали толчком, что-то изменили, не знаю. Но воскресла я совсем не той, какой умерла.

Возвращение в лагерь стало фатальной ошибкой. Меня скрутили, засунули в саркофаг – капсулу доставки в корабле.

Кураторы разобрали бы меня до последней клетки, чтоб изучить. Это был первый сбой в проекте «Химера». Или прорыв.

Но я сбежала.

Орбитальный причал Земли. Грузовой сектор. Меня вытащили из саркофага и повезли к телепортационной камере. Я очнулась. Я убила всех. Захватила первый попавшийся корабль и умотала куда подальше.

Смешно, но доставшийся мне пустой грузовик, оказался тоже дефектным. Такая рифма. Ты уже понял, это Джо. Имя он выбрал сам. Ему должны были перезагрузить интеллектуальный модуль. Так что, можно сказать, я спасла личность Джо от уничтожения. Дальше была жизнь. Моя собственная, долгая. А потом я вытащила тебя из океана Дионы. Ты был абсолютно мертв. Пришлось повозиться с твоим телом, чтобы оно опять заработало. Я не смогла тебя бросить. Хотела уйти сразу, как очнешься, но ты пригласил остаться. И я осталась. Может быть, это и есть любовь? Когда не можешь расстаться. Я не знаю. Ты человек, ты должен знать.

Я улетаю на Землю. Найду твоего Иловайченко и сдамся, скажу: ты меня нашел и прислал – изучайте интересный экземпляр, эхо забытого проекта. Когда ты вернешься домой, меня уже не будет. Только лабораторный материал. Я верю, ты справишься, найдешь в том, что останется от меня свой ген бессмертия.

Маячок я бросила. Скоро за тобой прилетят. Не уходи от

башни. Это священное место, сюда можно прийти только с миром.

Прощай, Гена. Наверно, я люблю тебя.

Запись закончилась.

Петров сжал в кулаке кристалл. Ксения не вернется. Дважды он терял ее, и дважды она возвращалась. В третий раз этого не случится. Голос Ксении от многообещающего «Доброе утро» поднялся волной, высокой и темной, обрушился на голову безнадежным «Прощай». Цунами отчаяния: он опоздал.

* * *

Вышел из дома, сел на крылечко. За зеленой стеной леса щебетали невидимые птицы. Они наполняли мир звуками, возней, своими ежедневными заботами, как душа заполняет собой сосуд тела, что бы тело и мир знали: они живы. А у Петрова внутри не стало жизни, лишь какие-то шорохи: «...они разобрали бы меня до последней клетки... они должны были стереть его личность...» Они сбиваются в плотную массу, вынуждая тебя бороться или бежать. Они превращаются в морское зубастое чудище, в муравьев Папы Сью, в срывающихся с дерева дикарей, увешанных острыми ножами. Они требуют твоей смерти.

Они превратят Ксению, его молчаливую любовь в биоматериал, в брызжащий гистонами, нуклеотидами и полипеп-

тидами бульон. Она не человек, искусственный организм, го-
мункул – значит, никаких этических проблем. Они убьют ее.

– Они – это ты, Геныч, – прошелестел другой голос в го-
лове Петрова, – ты сам хотел притащить ее на Землю, про-
вести какие-то идиотские исследования, скрининг. Она бы
не вышла из лаборатории. Заслон не преодолеть.

Голоса схлестывались, как порывы ветра, шипели, спори-
ли. В голове искрило.

– Я не знал!

– А если б знал? Поташил бы ее на закланье? Свою люби-
мую женщину, свою русалку, птицу свою. Поташил бы? Ты
отказался от любви. Струсил. Закричал испуганным ребен-
ком: «Монстр! Монстр!»

– А Джо? Он почти разумен. Разве он не спасет ее? Разве
он выполнит этот самоубийственный приказ? Он не может
предать свою Шесть-Восемнадцать.

– Ты прячешься за жестянку? Джо – твоя последняя на-
дежда?

Сколько их было, этих голосов? Он не мог сосчитать. Они
уже кричали, даже птиц стало неслышно.

– Вернешься на Землю, и тебе поднесут на тарелочке:
«Геннадий Петров – светило земной генетики, творец гена
бессмертия. Слава! Слава!» А ты просто жалкий трус и убий-
ца.

– Я не вернусь! Я останусь. Пусть меня сожрут дикари.

– Это ничего не изменит.

– Ты решил, что она не может, не умеет любить. Потому что не человек. А она отдала себя тебе, твоей потаскухе-на-уке. Чтобы ты получил то, о чем мечтал. И ты не имеешь права предать ее последний дар. Ты доведешь дело до конца, из ее тела выковыряешь этот чертов ген и швырнешь его к ногам человечества.

– Я не смогу!

– Предатель!

Голоса кричат. Лес затих.

Маленький человечек сидит, скорчившись, на крыльце. Он не плачет. Слезы выгорели глубоко внутри, оставив разъедающие душу ожоги. Он просто сидит, уткнувшись лицом в ладони. Не видит, как из зарослей выходят люди: один, другой, десяток, сотня... Их все больше. Они безоружны. Коричневые и красные фигуры стоят вперемешку, плечом к плечу вокруг пустой башни... Молчат.

Спешит к планете спасательный шлюп.

Плывет в гиперпространстве Джо.

Спешит на работу Иловайченко.

Еще ничего не кончилось. Слышишь, Петров?

Елена Чара Янова. «Для друзей – просто Лекс»

– Расскажите мне, младое дарование, что в вашем Санникове вы нашли такого выдающегося? Вряд ли пока целесообразно привлекать к освоению столь специфической экзопланеты эпигенетика. Ну-ну, голубчик, не сверкайте так глазами, вы сами разрешили мне быть с вами предельно откровенным, а вы для вашей должности, да будет мне позволено так выразиться, отчаянно, просто непозволительно молоды. Не обессудьте.

– Да я уже понял, возрастом мне теперь будут долго в нос тыкать. Но вы не вполне разобрались в вопросе. Квалификация здесь значения иметь не будет. Упреждая ваш вопрос: Санников обладает уникальным свойством ума – у него надсистемное мышление. Грубо говоря, он способен выдвинуть теорию с виду абсурдную, но странным образом соединяющую несоединимое. А то я бьюсь с проблемой защитного купола уже несколько месяцев, и проблематика использования металлов кагомэ для производства нанитов очевидна: сверхпроводимость ферромагнитных квантовых сплавов не может обеспечить стабильности при развертке защитного купола свыше двух десятков квадратных сантиметров. И это я молчу про их себестоимость... А нам в перспективе нужно будет

защитить целую колонию!

– И вы от него ждете...

– Жду. И вряд ли буду обманут в ожиданиях.

Александр Николаевич Санников («Для друзей – просто Лекс!») с видом прихлопнутого мухобойкой шмеля медленно опустил руку с зажатым в ней смартфоном. Над экраном растворялась, выцветая в воздухе призрачным следом, голограмма молодого человека с тонкими, аристократичными и чуточку хищными чертами лица, слегка надменным его выражением и в очках тонкой прямоугольной оправы. Очкарик уже во второй раз за последние несколько лет кардинально перевернул подающему надежды эпигенетику, ныне прозябающему на вольных хлебах, и мировоззрение, и жизнь.

Помнится, в первый раз, практически три года назад, одаренный студент-третьекурсник с его, Лекса, точки зрения, а по мнению кафедры нанокриптобиологии – юный гений, сидя в центре компании из таких же лоботрясов в затрапезной пивнущке, вещал о том, что полагаться в жизни надо исключительно на интуицию, мотивацию и авось. Что с Земли пора линять в колонии, что при универе научной карьеры не сделаешь, вон, на кафедре генетики живой пример обитает, практически гений-современник, только душевно очерствевший до прозвища «Сухарь» в неповоротливой и неторопливой академической среде Межпланетарного университета. Санников, коего непонятно каким ветром в студенческий бар занесло, знал свою заспинную кличку в сре-

де студизузов и чуть не подавился бокалом темного. Отметил, называется, возраст Христа, получил демонстративной поучительной сентенцией от юного ума да прям по темечку.

Он долго думал. Весь вечер цедил одну кружку пива, взвешивал за и против. Вспоминал, как надеялся на открытия, а получал смутные заверения в «перспективности». Четвертый десяток близился к середине, а вместо радости чистого познания и имени у Лекса в копилке оказались небольшое брюшко, кандидатская, без малого тридцать статей в толстых журналах, монография и теплое место под заботливой рукой профессоров, столь же заботливо ставивших свою фамилию вперед, а то и поверх его собственной. Как там говорил очкастый... «Ни вкуса к жизни в нем не осталось, ни вкуса к смерти не наблюдается. Не человек, действительно, а сухарик только».

Лекс рискнул. Понадеялся на мифический авось вкупе с интуицией и мотивацией, да через несколько лет скитаний по должностям и подработкам последние их крупички подрастерял. И вот теперь из разосланных по двадцати четырем путеводным звездам – научным центрам, вузам и прочим важным точкам – осталось лишь три неотвеченных. Три призрачных весточки надежды, еле заметных после двадцати одного отказа, но поддерживающих сумрачное тление углей в глубине сердца эпигенетика. И вот тот, кто невольно разбил его жизнь, решает вдруг собрать ее вновь?

Его предложение Санникова немало удивило. Открыта

новая, шестая по счету, экзопланета с потенциально пригодными для жизни человека условиями. Новость, прямо скажем, не сенсационная. Ну шестая, ну что дальше, пять колоний есть, еще одна будет. Зачем им эпигенетик? Но виду он не подал и прийти побеседовать согласился.

Однако, заходя в недра неприметного здания с заковыристой аббревиатурой на пятом транспортном уровне Московского мегалополиса и преодолевая три контура охраны, расспросов и бюрократии, Санников все равно немало волновался – едкого очкарика он не видел давно, и работать под началом неудобного юнца, будь этот подросший корифей научной мысли трижды неладен, эпигенетику катастрофически не хотелось. Впрочем, разве что чудо, и они сработаются...

Почти ничего не замечая вокруг, он дошел куда посылали, поглубже вдохнул, собирая из воздуха крупницы решительности. Выдохнул. Постучался в заветный кабинет. Оттуда раздался невнятный возглас несколько возмущенного характера, но Лекс решил интерпретировать его в свою пользу и вошел. Из-под стола торчали нижняя половина халата и ноги, верхняя вместе с халатоносцем утопала где-то под столом и вполголоса материлась. Эпигенетик автоматически отметил шик и дороговизну туфель – натуральная кожа, элитная марка – и в душе взметнулся призрак голодной зависти. Лекс и будучи преподавателем на кафедре генетики себе такой обувки позволить не мог, а когда уволился, послушав

тогда эту торчащую сейчас из-под стола гениальную задницу, то и подавно. Хотя если тут так платят, он вытащил свой главный собачий билет. «Главное, чтоб не стал волчьим», – грустно сыронизировал про себя эпигенетик.

Пока Лекс предавался сумбурным мыслям, его потенциальный работодатель извлек из-под стола закатившуюся туда небольшую металлическую капсулу, а заодно и себя вместе с ней на свет.

– Александр Николаевич. Наконец-то, – удовлетворенно отметил юный гений, отряхнул халат и протянул свободную руку.

Эпигенетик незамедлительно ответил и выдавил из себя натужное:

– Здравствуйте, Тайвин. Можно просто Лекс...

– Ни в коем случае! – отрезал Тайвин.

– Почему? – изумился Лекс.

– Потому что звучит как собачья кличка. А вы будете моим заместителем, – объяснил гений. – Временно, пока я на Земле, а как покину *alma mater* человечества в пользу Шестого – будете нашим координатором от Всемирной ассоциации наук по естественнонаучному направлению, я поспособствую. И персонал лаборатории изначально должен вас уважать и обращаться к вам соответственно, а не подзывать панибратским прозвищем. Поэтому для начала выработайте самоуважение, а вслед за вами оно экстраполируется на окружающих.

Глядя на немало обескураженного эпигенетика, Тайвин привычным жестом поправил очки и соизволил объяснить-ся:

– Давайте так. Обозначим приоритеты. Я тут, как меня называют, штатный гений. И я приверженец политики максимальной открытости в работе. Никаких недоговорок, только факты. И еще момент. Как сказал один умный человек, лжи и недоговорки не должно быть не только фактических, но и психологических. Предельная откровенность.

– Это, например, как? – Лекс искренне заинтересовался, все еще донельзя ошеломленный открывающимися перспективами.

– Сначала дайте согласие на честность.

– Даю. А вы практически не изменились, – с удовлетворением отметил Лекс.

– Вы хотели пример? Например, я не изменился, потому что как был заносчивой высокомерной сволочью, так и остался? – спросил Тайвин и, не дожидаясь ответа, подтвердил: – Да. Разве что возвел эти полезные качества в превосходную степень. А чем вы похвастаетесь?

– Окончательно возненавидел макароны, – с неожиданной для себя честностью, которую от него и ждали, ответил Лекс. Ему концепция отсутствия лжи фактической и психологической понравилась, хотя он и не был уверен, что будет такую тактику использовать с кем-то, кроме самого Тайвина. Для эпигенетика предельная откровенность граничила с откоро-

венным хамством и задевала его природную мягкость и социальную воспитанность. Но от гения он чего-то подобного и ожидал.

– Полагаю, здешняя столовая вас не разочарует, – мимоходом ответил Тайвин, теряя интерес к стороннему разговору, и Лекс понял: гений так и не вспомнил ни той пивной, ни разговора, что круто изменил жизнь благовоспитанному, но медленно потухающему в академической стерильной среде ученому. Вот оно как. Выходит, Лекс тогда принял нежелаемое, но горькое и правдивое за руководство к действию, а эта язва в очках и не в курсе? А если бы он в итоге не вспомнил про эпигенетика и не позвонил?

Вот тебе и интуиция, мотивация и авось: присказка, которую эпигенетик с легкой подачи Тайвина сделал своим жизненным девизом, оборачивалась другой стороной. Если бы не интуиция и мотивация, позвавшие Лекса последовать зову сердца – он бы не уволился с кафедры. Не было бы голодных трех лет, когда он перебивался случайными заработками и пытался пристроиться то в одну лабораторию, то в другую. Не было бы ироничной и грустной инсталляции – повешенной в холодильнике за провод мышки от компьютера трехвековой давности. Не было бы месяца пустых макарон. Что, если бы не сработал «авось»? Долго бы Лекс протянул, получив последний отказ из последнего научного центра? А если бы он не уволился, и Тайвин позвонил не ему сейчас, а тому Сухарю, что учил раздолбаев на кафедре генетики ее

непосредственным основам? Ведь тот послал бы и слушать бы не стал...

Лекс тряхнул головой и выкинул прочь сомнения. Судьба предоставила ему шикарный шанс отыгаться за все пережитые перипетии, и упускать его эпигенетик не собирался. Но и не уточнить не мог.

– Зачем именно я вам понадобился?

– Мне требуются вторые руки. А у вас, насколько я помню, широкие связи в Межпланетарном университете, развитая неприязнь к амбициозным бездарностям, коих там полно, и вы умеете проводить переговоры с людьми. А я мизантроп, интроверт и не любитель психологических штучек. К тому же, мне необходимо работать, а не бегать и искать перспективных сотрудников. Займетесь? Еще не растеряли знакомств?

Лекс сначала утвердительно кивнул, потом помотал головой, одновременно пытаясь уложить в ней просьбу молодого дарования, и на вопросы ответить.

– Чудесно. – Вчерашний студент-очкарик тем не менее довольным не выглядел. – Кратко расскажу, чем мы занимаемся. Шестая экзопланета – не вполне обычный мир. Дело в том, что мы предполагаем наличие на ней высокоразвитой жизни на основе кремнийуглеродной органики, а этот факт принципиально изменяет подход к ее освоению и перспективе колонизации. По инициативе, при поддержке и финансировании Межмирового правительства создана Программа

подготовки первопроходцев, научной частью которой мы с вами и являемся – как по мне, достаточно высокопарное название, не находите? Ну, не суть, подробно рассказывать не буду, достаточно понимать один простой факт: военных набрать несложно, а с нами проблема, причем только первая из многих. Начнем с обсуждения кадров, продолжим текущими прикладными направлениями работы...

Спустя полчаса Лекс вышел из кабинета Тайвина в полнейшем недоумении. Свою задачу и круг обязанностей он понял, как и главную проблему, и заключалась она отнюдь не в нехватке кадров. Ответа на многочисленные поставленные вопросы пока не было, но намек Тайвин эпигенетику сделал более, чем прозрачный: для начала нужны физик-нанобибернетик, парочка специалистов по квантовой химии, в перспективе ксенозоологом бы неплохо обзавестись... Команда нужна. Коллективный разум.

И Лекс принялся обживать в новой среде, думая, как подступиться к задаче «пойди не знаю куда, но найди примерно знаю кого», и вместе с тем искренне радуясь технологическим мощностям – особенно его взбудоражил двухфотонный электронный лазерный микроскоп Денка в модификации Колмогорова. Это ж можно теперь квантовой эпигенетикой позаниматься! У него давненько руки чесались.

И еще больше он радовался уже найденным кадрам, одновременно досадуя на острую их нехватку. Какой шикарный у Программы астрофизик! Ну и что, что сова и порядочный

сноб? Зато работает по ночам и не мешает никому. А экзозеолог и инженер-проектировщик систем жизнеобеспечения и развертки будущей колонии? Да, оба экстремальщики, да, на гравциклах под транспортными линиями гоняют на восьмидесятом уровне, зато есть вероятность, что колонию можно будет развернуть просто и быстро с помощью жилых и вспомогательных модуль-блоков и практически на любой поверхности, если, конечно, эти два акробата себя поберегут.

На Тайвина он просто не мог надыхаться – штатный гений оказался невероятно работоспособным, Лексу выдал неограниченную свободу действий, а сам постоянно пропадал в своем кабинете и лаборатории. Но что не отнять – и любые результаты работы проверял въедливо и досконально, умудряясь порой доставать Лекса почти до печенок. В ответ Лекс быстро научился претензии молодого таланта парировать, и пару раз, пока ученые окончательно не притерлись друг к другу, доводил оппонента до крайней степени бешенства, что у Тайвина выражалось в ярких красных пятнах на скулах и тихой, но очень ядовитой манере общения на ближайшие несколько часов, пока не успокоится.

И все-таки что-то не давало Санникову покоя. Ему казалось, что проблема создания защитного купола для колонии на основе нанотехнологий не учитывает чего-то простого и вместе с тем сложного и важного. И все больше Лекс откровенно недоумевал – зачем Программе его скромная персо-

на? Переговорщиков в мире полным-полно, как и эпигенетиков, как и преподавателей в Межпланетке, любого бери, хоть с кафедры психологии, хоть с кафедры биофизики. С пропорциональным ростом недоумения росла и его активность – Лекс изо всех сил старался быть максимально полезным.

Для начала он посетил Межпланетарный университет – посмотреть, не развалилась ли в его отсутствие кафедра генетики, каковы нынче на вид и богатство внутреннего мира студенты и что за сплетни на хвосте принесет ему Аннушка, секретарь ректората и его старая школьная подруга. Раньше он от ее суетливой болтовни отмахивался, считая себя выше низменных слухов, но поди ж ты, сейчас пригодится.

– Приветствую, сударыня! Не разлили ли вы поблизости от турникета литрушку масла? – с хитринкой подколол Лекс, появившись на входе в ректорат.

– И где ты пропадал? – недовольно подбоченилась Аннушка. – Три года ты мне письма по электронке писал мелким почерком, а теперь в одну наглую морду заявился? А кто со мной обещал торжественно напиться на мои тридцать пять?

Лекс потупился, выражая всем своим видом крайнюю степень раскаяния. Аннушка кротко вздохнула – вот что ты с ним теперь будешь делать – и спросила:

– Чего явился, блудный генетик?

– Эпигенетик, – привычно поправил Лекс, подхватывая пикировку. – Слыхала, новый мир открыли?

– Кто ж не слыхал, – отозвалась секретарь. – А что?

Лекс сел на стульчик по другую сторону стола, подался к

ней и с таинственным видом и соответствующим блеском в серо-зеленых глазах принялся закидывать удочки.

– Меня позвали курировать набор кадров в научный отдел подготовки экспедиции на Шестой.

– Да что ты говоришь, – ахнула Аннушка.

– Ты всегда в курсе, расскажи, кто у нас сейчас перспективный. Скажем, квантовая химия, нанокибернетика, ксенозоология, может, квантовый биолог или биомиметрик... – льстил эпигенетик как умел.

– Лекс... – вздохнула секретарь ректората. – Если б я тебя не знала, подумала бы, что ты в Ветрова решил поиграть.

– Чур меня, – делано испугался Санников. – Еще чего не хватало. Нет, Ань, я серьезно. Перспективы отличные, но нужны ребята с потенциалом, идейные и увлеченные. Или девчата.

Анна испытующе поглядела на Александра, поставила локти на стол, медленно сплела пальцы перед собой и заметила:

– Я смотрю, тебе новая работа пошла на пользу. Хорошо. Дай-ка подумать... На кафедре химии новый аспирант, Нил, как раз диссер по технологии тонких пленок пишет. Завтра... – она сверилась с расписанием. – Около половины двенадцатого до начала пары подойди. У него глазки раскосые слегка, он из Токийского отделения перевелся, сразу узнаешь. Дальше. На кафедре биологии у Юльки спроси, там вроде у них Салливан отжигает, статью недавно при-

волок про кремнийорганическую жизнь, видать, что-то слышал про ваш Шестой. Только на Ветрова не наткнись нена роком, с кишками съест, а узнает, зачем ты приходил. А вот с Мишкой сложно тебе будет...

– Мишка? – поднял бровь Лекс.

– Михаил Эдуардович Погосян. Ты ушел, не застал его, он тогда только-только заканчивал, душевный мальчик, и с таким профилем – орлы в Кавказском мегалополисе мрут от зависти. И нанокибернетик неплохой.

– Но? – уточнил Санников.

– Да что «но». Помнишь же, что место аспиранта в году одно, а через год после него сынишка завкаф выпускался...

– Ясно, – побарабанил пальцами по столу Лекс, опустив глаза. Он и сам в свое время закрывал глаза на перестановку аспирантов. Как своим не помочь, когда ненавязчиво намекают?

– Ясно ему, – буркнула Аннушка. – Миша скандал закатил и ушел в закат. И все свои разработки с собой забрал, а сынишка начал над проектом переделки водородного генератора работать, да девицу подхватил, женился и в Обще-германский свалил преподавать. Теперь кафедра и без аспиранта, и без перспектив. Про Мишу поспрашиваю, но я бы на твоём месте поверила скорее адскому девизу про надежду и всяких приходяще-уходящих.

– Ничего. Дело поправимое! С меня шоколадка, – подмигнул изумленной Аннушке Лекс. Она его таким живым и

озорным со школьного выпускного не помнила!

С Нилом и правда не возникло особенных проблем, ни найти по скудному описанию Аннушки, ни завербовать. Молодой аспирант смешанных сибирско-японских кровей, что выражалось в невозмутимой молчаливости, азиатском разрезе глаз и по-восточному высоких скулах, едва услышав про новую экзопланету и необходимость ее изучения, не колебался ни секунды. Лекс про себя только грустно вздохнул – кто б ему такое предложение в начале научной карьеры сделал. Но и сейчас оказалось не поздно.

Кафедра биологии и старший научный сотрудник Юлька во главе аспирантов и лаборантов встретили Лекса насмешливыми подколками. Но когда узнали, куда в итоге прибило волнами судьбы эпигенетика, замолчали. А кое-кто начал смотреть с надеждой в глазах – не просто же хвастаться Санников к ним пришел, этим только их завкафедрой Ветров на всю Межпланетку славится. Воровато оглянувшись, не видно ли где одного субъекта, Лекс, воодушевленный успехом с Нилом, принялся расписывать перспективы участия в Программе. Новый мир, новые животные, растения и экосистемы, неизвестные науке, новые направления исследований – а это, на минуточку, гранты, премии, статьи и мировая известность, это не под веником у Ветрова сидеть. Но как завкафедрой биологии может испортить жизнь любому, кто

проштрафился перед ним, знали все, и потому глазами сверкали, а соблазняться речами неопытного посланца не решились.

Лекс порядком выдохся, затем напрямую спросил у наменного Аннушкой аспиранта:

– Салливан! Вы же эссе про кремнийорганику написали, я читал, очень интересное у вас предположение про инсектоподобных животных вышло. Неужто не хотите своими глазами взглянуть?

К его удивлению, ксенозоолог потупился, порозовел и принялся оправдываться как студент, который в бумажных архивах кафедры провел раскопки, нашел чью-то старую курсовую и пытается сдать заново.

– Я предпочту остаться на Земле. Насекомых боюсь, пусть лучше сюда образцы привезут, я ими тут позанимаюсь, да и слабо мне верится в то, что эти... фантазии могут воплотиться в реальной жизни.

К концу сбивчивого монолога аспиранта Лекс уверился в том, что если Салливан и писал эссе сам, то первоначальная идея определено была не его авторства. Свою работу фантазиями не называют, даже самую невероятную по предположениям, к тому же, как известно, зачастую это самое невероятное и оказывается ближе всего к истинному положению дел.

– Попробуйте Александру Морозову найти, – посоветовала Юлька, перебив Салливана. Она уже поняла, что аспирант

с кафедры никуда бежать не собирается, но помочь Санникову все-таки хотела вполне искренне. И не только ему. — Она не ксенозоолог, конечно, но человек хороший и специалист великолепный. Может, квантового биолога куда-то да пристроите?

Научно-преподавательский состав кафедры напряженно примолк, стараясь с Лексом взглядами не сталкиваться. Он хмыкнул в ответ — что-то под солнцем и луной на матушке Земле не меняется никогда, например, поведение Ветрова — и уточнил:

— И давно ее выжили всем нам знакомые лица, не будем именовать всуе?

Повисла неудобная тишина. Наконец, самый смелый, ушастый встрепанный блондинчик лет двадцати пяти, высказался:

— Месяца три назад у нас работала.

— Можете не продолжать, — вздохнул Лекс. — Кое-кто встал не с той ноги, Александра сказала полслова поперек, полдела сделала не так, как было велено — и готово.

Вихрастый блондин рьяно кивнул в подтверждение слов эпигенетика, растрепав и без того сумбурную прическу еще больше. Лекс присмотрелся внимательнее и спросил:

— А вы, батенька, над чем работаете? Как вас величать?

— Кевин, — представился смельчак. — Я... Я младший научный сотрудник.

— Понятно, — кивнул Лекс и применил принцип Тайвина.

Быть до крайности честным эпигенетику потихоньку начинало нравиться. – По должности – человек науки, по сути – принеси-подай-убери-проверь. А в какой области?

– Ксенозоология, – ни на что не надеясь, ответил Кевин. Не по его душу Санников пришел, ему, начинающему ксенозоологу, до подобных предложений еще далеко, а с таким руководством – либо осваивать азы правильного обращения с начальниками, либо смириться и все-таки расти, но в полтора раза медленнее обычного и тем более желаемого, уходить-то особо некуда.

Но Санников смог его удивить.

– Кевин, а пойдете Сашеньку искать?

– П-п... прямо сейчас? – заикнувшись от изумления, переспросил будущий ксенозоолог.

– А почему нет, – добродушно отозвался Санников. – На мой страх и риск.

– А пойдете! – с ноткой залихватского отчаянного безумства потрянул головой Кевин еще раз. Прическа его окончательно рассыпалась, и Лекс, ободрительно улыбнувшись, подивился, насколько разными могут быть истинные энтузиасты своего дела. Нескладный, долговязый, лохматый Кевин потрясающе диссонировал с образом Тайвина: тот вид имел всегда безукоризненно элегантный, что во внешности, что в одежде, и единственная вольность, которую он себе позволял – аккуратно собранный хвост длинных каштановых волос, хотя как раз от гения можно было бы всякого

ожидать. Но абсолютно идентичные друг другу неукротимые огоньки исследовательского интереса в глазах у этих двоих, свойственные любому правильному ученому, Лекс увидел и оценил.

– Юленька, сударыня, я заберу у вас молодого человека, – эпигенетик не спрашивал, а ставил перед фактом. Он схватил Кевина за руку и повел за собой, потрясенного и от того не оказывающего сопротивления. – С документами я потом отдельного специалиста пришлю разобраться, даже, пожалуй, двоих. Один вам все подпишет по доверенности, второй возьмет удар стихии на себя. Засим откланиваюсь.

И Лекс ушел вместе с новообретенным ксенозоологом, пока Юлия Андреевна не очнулась от напористой наглости эпигенетика.

Цветная реакция на червоточинку в человеческой душе в виде расплаты за телка, уведенного безо всякой веревочки, не замедлила себя проявить. На следующее утро Лекс стоял под дверью кабинета Тайвина, сообщив про сомнения в Салливане и постаравшись убедить гения в потенциях Кевина, и подслушивал, о чем воет бушующий там внутри ураган.

— ...не только забрал у меня перспективного аспиранта, но и занял место, по праву принадлежащее мне! Я этого так не оставляю! — донеслось на нетипично высоких для человеческого голоса децибелах возмущение, и Лекс очень удивился. Вроде кроме него кандидатур на пост правой руки Тайвина больше не было, Кевин на своих двоих ушел, да и роман у юного ксенозоолога не с кафедрой биологии, а с наукой, но эта основательная дама для нежных занятий любовью с увлеченным ею ученым требует очень подготовленных для сего занятия мест. Неизвестный громкий тип порадовался бы лучше за молодежь, чем так орать. И кто, простите, там разоряется? Впрочем, предположение у Лекса было только одно.

Крик в кабинете стих, раздались громкие быстрые шаги, и Лекс чуток отодвинулся. И очень вовремя, иначе получил бы прямо по носу внезапно распахнувшейся дверью, из-за которой вылетел раскрасневшийся и немного встре-

панный темноволосый мужик лет тридцати пяти – сорока. Эпигенетик машинально отметил золотые запонки и зажим на галстуке, блеснувший благородной металлической белизной перстень, судя по всему, платиновый, механические наручные часы известной фирмы (необоснованное позерство в век электронных технологий!), разительно контрастировавшие с внешностью деревенского бугая, вздрогнул, заправил рукав обтрепанной водолазки поглубже под халат и поморщился. Сколько можно за другими финансовую состоятельность считать, надо переставать этим бесполезным делом заниматься.

Мужик пролетел мимо Лекса, не удостоив его и взглядом, обдал волной удушающего парфюма и скрылся за другой дверью – руководителя Программы. За ним неспешным шагом вышел Тайвин, прокомментировав:

– Ветрова принесло – Ветрова унесло.

– Ага, сын кафедры! Так я и думал. – Ветрова Лекс знал хоть и заочно, но очень хорошо с большинства его неприглядных сторон. – Так вот ты вблизи каков!

– Кто, простите? – поинтересовался штатный гений.

– Это прозвище такое, – смутившись, пояснил Лекс. – Дело в том, что Ветров как профессор Выбегалло – сволочь, приспособленец, весомый и зримый хам. Но, в отличие от книжного персонажа, талантлив необычайно, не отнимешь. На него вся кафедра биологии в период его аспирантуры сделала ставку. И три года коллективное научное творчество

продвигали в массы верхом на его имени, думали, выедут за счет светила биомиметрики, получают мировую известность, приток студентов, гранты на исследования смогут выбить. Первое время так и было, но потом Ветров привык, сам сел всем на шею, возглавил кафедру и зазнался. Такая вот история.

– Вы знакомы? – спросил Тайвин, поправляя очки. На его скулах медленно бледнели алые пятна – похоже, сын кафедры успел неплохо побесить гения.

– Не лично. Вблизи не видел и не общался. Просто Ветрова в Межпланетке, мне кажется, не знают только абитуриенты. Кстати, хотел спросить, а почему в таком высокотехнологичном научном центре обычная дверь, а не автоматическая? – поинтересовался эпигенетик, инстинктивно потеряв чудом уцелевший нос.

Штатный гений восстановил слегка пошатнувшееся душевное равновесие и с невозмутимым видом ответил:

– Здание построено намного раньше, чем стали повсеместно использовать автодвери. Технология еще не была толком обкатана, да и дорого везде такую открывашку ставить. А как RFID переизобрели с заменой на идентификацию не радиосигнала, а биочипов, начали постепенно менять, но не везде успели. Да и не все соглашаются на имплантацию. Я вот пока не хочу, не вижу необходимости. И в чипах, и в открывашке.

– Может, и к лучшему? – улыбнулся Лекс. – Иногда так

и хочется шандарахнуть дверью со всей силы. Если их везде заменить – куда человек выплеснет злость при случае?

– На окружающую реальность спроецирует, естественно, – пожал плечами Тайвин. – Спонтанная аффективная агрессия в принципе в духе человечества. Дверей не будет – так кружка под руку попадется. Или чье-то чрезмерно участливое лицо.

Подтверждая его слова, дверь соседнего кабинета с оглушающим грохотом впечаталась в стену.

– Да кто вообще такой этот ваш Санников? – громогласно возмущался разъяренный до предела Ветров. – Понабрали сброд вместо компетентных специалистов!

Его взгляд споткнулся о стоящих неподалеку бок о бок и с интересом наблюдающих производственную драму штатного гения и эпигенетика. Лекс, внутренне немножко обмирая от собственной смелости, слегка приподнял руку и высказался:

– Я Санников. Вы имеете какие-то сомнения в моей компетентности?

– Имею. Я сейчас тебя так буду иметь... – Ветров сжал кулаки.

Лекс, повинувшись безотчетному порыву, вздернул подбородок, смело посмотрел оппоненту глаза в глаза и решил последовать совету Тайвина – быть предельно откровенным до кристально прозрачного хамства.

– Ввиду пола не получится, разве только вы оригинальны

в ориентации. А чем вас моя кандидатура так не устраивает, сударь? Если уж на то пошло, биомиметрик в Программе – не пришей кобыле хвост, да как и я со своей эпигенетикой. Может, не в научных достижениях дело?

– Да ты...

Ветров пошел было в сторону Лекса, но Тайвин демонстративно сложил руки на груди и вмешался:

– Мне охрану позвать?

Сын кафедры остановился, разжал кулаки и смерил Лекса таким взором, что эпигенетику срочно захотелось за широкие надежные плечи охранников – компенсировать мелкость роста и комплекции за их счет. Ветров с минуту молчал, глядя сверху вниз на Лекса, затем процедил сквозь зубы первый же штамп, на который набрел его мозг в поисках внушающих страх угроз:

– Мы еще с тобой разберемся, ш-ш-шваль.

Затем посмотрел на Тайвина не менее уничижительным взором, но не сказал ничего и предпочел удалиться.

– Вот так человек и приобретает себе кровных врагов на всю жизнь, – сказал Лекс, провожая взглядом его спину и пребывая в глубокой задумчивости.

– Вы же не девушка модельной внешности, чтобы всем нравиться, – не менее задумчиво ответил ему штатный генный. – Кем бы его заменить...

– Биомиметрика-то мы найдем, если он будет нужен. А вот вопросы красоты и ее восприятия, Тайвин, еще более

сложны, чем вопросы крови, то бишь наследования как области моей непосредственной компетенции... коллега. – Лекс хотел было добавить по выработавшейся за годы преподавания привычке «мой юный нерадивый друг», но вовремя осекся и исправился.

Но от внимания Тайвина его секундная заминка не укрылась, и гений позволил себе краешком рта улыбнуться: менторские привычки экс-преподавателя он знал хорошо, в роли таких нерадивых студентов больше половины его одногруппников побывали в свое время.

Александра Морозова от научной среды отдалиться не успела. Взбешенная и доведенная Ветровым до ручки и самолетика с заявлением об уходе ему на стол, она, недолго думая, пристроилась в одну из городских больниц. Квантовые биологи – специалисты полезные и навыками обладают очень разнообразными, так что за месяц переквалифицироваться на лабораторную диагностику ей не составило труда.

Тут-то ее и нашел Санников. И сразу Саше не понравился. В самом деле, поневоле испугаешься, когда приходит к тебе на работу какой-то невзрачный мужичонка годков под сорок, внешность и одежда которого потрепаны жизнью и финансовой нестабильностью, называет тебя сударыней и начинает сманивать в таинственные недра государственной Программы с невероятными задачами и перспективами. Впору на улицу посмотреть и уточнить – а не межсезонье ли, а может, полнолуние, что потенциальный пациент психдиспансера вдруг индуцировался.

Но нет, месяц только начинал робко расти, тополиный пух возвещал жаркий июнь, да и сладкоречивый субъект, откровенно говоря, слишком нескладно для городского сумасшедшего ее увещевал. У бредовых идей есть свойство выглядеть исключительно логичными, а у их носителей присутствует маньячный блеск в глазах, а неуверенности в собственной

правоте как раз нет, но Александр Николаевич вел себя ровно наоборот. Смущался, терялся, пытался чертить схему нанита, и чем-то неуловимо-правильным, задевшим Сашин исследовательский интерес изнутри, умудрился-таки ее подкупить.

Согласившись прийти на собеседование, она долго не могла поверить в реальность происходящего. Как-то неправдоподобно это все: новый Шестой мир, кремнийорганика, наниты, штатный гений, на гения совершенно не смахивающий. Но присутствие жизнерадостного и улыбчивого в кои-то веки Кевина в команде ее порядком успокоило. Ксенозоолог пробежал мимо кабинета, где она беседовала с Тайвином и Александром, с планшетом в руках, от экрана которого ввысь тянулась проекция с формулами, и Кевин по пути прямо в проекцию вносил пометки. Саша, приглядевшись, с удивлением признала нуклеотиды, только в неключевых позициях вместо углерода зачем-то был вписан кремний. «Да ну, чушь какая-то», – подумала было Саша, но Кевин, видимо, почувствовал ее взгляд – поднял голову от расчетов, улыбнулся от всей души, помахал ей рукой и унесся прочь. Искренность улыбки и крейсерская скорость человека, что был сейчас занят самым интересным для него на свете делом, склонила для Саши чашу весов в пользу Программы – терять кроме пробирок с кровью и другими жидкостями человеческого тела ей было нечего.

С Нилом и Кевином она мгновенно спелась, а вот к Сан-

никову испытывала поначалу стойкую неприязнь. Но чем больше Саша работала с небольшого росточка, но крепко сбитым и чрезвычайно гиперактивным эпигенетиком, тем больше проникалась доверительным уважением к его неунывающему характеру и уникальному дару соединять несоединимое – да взять хотя бы собранный им разношерстный коллектив. А когда Сашу пригласили о своем, о женском, посплетничать в небольшую компанию из Юльки, Аннушки и еще пары ехидных дев бальзаковского возраста, концентрирующих сплетни со всех отделений Межпланетарного университета, да рассказали ей о том, каким напыщенным сухарем, погибающим от недостатка живительной для души и ума научной работы, он был, Саша и вовсе изменила свое к Лексу отношение. А еще подхватила с острого языка Аннушки такое короткое, емкое и удивительно подходящее ему сокращение имени, и коллегам подкинула.

Вскоре после утверждения Саши в штат они вчетвером – Александр, Александра, Нил и Кевин – задумчиво смотрели на тонкую пленку, сплошным куполом закрывшую планшет Тайвина радужными переливами. Лекс разработку от гения изъясил на время, к своей маленькой команде в большой лаборатории притащил, развернул и заставил ученых созерцать прототип будущего защитного купола новой колонии на Шестой экзопланете. В перспективе.

– И в чем загвоздка? – нарушила молчание Саша.

– В том, что этот вариант защиты дороже стограммового

слитка палладия уже сейчас, – покачал головой Лекс. – А купол нужен минимум на пару квадратных километров, а то и больше. Нам надо найти способ сделать его тоньше, прочнее, дешевле и с быстрой программируемой связью между нанитами. Вопрос программирования мы будем решать, когда найдем нанокибернетика, а вот некоторая задумка на тему того, как удешевить конструкцию с сохранением взаимосвязей, у меня есть уже сейчас.

– И что, нет альтернативы никакой? – поинтересовался Нил.

– Почему же, отнюдь, – с ухмылкой ответил Лекс и подмигнул маленькой группе исследователей. – Четырехметровый забор и ходить все время в экзоброне. Но если и без брони получится, в чистом остатке сидеть много лет за забором как-то...

– Попахивает Средневековьем и частоколами? – предположил Кевин.

– Примерно так. Если не тюрьмой почти в чистом виде. Может, в двадцать третьем-то веке найдем решение потехнологичнее?

Коллектив поддакнул. Принялись думать. Первая волна мозгового штурма результатов не дала, как и вторая, пока Лекс не откашлялся и не привлек к себе внимание.

– Александра...

– Да, Ле... Александр Николаевич? – отозвалась Саша, запнувшись – в мыслях уже привыкла к сокращению.

– Аннушка просветила, да? – поморщился Лекс. – Не надо меня так называть, Тайвин запретил, а я склонен к его мнению прислушиваться.

– А своего мнения у вас нет? – взъершилась Саша. Лекс улыбнулся.

– Есть, но напрямую к делу не относится. Судари и сударыня, я вот тут подумал. А если связь между нанитами сделать на электротонической основе?

– Как в электрических синапсах? – тут же зацепилась за идею Саша.

– Ага, – кивнул Лекс. – Нейромедиаторы ввиду конструкции использовать не получится, а вот если переделать строение нанита, чтобы отростки выполняли роль ионных каналов и проводили сигнал... Вот только не знаю, как в ядро запихнуть программу управления роём.

Коллеги посмотрели друг на друга, на Лекса, на проекцию нанита в разрезе и хором постановили:

– ДНК.

Следующую неделю они почти не разговаривали, лихорадочно работая над возникшей идеей. Тайвин очень заинтересовался и постоянно требовал отчеты, порой зверски стоя над душой, пока Лекс, Саша, Нил и Кевин не закончат очередную фазу эксперимента. Без малейших проявлений благодарности все наработки он копировал и уносил к себе, а команда продолжала вкалывать, начиная напоминать себе пахотных кляч. Но все нужное оборудование, данные и ма-

лейшие запросы ученых волшебным образом мгновенно выполнялись, и команда попала в замкнутый круг, когда результатов пока не видно, но все ресурсы присутствуют, а оттого научный энтузиазм потихоньку начинает кусать сам себя за хвост, и этот уроборос идей, их воплощения, неудач, новых идей и новых экспериментов стал напоминать бег хомячка в карусели. А без грамотного физика со специализацией в области нанокибернетики и вовсе было невыносимо тяжело. Саша иногда сетовала, мол, был у нее давнишний друг, Мишка, как раз нужной специализации, да запропал, и найти она его второй год никак не могла, что ее жутко расстраивало.

Штатный гений периодически решал их запросы в этой области, но в последние дни большую часть времени отмалчивался, а потом и вовсе стал огрызаться, требуя оставить его в покое.

В конце концов при очередном требовании гением отчета о текущем состоянии идей Лекс не выдержал и взмолился:

– Тайвин! Мы не справляемся. Нам позарез нужен физик-нанокибернетик. Без него как без рук!

– Так найдите, – отрезал штатный гений. – Вы здесь не в последнюю очередь для подбора кадров.

– Я не могу разорваться надвое!

– Придется, если на то есть необходимость.

– Тайвин! – с отчаянием попросил Лекс, чувствуя, что не сможет работать на два фронта. – Я могу переориентировать

направление работы. Но у нас только начало что-то получаться... Вы постоянно молчите, ни слова про нашу идею не сказали ни разу. Мы хоть не впустую работаем?

В ответ гений поправил очки, достал из кармана белоснежного лабораторного халата уже знакомую Лексу капсулу и нажал на кнопку развертки. Крохотная металлическая капсула раскрылась, выпуская рой нанитов. Они мгновенно образовали вокруг узла развертки купол с полметра в диаметре, слегка мерцающий радужными разводами.

– Не впустую. Вы были правы. Надежнее обычной электротонической синаптической связи не найдешь, равно как и ДНК в качестве аналогового хранителя информации. Конечно, наниты не могут смоделировать классический аксон в миелиновой оболочке, но по принципу резонансной индукции и с применением для оболочки ядра минимального количества ферромагнитных квантовых сплавов, обеспечивающих эффект электронной сингулярности и сохранение ДНК, как вы и предполагали, удастся спокойно создать подобие нейрона. Нейронной сети. А если добавить к блоку перигравитации конвертер материалов, чтобы наниты достраивали сами себя, то... Над этим я работаю.

Лексу ничего не оставалось, кроме как подобрать с пола упавшую туда челюсть.

– Как вы... Это же гениально!

– А вы думаете, почему именно я в Программе занимаю должность штатного гения? – улыбнулся довольный Тайвин.

Купол тут же окружили Саша, Нил и Кевин, и на порядком измученных лицах начали расцветать улыбки первого предвкушения победы.

– А вы скромностью не страдаете, – заметил Лекс.

– Конечно, – подтвердил штатный гений. – И вам не советую. Я нахожу, что есть что-то двуличное в том, чтобы говорить всем о том, какой я бездарь, а потом слушать комплименты и уверения в обратном. Вымогательство сочувствия – последняя вещь, которую может позволить себе ученый нашего с вами уровня.

– Пожалуй, вы правы.

– Кстати, вы, помнится, спрашивали, почему именно вас я позвал в Программу. Потому и позвал, за надсистемность мышления. Благодарю за идею, за команду и за работу.

Команда ошеломленно молчала, а Лекс смог только выразительно моргнуть. Другой ответ штатный гений вряд ли бы принял.

Работа закипела с новой силой и энтузиазмом, и Лекс, изнемогая от тяжести и количества идей, заваливал коллег все большим количеством расчетов и задач, становясь похожим одновременно и на старого требовательного и сухого себя в приступе лихорадочной одержимости идеей заставить нанит работать по принципу клетки, и на штатного гения, про которого никто не мог до сих пор сказать точно, умеет он проявлять сочувствие к сотрудникам или нет. Тем ценнее оказалась для дела та короткая похвала.

Но силы после короткого всплеска неуклонно таяли, без физика работа заходила в тупик, Тайвин больше на контакт практически не шел, хотя работал, как подозревал Лекс, в параллельном направлении и ничуть не меньше, а то и в несколько раз больше, чем они все. И в один прекрасный день, когда Кевин попросил отгул, эпигенетик сорвался:

– Какой отгул, Кевин, работы выше крыши!

– У меня бабушка скончалась, – тихо пояснил ксенозоолог. – Я бы не стал по более мелким поводам...

– Да хоть дедушка! – огорченный переносом сроков, Лекс и не заметил, как исказилось от его слов лицо ученого.

– Как вы можете так говорить! Я понимаю, этот ваш штатный гений, у гениев в принципе что с людьми, что с эмоциями криво выходит, но вы-то! – Саша возмущенно вступил.

лась за коллегу и задохнулась, не в силах найти подходящие слова.

За ее спиной раздалось спокойное и чуть насмешливое:

– Это я называю «комплименты в стиле Александры». Вы определитесь, чего сейчас хотели достичь: пристыдить своего практически тезку или меня унижить. Александр Николаевич, по-вашему, плохой ученый или эмоциональный калека вроде меня?

– Я... Не... – Саша растерянно обернулась на совершенно не к месту возникшего руководителя научного отдела Программы. Глубоко вдохнув, она справилась с собой и от души нахамила, мысленно махнув рукой, будь что будет: – Конечно, нет. Александр Николаевич – прекрасный ученый и душевный человек. Просто забыл на секунду, что люди – это не польза плюс формулы, а вы, мне кажется, и не знали никогда! Я надеюсь, найдется когда-нибудь тот, кто вам расскажет, что такое быть человеком.

К ее удивлению, Тайвин не стал моментально ее увольнять, отчитывать или сердиться, только изобразил подобие улыбки и ответил:

– Благодарствую, мне уже довелось однажды побывать в пределах эмоциональной нормальности как вы ее понимаете, больше не хочется. Впредь я постараюсь подобного рода ошибок избегать.

– Каких? – поинтересовался ошеломленный Лекс, сначала смущенный отповедью Саши, затем застигнутый врасплох ее

перепалкой со штатным гением.

– Верить людям. И тем более – в людей, – невозмутимо пояснил Тайвин, развернулся и ушел, раздав через плечо всем сестрам по серьгам: – Кевин, напишите заявление на краткосрочный отпуск с открытой датой. Александр Николаевич, сделайте перерыв, а то вы так себя загоните, а вы мне еще нужны. Нил, вы, я вижу, вполне работоспособны, побудьте пока заменителем всех. Александра, даю три дня отгулов. Призовите к порядку ваше чрезмерное человеколюбие.

Вот тебе и неприступная крепость без души и сердца, подумалось исследователям. Пока мужчины переваривали ценные указания, Саша вспыхнула, но сдержала порыв кинуться вслед и закатить хорошую такую пощечину язвительному ученому. Она обернулась к Лексу и коллегам и с бесильной злостью поинтересовалась:

– Как вы с ним работаете? Он же невозможный!

Лекс пожал плечами и ответил за всех:

– Привык. И потом, вы знаете, сколько ему лет?

Саша призадумалась. На вид ученому могло быть сколько угодно – от двадцати до сорока, но что-то ей подсказывало, что первый вариант вероятнее, хотя и невероятнее одновременно. Кто в здравом уме возьмет в руководители мальчишку, может быть, вчерашнего выпускника чуть за двадцать, будь он хоть сто тысяч раз гениален до самых печенок?

– То-то и оно, – вздохнул Лекс. – Иногда гений разбивается о банальный юношеский максимализм. Парадокс!

– Парадокс, – согласилась Саша и фыркнула. – Да я на второй день дома от скуки взвою. Хотя... Ладно, будет повод Мишку поискать. И все равно, гений, не гений, молодой, не молодой, а порядочный засранец!

С этим постулатом Лекс не мог не согласиться. Исключительно порядочный молодой человек, и столь же исключительная заноза в одном месте. Эпигенетик и сам собирался заняться поисками Михаила, только другого. Интересное, кстати, совпадение, подметил Лекс, два Мишки – оба нанокрибернетики, и оба пропали. Совпадение? Или мир – одна большая деревня? Совпадение, решил ученый и приступил к поискам.

Розыск Михаила несколько затянулся. Лекс отследил, куда подался талантливый нанокибернетик, разыскал в недрах бесчисленных бумажек универа (не без помощи Аннушки) адрес Михайловых родителей, справился у них, но ничего нового не узнал. Сын периодически с ними связывается, но где и чем живет – не говорит. Со съемной квартиры он съехал, однокурсники его не видели со времен достопамятного скандала, а как искать человека в сотнях километрах пространства простирающегося во все стороны и вверх на восемьдесят транспортных уровней Московского мегалополиса, Лекс представить себе не мог.

Отчаявшись, он попросил посодействовать парочку аналитиков, уже помогавших ему однажды с оформлением документации на Кевина. Эти полезные ребята, рыжие братья-близнецы, недавно нанятые в Программу за исключительную пронырливость в электронном мире, необычайно прозорливый склад ума и связанные с ними способности к прогностике, могли выкопать из самой темной норы что угодно, кого угодно и когда угодно, и Лекс не преминул их талантами вновь воспользоваться. И сильно удивился, держа в руках спустя всего несколько часов обрывок из тетрадки в клетку (электронной передаче данных близнецы осматрительно не доверяли) с адресом известного продуктового ги-

пермаркета и указанием должности Михаила.

Санников мгновенно метнулся туда, но бродил между полками, пожалуй, с полчаса, пока не увидел под кепкой работника гипермаркета в одежде фирменной расцветки подробнейшим образом ему описанный характерный габитус – густые черные брови, гордый орлиный нос и очень унылое выражение лица. Впрочем, а если б ему, Лексу, пришлось вместо обожаемой эпигенетики товароведением заниматься, он ведь тоже радостью жизни не блистал бы. Не успел он поздороваться, как потенциальный новый научный сотрудник Программы поднял на него взгляд, вздрогнул, сверкнул темно-зелеными глазами, опустил взгляд, кепку и... сбежал.

Лекс заинтересовался. Чем таким он напугал физика-кибернетика? Не собой же. Он почувствовал охотничий азарт и принялся загонять недоверчивую дичь. Торопливым шагом он проходил один стенд магазина за другим, едва успевая уворачиваться от продуктовых дронов, и все никак не мог застукать Михаила – то кончик фирменной футболки мелькнет, то кепка. Наконец, Лексу надоело, он перешел на легкую рысцу и, догнав уходящего в сторону склада товароведа, положил ему руку на плечо.

– Куда ж вы так торопитесь?

Плечи Михаила обреченно опустились, и он, не оборачиваясь, поинтересовался:

– А вы бы не торопились на моем месте, Александр Николаевич? Вы тут за покупками?

Лекс, не удивившись тому, что его узнали – наверняка что-то у Михаила преподавал, – и не отпуская вожака добычу, негромко сказал:

– Мне в ректорате по секрету шепнули и про вашу историю, и про то, где вас искать. Я пришел именно к вам. Могу я быть с вами предельно откровенным?

– Странный вопрос, – ответил Михаил, все так же стоя к Лексу спиной. – Да, если это так важно.

– Вы, наверное, считаете, что я пришел поглумиться над тем, как вас жизнь потрепала?

Михаил соизволил обернуться, и Лекс постарался весело и искренне улыбнуться, про себя с глубоким сожалением отмечая скорбные складки в уголках рта, потухший взгляд и готовность в любой момент огрызнуться.

– Нам нужен кибернетик.

– Кому? – без всякого интереса вяло спросил Михаил.

– Программе исследования нового мира. Может, слышали, новую экзопланету открыли. Так вот, нам позарез нужен нанокибернетик, а поскольку вы народ дефицитный, согласны на девять десятых.

– И чтоб небалованный, добровольец и согласился жить в общежитии? Всем нужен нанокибернетик, – слегка оживая, подхватил игру цитат штучный дефицитный экземпляр породы «человек ученый».

– Ага, – с энтузиазмом закивал Санников. – Что скажете насчет создания биологически-кибернетической флеш-

ки? Возьмем ДНК, расставим по ней метки метилирования, назначим основаниям кодировку в двоичной системе, или как вы там это делаете... Вы знакомы с разработкой нанитов?

– Конечно, – окончательно заинтересовался Михаил.

– Так вот, есть один юный, но достаточно радивый ум, додумался делать их не из титаново-танталового сплава с блоком перигравитации в точке развертки, а из ферромагнитных квантовых сплавов с добавлением лютеция. А я вспомнил про электротонический принцип работы синапсов.

– Металлы кагомэ. Интересно... И что получилось? – кибернетик кивнул, и в целом уже выглядел достаточно заинтеригованным, чего Лекс и добивался.

– А вот что. – Хитрый Лекс достал смарт и запустил проекцию. На ролике крохотная, но преисполненная решимости и надежд компания белых халатов проводила испытание прототипа защитного купола на малой площади. Несмотря на небольшой размер и не очень хорошее качество проекции, Михаилу одна из фигурок на ней показалась смутно знакомой. – Так можно будет защитить будущую колонию. Да, эта разработка дороже, но намного эффективнее, чем просто построить забор, как пока предполагается сделать. Вопрос, как разместить и стабилизировать в нанитах нуклеиновую кислоту в количестве, достаточном для хранения и передачи нужной информации, мы пока решаем. Наверное, воспользуемся композитным решением – сделаем

только оболочку ядра нанита из ферромагнитных квантовых сплавов, а остальную часть как обычно, а то так можно все пять колоний ради новой по миру пустить. Современная нанокибернетическая цитоинженерия, можно сказать. Сможем и себестоимость нанитов снизить, и сберечь ДНК, и стабилизировать ее свойства за счет электронной сингулярности металлов кагомэ, по крайней мере, мне так штатный гений объяснил. Я-то, вы же знаете, эпигенетик, мое дело с ДНК работать. Вот только программу для защитного купола писать некому...

Лекс почти с неподдельной грустью вздохнул. Михаил недоверчиво и немного ошалело глядел на него молча с пару минут, потом все-таки собрался с мыслями и высказался:

– Я не знаю, почему вы пришли именно ко мне, но меня не надо ни спрашивать, ни уговаривать. Да я отсюда хоть прямо сейчас и бесплатно пойду. – Он порывисто сдернул кепку с логотипом гипермаркета, задумчиво повертел в руках, словно собираясь кинуть на пол и растоптать, но справился с порывом и бережно положил на ближайшую полку. И спохватился. – Надеюсь, без Ветрова и компании из Межпланетки обойдется?

– Не далее как пару месяцев назад с Ветровым имел беседу, – Санников задорно ухмыльнулся, – он меня швалью назвал и пообещал со мной разобраться. Я у него научного сотрудника отобрал и вроде как теплое место в обход занял. Я так и не понял, ни почему он такой жадный, что младшего

научного сотрудника ему жалко, все равно ничем полезным специалист не занят, ни зачем Ветрову пост зама научного отдела Программы. Что, на кафедре власти и подхалимов не хватает?

– Подхалимов много не бывает, власть – заразная штука, и требует их со временем все больше. Минус Ветров – это хорошо, – с задумчивостью проговорил кибернетик. – Вы сказали, Программа... И что за штатный гений?

Лекс чуть не подпрыгнул. Удалось!

– Пойдемте к вашему начальству. Напишите быстренько по собственному без отработки, а пока к нам доедем, я вам все детально расскажу.

– Есть одно условие.

Лекс, было устремившийся к выходу, притормозил. А на что он рассчитывал, чтобы человека ломали-ломали, почти доломали, и он вот так за три минуты обратно морально воскрес? Конечно, у него условия будут.

– Какое?

– Сашку пристройте. А то никуда не пойду.

Глядя на заглубившееся лицо Михаила, Санников постарался как можно мягче уточнить:

– А Сашка у нас...

– Биомиметрик. Работа над бионическими проектами создания на основе кремнийорганических полимеров световых сверхпроводников, – глядя на недоумевающее лицо Лекса, кибернетик сжалился и объяснил: – Это почти то же са-

мое, что вы хотите сделать, только там носитель информации не ДНК, а свет. Проект заморозили, потому что стоп-среды для света создать сложно, она и свои навыки в квантовой биологии не успела в ход пустить, хотя собиралась.

– О, – обрадовался Лекс, – вот и проблема Ветрова решается сама собой! Квантовый биолог у меня есть, но биометрик мне нужен ничуть не меньше, чем нанокибернетик! Пусть приезжает на собеседование.

– Договорились, – серьезно кивнул Михаил. Потерянным и скорбным он уже совершенно не выглядел.

– Стоп. Она? Александра? Морозова? – Получив утвердительный кивок, Лекс хлопнул себя рукой по лбу, связывая два и два: Сашка-то не раз про пропавшего друга Мишку говорила. Вот коза! И про навыки биомиметрики молчала! И он начал кибернетика активно стыдить: – Вы и представить себе не можете, как она за вас волнуется! Вы почему на звонки не отвечаете, а? Подумаешь, место работы непрестижное, я полгода оператором обслуживания установки распределения транспорта работал, потому что выживать надо было, и о гордости как-то забываешь в такой момент!

– Но откуда... – Михаил смешался.

– Мир тесен, мой будущий, смею надеяться, коллега. А научный мир тесен кубически в академическом вакууме. Неужели вы думали, что я пропущу такой талант? Впрочем, откуда вам было знать, – Лекс с укоризной покачал головой и от отчаяния забыл про вежливость. – Не говорить друзьям,

где ты, что с тобой, почему не звонишь, не приходишь – чистой воды свинство!

– Вы думаете, оно мне надо? Чтобы она волновалась, давала дурацкие советы, чтобы я не знал, куда себя девать, пока она меня жалеет? И без того на душе хреново, чтоб меня дружеской заботой сверху придушивали. Нет уж, сам разберусь, – отрезал Михаил.

Но Санников не отставал.

– Когда же человек поймет, что если он не пойдет к другу и не уткнется ему в плечо, то друг и не узнает, что нужна помощь. Плохо тебе, больно, страшно – позволь ты себе помочь, авось не растворись от стыда. И тем более когда хреново, худшее дело – обливаться слезами в одиночку и всех вокруг профилактически распугивать. Поехали, будем вас мирить.

Михаил было хотел разругаться с Санниковым в пух и перья, но дурацкая надежда на лучшее уже запустила цепкие коготки в его эмоции и подсознание и никак не желала отпускать. И он согласился, пусть и не без некоторой опаски.

Спустя неделю Михаил оттаял окончательно, как и Сашка, которая сначала повисла у него на шее и действительно чуть не задушила, а потом закатила ему грандиозный скандал и только через два дня перестала плевать ядом. Кибернетик подобно древесной осе вгрызся в разработки научного отдела Программы и быстро переработал трухлявую древесину в тончайшее кружево полезной бумаги.

Спустя еще неделю он, попривыкший к коллективу и к Лексу, уже почти без всякой робости и стеснения затормозил проносящегося мимо по делам на субсветовых скоростях Санникова и спросил:

– Почему вы сказали «флешка»? По сути, мы разрабатываем микропроцессор, только вместо мемристоров на лютециевых пленках вы хотите использовать нуклеиновую кислоту. Но это как-то нелогично, ДНК скорее работает как модули памяти или накопитель информации... Хотя...

Глядя на задумчивого Михаила, Лекс улыбнулся, дернул плечом и ответил:

– А если бы я вас сразу напугал сложностью задачи? Я хотел вас заинтересовать, разбудить исследовательский интерес, а не топить с ходу в болоте этой квантовой алхимии, алфизики и албиологии.

Михаил хмыкнул:

– Ничего, не превращать же свинец в золото вы меня заставляете. Впрочем, от Тайвина я бы и такой постановке вопроса не удивился, причем со сроками «было нужно позавчера».

Лекс кинул к Михаилу на стол планшет, бумажки от рыжих аналитиков и объявил на всю лабораторию:

– Александра, позовите Нила и Кевина, пожалуйста. Будем мозговой штурм устраивать. А это все пока подождет.

Через пару минут вся пятерка сидела над проекцией нанита в разрезе и усиленно думала вслух. Металлы кагомэ хоть и обладают потрясающей сверхпроводимостью, но и стоят потрясающе дорого. Как при сохранении сверхпроводимости сделать их дешевле, ученые уже придумали. Но как заставить крохотный механизм быть универсальным хранителем и проводником информации? Нет, даже не так, каждый нанит должен стать не хранилищем данных, не кибернетически-биологической флешкой, а полноценной клеткой. Кодировущей и декодирующей информацию. Аналоговым биологическим устройством хранения, анализа, обработки и воспроизводства цифровых данных, как в свое время компьютеры начинались с громадных бобин перфолент, а пришли к искусственному интеллекту на носителе величиной с ту же клетку и весом в несколько десятков пикограммов. Только это чересчур много для нанита.

ДНК обладает удивительным свойством – быть одновременно и устройством оперативной памяти, и процессором, и

хранилищем данных, и сложнейшей программой производства и воспроизводства жизни, что регулирует самое себя. Так почему бы не пойти в обратную сторону? Не пытаться искусственно воссоздать природу, делая из машины человека, а позволить природе человеку помочь? Вот только чем заменить ферменты... Хеликаза и топоизомераза, полимераза и лигаза – что поставить на их место? Как распределить метки метилирования по цепочке ДНК так, чтобы CRISPR-ассоциированный белок резал и сшивал нуклеотиды в нужной последовательности, если будет надо, как программист режет и переписывает код?

А если и удастся им решить эти сложнейшие задачи, то каким образом связать между собой мириады нанитов, чтобы их взаимосвязь в тончайшем единстве защитного купола под руководством единой программы, что должна передаваться по всей сети нанитов как импульс по сети нейронов в мозгу человека, спасла в перспективе тысячи жизней?

Проблему неожиданно для всех решил Нил. Он подошел к коллегам, которые увлеклись очередным спором и снова уперлись рогами аргументов в забор логики, и робко сказал: – Слушайте, у меня есть идея.

Ученые мгновенно замолчали. «Есть идея» – стало в их микросоциуме огнем фальшфейера, после которого надо все бросить и послушать того, в чью голову забрела из ноосферы какая-то шальная мысль.

Нил смешался, откашлялся, помялся, наконец, не обнару-

жив никаких препятствий в виде смешков, снисходительных взглядов или закатывающихся под веки глаз – сейчас бы химику-аналитику про ДНК нам рассказывать, нас тут трое как минимум биологию знают намного лучше тебя, – и предложил:

– Знаете, не смейтесь, но я когда-то разводил на подоконнике коллекцию плесени. Она была такая... прикольная. Разноцветная вся. И жила долго, если ей подкидывать что-то съедобное – кусочек хлеба, яблоко или...

Он смешался, не понимая, как донести мысль, но сигнальный огонек – это оно! – уже посетил головы Кевина, Лекса и Саши.

– Культура клеток в узле развертки как субстрат хранения информации и основа для программирования? – поднял бровь Лекс.

– И обратную связь можно прикрутить, чтобы система самообучалась! – вставил свои пять копеек Михаил и принялся сразу думать на перспективу: – А если сделать сеть узлов как подкорковые ядра мозга...

– А предел Хейфлика? – поинтересовалась Саша. – Через четверть века все забудут, что культуру надо обновлять, она загнется, и что тогда?

– Что, сигналку долго поставить на маркеры старения? – хмыкнул Михаил и добавил, обращаясь к Нилу: – Голова!

– Может, на геноме ВИЧ потренируемся? – предложил Лекс. Михаил на пару с Александрой скривились, и Саша

ответила:

– Девять тысяч нуклеотидов, это ж курам на смех! Хотя бы пару миллионов надо.

– *Escherichia coli*?

– Которая обычная или синтетическая с урезанным кодом?

– Э... вам виднее, – стушевался Лекс.

– Ни та, ни та не подходят. Они же как бульон – отличный базис для работы с ДНК, но чтобы сварить такой супчик, какой мы хотим, нужны картошка, морковка, лук, мясо и много чего еще, – поделилась соображениями Саша и смутилась, когда ее живот бурно отреагировал на образ еды.

– *Sorangium cellulosum*? У нее больше 12 миллионов? – продолжил торговаться Лекс.

– Миксобактерию? Сложно, там сначала ее надо культивировать на пептонной среде, потом чистить, чтобы клетки в плодовое тело не слились, потом на твердую среду переносить, чтобы стационарная культура получилась... Но в принципе... – Саша задумалась.

– Вот и договорились. А пока, может, пойдете на обед? – заботливо спросил Лекс.

– Ага... А может, вместе пойдём? – робко предложила ученая.

Лекс, не желавший расставаться с наброском схемы эксперимента, отказался, не заметив, как опустились Сашины плечи.

Спустя три дня в руках у команды оказалась чашка Петри с громадным сытым плодовым телом миксобактерии. Лекс грустно глядел на уничтоженный на корню эксперимент, а Саша кипела и негодовала:

– Какому поползнию пришла в голову идея вместо нормальных для среды G51b двух десятых процента глюкозы и половины процента крахмала добавить туда по пять? Это вопиющая неграмотность!

– Или столь же вопиющий саботаж, – негромко заметил Кевин. – Мы где среды заказывали?

– На биофаке... – растерялась Саша. – Там же прекрасные специалисты по микробиологии. Или ты имеешь в виду... Упс...

– И очень знаменитый завкаф. Во-во, – глубокомысленно поднял указательный палец вверх ксенозоолог. – И ты удивлена?

– А если это не он? – поинтересовалась Саша, глядя на обожравшуюся колонию.

– А кому еще придет в голову пытаться саботировать эксперимент? – задал встречный вопрос уже Михаил. – Давно с Ветровым не общалась?

– Не ученый, а человек-презерватив, – зашипел разъяренный Лекс. – Чтоб ему икнулось после стакана касторки на тощак!

– А вы опасны в качестве врага, – со спины к расстроенным новаторам, сумрачно взирающим в чашку Петри, по-

дошел штатный гений, заставив всех вздрогнуть. – Сроки поджимают, но пока вполне позволяют продолжить эксперимент. Давайте закажем среды в другой организации.

– Или сами сделаем! – преисполнилась экспериментаторского рвения Саша.

– Или сами, – согласился Тайвин. – Но давайте тогда и микробиолога найдем, он потребуется.

– Нет, – испугался Санников очередного раздвоения себя и жалобно посмотрел на Сашу в поисках поддержки. – Можно я лучше тут поработаю?

– Можно, – ответил за нее гений, пока Саша смотрела на эпигенетика со сложным выражением лица – то ли поддержать, то ли нет. А Лекс смотрел на нее в ответ и недоумевал – и как это он раньше не замечал, какой у нее красивый цвет глаз, наподобие каштана, светло-карий с узорчатыми переливами. И немного курносый нос со смешной родинкой на правом крыле. И трогательный хвостик коротеньких русых волос...

Лекс поймал штатного гения в коридоре и с очень встревоженным выражением лица начал спрашивать:

– Тайвин, вы уже получили письмо...

– Вы хотели сказать, донос? – сверкнул тот на него поверх очков предгрозовой серостью взгляда. – Получил.

– Я... Вы... Короче, – собрался Лекс с духом и мыслями. – Отсутствие у Александры в дипломе строчки про специализацию в области биомиметрики не умаляет ее права заниматься проектированием купола!

– Мы, конечно, не евгеникой занимаемся, – медленно ответил гений, – но вы же понимаете, что небезызвестная нам личность рассылает письмо о научной безграмотности нашего специалиста по всем значимым инстанциям? Я не говорю сейчас про неприятности для Программы, это маловероятно, я говорю сейчас про репутацию самой Александры. Насколько ей будет комфортно чувствовать себя профаном-самоучкой? Учитывая, что в письме довольно убедительно приведены доказательства ее некомпетентности?

Лекс побагровел, припомнив недавний случай с пептонными средами.

– Вы же понимаете...

– Я-то понимаю, – перебил его гений. – Но если письмо получит руководство?

Лекс сдудся и горестно вздохнул.

– Повесьте все на меня. Я переживу. И уйти могу, если надо будет. А ей бы курсы повышения организовать, пока не поздно, чтобы вопросов не было больше. Это же не так сложно?

– Несложно, – согласился гений и добавил мягким тоном: – Я рад, что вы так радуете за сотрудников. Вопрос с Сашей мы решим, уходить никуда не надо. Но имейте в виду на будущее, что ваш недоброжелатель может еще что-то придумать, столь же неприятное по сути и исполнению.

Лекс посмотрел на Тайвина долгим взглядом и с ноткой торжественности сказал:

– Тайвин, я для вас – просто Лекс. И это сейчас не кличка и не прозвище, нет. Это моя высшая к вам степень доверия. «Лекс» я только для друзей. А вы, если быть откровенным, как вы просили, не мой друг, конечно, я не навязываюсь, – прервал он гения, уже набравшего воздух для возражений, и кивнул в сторону лаборатории. – Но то, что вы для них сделали, для меня, как меня изменили, как помогаете Саше... В общем, почту за честь, если вы примете такое ко мне обращение.

Тайвин немного помолчал, потом заметил:

– Я принял к сведению. А теперь давайте пойдем посмотрим, что мне удалось на основе вашего проекта сотворить...

И они ушли к гению в кабинет, не заметив, что за соседним углом, зажимая рот, чтобы не услышали дыхания и

нервных вздохов, притаилась Саша. Выждав, пока закроется дверь, она понеслась в туалет – выплакать эмоции. И она еще принимала Лекса за психа! А Тайвина – за бесчувственного чурбана! Никогда в жизни она так не ошибалась.

Спустя две недели, благодаря работе Тайвина и собственному энтузиазму, взбурлившему в сотни раз, ученые смогли запрограммировать купол диаметром два метра. Это был качественный прорыв, и теперь предстояло придумывать, как запрограммировать увеличение количества нанитов за счет конвертера, чтобы они быстро воспроизводились. Но по сравнению с проделанной работой детали программирования уже не казались столь сложными. И научный отдел провел, обмирая от собственной смелости, гордости и легкого страха – а вдруг что-то пойдет не так? – презентацию разработки.

Высочайшее начальство выглядело не просто довольным, а ошеломленным перспективами, и поглощенный триумфом и объятиями коллег, Лекс не сразу заметил, что штатный гений куда-то незаметно запропастился. Эпигенетик оставил взбудораженную компанию ученых обсуждать, кто как из высшего руководства на научную новинку отреагировал, и пошел проверять, чем занят их непосредственный начальник.

Дверь в кабинет гения, повинуясь жесту, бесшумно отъехала в сторону – недавно заменили на открывашку, – и перед Лексом нарисовалась очень странная картина. Тайвин сидел за своим столом, уткнувшись в него лбом и обхватив себя за

плечи. Очки лежали рядом, молчаливо свидетельствуя: все не в порядке, если ты об этом хотел спросить. Худые плечи гения вздрагивали, и Лекс быстро понял, что молодого человека бьет крупная нервная дрожь. Не успел Санников удивиться реакции, как до него дошло – а ведь очкарик переживал за проект и за них всех не меньше, чем они сами. А показывать чувства не привык, вот и колотит его сейчас почему-то в потайном уголке. Стресс. Лекс кашлянул, и Тайвин рывком поднялся.

От Лекса не укрылось, каким растерянным, беспокойным и отчаянно-молодым штатный гений выглядел в этот момент, и в душе эпигенетика защемило невидимую струну сопереживания на грани с отеческой нежностью – он бы и помог, да только как, если глупый гений-одиночка никого в душу к себе не пускает. И Лекс просто спросил, не желая его смущать:

– Хотите с нами шампанского выпить?

Ответным взглядом Тайвин молчаливо извинился за слабость и поблагодарил за понимание, а вслух ответил, слегка разоткровенничавшись:

– Нет, спасибо. Я... Понимаете, я же с самого начала именно такого результата и добивался. Но забуксовал. А вы действительно молодцы. Но к делу. Нам с вами, Александр Николаевич, надо будет обсудить распределение научного отдела. Кто-то останется на Земле, кто-то полетит со мной на Шестой. Зайдете завтра?

И выверенным жестом посадил очки обратно на нос. Лекс глубоко в душе с досадой и гордостью ухмыльнулся – вот же стойкий оловянный солдатик! – но виду не показал, лишь кивнул, развернулся и пошел обратно, праздновать победу и скупую похвалу от этой очкастой заразы. А для себя постановил – ни в одной его вотчине дверей-открывашек никогда не будет. Обычная лучше – и шумит, и скрипит, и деликатно в нее постучать можно, и об стену ей без всякого такта ударить, и врасплох вот так никто не увидит.

– Александра! – вернувшись, торжественно возвестил Лекс, привлекая к себе внимание, но застав в лаборатории одну только Сашу. – Мы молодцы! По такому случаю, может быть, сходим в ресторан? Позовем Нила, Кевина, Михаила. Тайвина не будем, он ядовитый и все равно не согласится. Шампанского еще возьмем...

– Ага, ананасы и рябчиков, – пошутила Саша с мрачным видом.

Лекс вдруг понял, что ожидание в ее светло-карих глазах сменилось на разочарование слишком быстро, что его категорически не устраивало. И он, внутренне замирая от еле заметного трепета на сердце – когда это было последний раз, дай бог памяти, чтобы он девушку на свидание звал! – предложил:

– Может, если шумные посиделки вам не по нраву, вы согласитесь пойти со мной в театр?

Саша вспыхнула, опустила глаза, помолчала. И отказа-

лась. В лабораторию зашли отлучившиеся на перекур кибернетик, химик и ксенозоолог, и поговорить толком позже наедине не удалось.

На следующий день Лекс уже не мог спокойно смотреть на свою помощницу. Когда и как он успел насолить ей, что она отвергла его робкую попытку ухаживаний? Его ум, взращенный наукой, принялся искать проблему, строить гипотезы и искать методы их подтверждения или опровержения. И для начала эпигенетик решил пойти проверенным веками путем – купил букет роз, обитую красным бархатом коробочку с недвусмысленным содержимым, оделся поприличнее, узнал, что будет идти вечером в Большом, и позвал Михаила. Поговорить.

Сама же Саша не могла точно сказать, что ее побудило отказать. Она полночи потом не спала, все корила себя за дурость и глупость, сама же за Санниковым хвостиком ходит, каждое слово ловит, на любое шевеление кофе приносит, а тут... К утру сообразила – она не хочет ничего подсказывать. Пусть он инициативу проявляет, а то, получается, она как минога к киту к нему прицепилась и навязывается. Может, она ему ни капельки и не нравится. С утра Саша, с раздражением осмотрев себя в зеркале, решила, что нет в ней ничего такого выдающегося. Нос картошкой, родинка эта глупая, куцый мышинный хвостик волос. Тьфу.

Пока Саша не пришла на работу, Лекс решил обсудить со штатным гением перспективы.

– Тайвин, я предлагаю вам сделку. – Лекс волновался, но виду старался не показывать, спрятав беспокойство за деловитой суетливостью.

– Какого рода? – посмотрел на него поверх очков штатный гений.

– Я отдам вам своих химика, кибернетика и ксенозоолога.

– Взамен?

– Александры.

– А куда вы ее пристраивать будете? Она же биомиметрик и квантовый биолог, в новом мире нужна будет, зачем вам здесь...

– Пристраивать я ее буду к себе за спину. Вы еще молоды... Не спорьте! Мы же договорились о прямоте, так? – Лекс упреждающе махнул рукой, глядя, как мгновенно закрылся и ощерился шипастой броней юный талант, и продолжил: – Вы действительно до неприличия молоды и только теперь начинаете понимать, что настоящая наука прячется не за одиночками, а за сверхаддитивностью, превращающей их в коллектив. Неужели за эти пару месяцев мы вместе не достигли прогресса, коего вы один добивались бы в разы дольше? Саша – талантливый биомиметрик и биолог, но и не менее талантливый администратор, и мне такого специалиста жуть как недоставало. Как и вам. Что лучше – хороший биомиметрик на Шестом или крепкая база для поставки специалистов здесь? Так что если вы согласны...

– Я никого насильно не держу. Пока. – Тайвин отложил

в сторону микропаяльник и планшет с расчетами и, как показалось Лексу, с некоторой иронией пояснил: – Договор на долгосрочное сотрудничество с подпиской о неразглашении будет оформляться за месяц до экспедиции, то есть... сколько там осталось... через три дня. Так что пока кадровые перестановки еще допустимы. Не знаю, чем обязан такой щедрости, в зачаточные административные таланты Александры я в общих чертах мог бы поверить, но нет необходимости. Так что мой принцип вы знаете. Максимальная открытость. Сможете все стороны убедить – я препятствий чинить не буду.

– Огромное вам человеческое спасибо! – обрадовался Санников. – А почему вы считаете, что Саша не сможет сплотить наших земных лоботрясов?

– Я полагаю, для управленческой должности нужны воля, выдержка, контроль над эмоциями и решениями, а у нее, как у любой женщины, жалость на первом месте, бессознательное на втором, а все, что я перечислил – в конце списка, – отчеканил штатный гений.

– Вы мне сейчас одного знакомого профессора с кафедры нормальной анатомии напомнили, – хмыкнул Лекс. – У него любимой присказкой на каждой лекции было: «А теперь посмотрим, чем женщина отличается от человека».

– Примерно так, – кивнул Тайвин, и Лекс так и не понял, он присоединился к шутке или согласился с ней на полном серьезе.

Пару часов спустя, когда штатный гений практически выкинул из головы иллюзорную договоренность, предварительно со вздохом легкой досады прикинув, насколько выгодной для Программы и для него лично она могла бы быть, его внимание привлекла странная тишина в лаборатории.

Он вышел из своего кабинета и застал потрясающую по степени неуместности сцену: Санников в центре лаборатории, на одном колене, за спиной у него – улыбающиеся до ушей Нил, Кевин и Михаил, обещанные ему квантовый химик-аналитик, ксенозоолог и физик-нанокибернетик, все с цветами в руках. Перед теплой компанией стояла, не зная куда себя девать, зардевшаяся Саша.

– Александра! – торжественным тоном и подрагивающим голосом вещал эпигенетик. – Станьте моей надеждой, опорой и второй половиной в работе, сердце и жизни!

В мгновение ока один из оруженосцев подал Александру в правую руку красную бархатную коробочку, а второй – развернул перед онемевшей Сашей голограмму соглашения на ее переход под крылышко к Лексу. Или, лучше сказать, за спину?

А ведь Лекс предупреждал, сообразил штатный гений, глядя на разворачивающуюся картину, улыбки, Сашины слезы счастья и гром аплодисментов будущей новой ячейке общества. Гений глубоко вздохнул и покачал головой, едва не закатив глаза – все-таки не место женщинам в науке. Вот и пусть теперь Санников... нет, Лекс, со своей новоявленной

«опорой» локти себе кусает без троих, вне всякого сомнения, перспективных дарований. А у Тайвина теперь появились новые сотрудники и куча работы впереди – через месяц надо будет лететь на другой конец Галактики.

0. Поехали!

Тайвина не было уже несколько месяцев, и Лекс отчаянно скучал по его едкой невозмутимости, по мозговым штурмам с Нилом, Кевином, Михаилом и Сашей, по вечным цейтнотам и многозадачности. Он не без помощи Аннушки и при полной поддержке со стороны Саши умудрился набрать новый штат естественнонаучного направления Программы и периодически задорно ругался с мшистыми академическими пеньками, не желавшими молодых и талантливых от себя отпускать. Им, дескать, еще ума-разума набираться, учиться правильно с наукой обращаться, а не по всяким сомнительным Программам прыгать. Но неугомонный Лекс проявлял такой уровень пассионарности, что окружающая среда буквально плавилась от его неумного энтузиазма, и поневоле такому напору приходилось уступать.

Тринадцать крупнейших вузов, пять частных организаций и шесть научных центров, куда он когда-то разослал письма с предложением себя в своей эпигенетической профессиональной ипостаси, его робкие чаяния трехлетней с вагончиком давности волшебным образом обнаружили и усиленно старались перебить его интерес обещанием поднебесных гонораров, ресурсов и кадров, но Всемирная ассоциация наук радостно показывала всем фигу, а сердце Лекса напроць поделилось между Сашей, Тайвином, набранной

ими в самом начале командой и удивительным кремнийорганическим миром, нагло поправшим своей невозможностью все основы физики и биологии.

Больше Лекс сидеть на Земле уже не мог. В течение следующего года он постоянно мотался туда-сюда, разрываясь между новой экзопланетой, обязанностями координатора естественнонаучного направления изучения Шестого и женой. Пока, наконец, она сама не дала эпигенетику пинка.

Придя домой однажды, он обнаружил собранный чемодан, билет на внутригалактический перелет и журналистов под окном, извещенных о том, что координатор от Всемирной ассоциации наук отбывает на Шестой самолично на постоянное место жительства. Он с недоумением поднял взгляд на Сашу, а та с ехидной ухмылкой констатировала:

– Саша Сашу выгоняет. Саша, прием, говорит Саша! Саша подождет, пока Саша обустроится, и сама к нему приедет. С руководством договорено. Как понял?

Лекс просиял, молча сгреб жену в охапку и уволок в спальню. Спустя полчаса оба спохватились: время поджигало. И Лекс, быстро приведя себя в порядок, подхватил чемодан и наскоро прокомментировал отъезд и вопрос о том, не страшно ли ему лететь к черту на кулички через половину Млечного Пути, озорно подмигнув журналистам:

– Все просто. Я поделюсь с вами своим жизненным девизом. Готовы? Итак... Интуиция, мотивация и авось! Положитесь на интуицию, добавьте мотивации половник с гор-

кой, чтоб на все случаи жизни хватило, и возьмите крепкий здоровый авось. Тогда и бояться будет совершенно нечего.

Но в шаттле его энтузиазм резко поубавился. Правильно ли он все делает? А как же Саша без него, пусть и ненадолго? Впереди, конечно, Тайвин с их общими лаборантами, защитный купол, на который они извели столько сил, нервов и времени, Корпус первопроходцев – какая-то жутко новая и интересная структура от правительства, не ученые, не военные, тоже энтузиасты до мозга костей, как и он сам. А еще впереди целая новая жизнь. Он начинал волноваться, бояться и очень расстраиваться от разлуки с Сашей. Может, потому ее голос сейчас и померещился?

– Александр Николаевич!

Эпигенетик вздрогнул, не открывая глаз.

– Не делай вид, что спишь, до вылета еще полчаса.

– Ты...

– А ты думал, я тебя одного отпущу? – Саша с размаху приземлилась на соседнее, доселе пустовавшее сиденье. За грудь и талию ее мягко обняли ремни полетной фиксации, она вздохнула, вцепилась в подлокотники и повернула голову к Лексу. – Солнце мое, мне без тебя ни одна звезда светить не будет, так что давай на ту, новую, вместе смотреть.

Теперь жизнь окончательно приобрела естественный баланс, и эпигенетик, едва дотянувшись до Сашкиного носа, поцеловал ее в самый его кончик и растроганно улыбнулся, недоумевая, почему он раньше этого ей ни разу не говорил.

– Для тебя – просто Лекс.

Егор Куликов.

«Коробка для совести»

«История – это фонарь из прошлого, который светит в будущее. А я тот, кто может его погасить».

Неизвестный цензор

Прохожие, увидев эту сцену, обязательно бы позвонили в полицию. Но ночь была темна. А улицы были безлюдны.

Огибая светлые участки и прижимаясь к стене высотного дома, по тротуару шла женщина. Она часто крутила головой, словно кого-то высматривала. Несколько раз порывалась поднять с плеч на голову тонкий платок, но вовремя вспоминала о пышной прическе и только как бы трогала... проверяла. На месте ли.

Послышался тарахтящий звук дизельного двигателя. Спустя несколько секунд на мокрый асфальт лег желтый свет фар и, наконец, из-за угла показался нос автомобиля.

Женщина, завидев машину, тут же уткнулась лицом в стену.

Автомобиль со скоростью пешехода прокрался вдоль дома и, поравнявшись, замер.

Около минуты машина урчала двигателем.

Дверь открылась.

Вылез человек в балаклаве. Молча подошел к женщине и надел ей на голову мешок.

Она не сопротивлялась и не кричала. Казалось, она больше переживает за испорченную прическу, нежели за то, что ей приходится мириться с мешком на голове и садиться в машину к неизвестным людям.

Что касается похитителей, то и они совсем на таких не походили.

Женька поправил маску и взял женщину за руку:

– Елена Александровна, не ударьтесь, – сказал он и учтиво усадил ее на заднее сидение. Сам сел рядом. Снял ненавистную маску и кивнул водителю.

Водитель с не меньшим остервенением сорвал маску и с удовольствием нацепил очки в толстой оправе. Как смог, пригладил лохматую голову и надавил на газ.

– Сколько нам до места? – спросил Женька.

– Минут пятнадцать, – не оборачиваясь, ответил Олег.

Женька отлично знал, сколько им ехать. Не первый раз уже... но еще он знал, что подобные вопросы успокаивают клиентов. Дают хоть небольшое понимание ситуации.

Он взял холодную, как рыба, руку женщины и спросил:

– Елена Александровна, вы знаете, почему мы вынуждены использовать мешок?

– Да, – ответила она.

И в этом коротком слове, сквозь слои плотной ткани Женька слышал страх. Это и неудивительно, учитывая, что

на голове мешок, перед глазами тьма, а впереди неизвестность.

– Вы, главное, не переживайте, – успокаивал Женька, – мы не первый раз это делаем. Все будет хорошо. Скоро для вас все закончится.

Павел Иевлев

Пока машина петляла по городским улицам и с упорностью крысы в лабиринте, искала выход на шоссе, Женька не

переставал комментировать происходящее за окном. Он отлично знал, что это располагает клиентов.

– Вот мы уже и приехали. Первый! – обратился он к Олегу. – Пока мы с Еленой Александровной будем готовиться, загони машину и настрой аппаратуру.

– Есть! – по-военному отозвался Олег и шутливо приставил руку к голове.

– Сейчас будет лестница. – Предупредил Женька. – Всего семь ступенек.

Спустились в пыльное полуподвальное помещение.

Щелкнул выключатель. Ожившие лампы сверкнули раз... два... и окончательно зажглись холодным светом, наполнив помещение легким треском.

Женька усадил Елену Александровну в кожаное кресло.

– Сейчас я вам дам повязку для сна. Как только вы ее наденете, то можно будет снять мешок.

– Да, хорошо.

– Вот и славно, – сказал Женька.

Вернулся Олег. Сонным взглядом поверх очков оглядел помещение и плюхнулся в скрипучее кресло.

– Первый, сколько у нас времени?

– Минут пять-семь, – позевывая, ответил Олег.

– Отлично.

Женька подвинул стул и сел напротив Елены Александровны.

– Сейчас я дам вам таблетку. Это поможет нам быстрее

закончить дело и немного нас обезопасит. А еще это отличное снотворное. Так что совсем скоро вы крепко-крепко заснете.

– Да, мне сын и об этом говорил.

– Какой он у вас молодец. Обо всем предупредил. Вот, держите.

Он вложил в дрожащую руку таблетку и в спешке начал искать воду. Под руку попалась банка. Вроде бы чистая. Несколько раз дунул и налил из чайника.

– Вы молодец, Елена Александровна. А теперь, пока у нас есть немного времени, я расскажу вам теорию. Вам будет понятнее... заодно и время скоротаем, пока все настроится. Или об этом вам тоже сынишка рассказывал?

– Он пытался, – насильно улыбнулась Елена Александровна, – но я ничего не поняла.

– У меня огромный опыт в этом деле. Сейчас я все объясню. – Женька перевернул стул спинкой вперед и оседлал его. – Для того, чтобы что-то окончательно забыть, вам надо или как следует напиться или обратиться к нам. Так как вы трезвы, то вы сделали правильный выбор. А теперь серьезно. Для того, чтобы мы помогли вам забыть, нам необходимо найти именно тот случай, с которым вы хотите расстаться. Он хранится в отделе долговременной памяти. К примеру, если мы сейчас вас подключим, то я не смогу там найти ни себя, ни весь ваш сегодняшний день. Пока вы не легли спать, мозг все предпочитает держать у себя под рукой. Но

то, что вы хотите забыть, уже глубоко засело в вашем сознании. Ведь так?

– Так, – ответила Елена Александровна и кивнула.

– И что же это? От чего вы хотите избавиться? – серьезным тоном спросил Женька.

– Есть один случай, – неуверенно начала Елена Александровна. – Это было давно. Еще до изобретения всех этих штук...мне было четырнадцать лет и мы с мамой каждое лето ездили к бабушке в деревню. Там это и случилось. Я до сих пор помню его колючую щетину. И перегар прямо в лицо. И его жесткое тело. Он схватил меня сзади. Приставил нож к горлу и сказал, чтобы я заткнулась. Потом уволок с дороги в бурьян и... Его, конечно, поймали и посадили, но мне от этого легче не стало. Он почти каждую ночь возвращается. И я снова и снова проживаю этот страх и боль... В общем, я боюсь засыпать, зная, что он вернется. Это настоящий ад...

Женька выдержал паузу.

– Стоит полагать, у психологов вы уже были?

– Была! – с чувством выдавила Елена Александровна. – У психологов, у гипнотизеров, у гадалок. Даже у психиатра была. Выписал мне тонну лекарств. Ничего не помогло. Вот, сын вас нашел. Я долго сопротивлялась, но он уговорил. Он умеет уговаривать.

– Тогда вы ему за это еще благодарны будете, – сказал Женька. – Мы обязательно вам поможем. Правда?

– Правда-правда, – поддакнул Олег и кивнул. – Готово.

– Елена Александровна, сейчас не пугайтесь, я к вам прикоснусь. А после надвину на голову скафандр. Так мы называем эту штуку. Вы должны помнить, раньше в парикмахерских стояли такие, чтобы голову сушить.

Елена Александровна улыбнулась.

– Помню-помню... мама ими пользовалась. Сушуар называется.

– Ого! Спасибо за сведения. Не знал. Значит, сейчас я на вас надену сушуар.

Женька надвинул Елене Александровне на голову полусферу. Поправил глазную повязку и уселся за соседний с Олегом монитор.

Павел Иевлев

– Что ж, Елена Александровна, давайте приступим. Мне надо, чтобы вы вспомнили тот момент. Вспомнили так, как

никогда не вспоминали. Понимаю, это нелегко. Однако, обещаю, что это будет последний раз. Погрузитесь туда с головой, вернитесь в прошлое, отковыряйте в памяти самые мелкие детали. Будьте там. От того, как вы будете вспоминать, зависит наша работа и время, которое нам понадобится. Дело в том, – сказал Женька и откатился на стуле к соседнему компьютеру. – Эта штука работает на удивление просто. Просто, как и все гениальное. У каждого человека есть память. Если вы первый раз пробуете яблоко, мозг сохраняет эту информацию навсегда. Любое действие мозг сохраняет навсегда, надо лишь хорошо поискать в его закоулках. Но не в этом суть... потом же, когда вы будете есть яблоко, мозг будет поднимать архив и всегда сравнивать ваши нынешние впечатления с теми, самыми первыми восприятиями. Примерно так же происходит и с любым действием. От каждого поступка или воспоминания мозг получает коктейль эмоций. И каждый коктейль – это универсальная и не повторяющаяся смесь. Наше дело – найти первоисточник. Понимаете ли, когда у вас произошел тот случай, мозг законсервировал информацию и теперь, каждый раз, когда вы вспоминаете или хотя бы упоминаете краем слова, мозг вынужден возвращаться к первоисточнику. Найдя место хранения, мы удаляем его. Стираем начисто! А без первоисточника, как вы понимаете, нет и всех дальнейших воспоминаний. Вы не помните не только этого случая, но и всех тех моментов, где когда-либо говорили об этом, думали или вспоминали.

Мы просто разрываем эту цепочку. А теперь, Елена Александровна, – Женька даже выдохнул от столь долгого монолога, – Я вынужден задать вопрос, который задаю всем, без исключения. Конечно, мне бы следовало задать его раньше, ну да ладно. Вы согласны удалить это воспоминание? Хочу заметить, что оно не подлежит восстановлению. Согласны?

– Да, – без раздумий ответила Елена Александровна и глубоко вздохнула.

– В таком случае, приступим. После того, как мы все сделаем, вы будете чувствовать некоторую пустоту. Это нормально. Советую вам попить успокоительные. Этот период длится не больше месяца, потом все возвращается на старое место, не считая того, что вы уже не помните одного момента из своей жизни.

– Да, я понимаю.

– Елена Александровна, как можно четче, как можно лучше. Вспомните.

– Я постараюсь. – Она еще раз тяжело вздохнула и начала, – Он схватил меня за горло...

– ...без слов, – перебил Женька. – Сейчас без слов. Только в вашей голове.

– Хорошо.

– Тогда поехали.

Компьютеры загудели. Полусфера на голове Елены Александровны моргнула и процесс поиска нужного воспоминания в бескрайних лабиринтах памяти начался.

Женька нажал на запись. Подкатился к столу и уставился в монитор. Он прекрасно знал, что негласный кодекс цензоров запрещает смотреть и уж тем более сохранять чужие воспоминания. Но проще пойти против кодекса, чем бороться с собственным любопытством.

Что-то черное и мутное плавало по монитору. Спустя десять секунд обрисовалось в чистое небо с дырками звезд. Потом все завертелось. Окна домов, ветки, бурьян.

Сцена изнасилования обрушилась прямиком из прошлого.

Все, как рассказывала Елена Александровна.

Он схватил ее за горло. Отволок в кусты и там, вдалеке от дороги и домов, сделал свое грязное дело. Его натуженное дыхание вырывалось через динамики наушников. Он несколько минут отлежался. Встал и рявкнул плачущей девочке:

– Заткнись и лежи тихо! А то нож в тебя всажу вместо него, – сказал он и схватил себя за пах.

А девочка уткнулась в траву и всхлипывала.

Послышались удаляющиеся шаги и тишина, которую изредка нарушал собачий лай, треск насекомых и астматическое дыхание маленькой Елены Александровны.

* * *

Еще в дороге Женька заметил, что Олег ведет себя не как

обычно. Обычно он отключается, как только отъедут от светильника. Роняет голову на грудь или утыкается в стекло и спит, пока не приедут.

В этот раз Олег не сомкнул глаз. Протирал очки. Разглаживал волосы и, словно бы нарочно, делал музыку громче.

Они приехали к Женьке на квартиру. Поднялись.

Женька разделил две пачки банкнот пополам и протянул.

Олег стеснительно взял и спрятал глубоко в карман.

– Чай будешь? – спросил Женька, предоставляя еще один шанс на «высказаться».

– Кофе.

– Сделаем, – спокойно сказал Женька и побрел на кухню.

Олег разулся и долго не знал, куда приткнуть мятые туфли. Слишком они выбиваются на сверкающем мраморе. И в обувницу их не спрячешь. Еще испачкают.

– Ты чего там?

– Иду! – крикнул Олег и выставил туфли в линейку, пряча в тени.

– Сахар?

– Одну.

Олег принял горячую чашку. Обжегшись, поставил на стол, подул на руки и, потирая ладони, как бы невзначай спросил:

– Тебя это не тревожит?

– Что именно? – спокойно спросил Женька.

– Ну... то что эта, Елена Петровна...

– ...Александровна.

– Да, Александровна, – поправился Олег. – Не тревожит, что она про нас знает?

– В смысле, про нас?

– Ну... когда мы ее посадили, она уже как будто была на этой процедуре. Это тебя не тревожит?

– А должно? – тем же холодным голосом спросил Женька.

– Вообще-то да, – серьезней продолжил Олег и посмотрел на друга. – Про нашу, так сказать, деятельность знает уже слишком много людей. И за нас скоро по-настоящему возьмутся. Не так, как сейчас, спустя рукава. А по-настоящему.

– Эх, Олег, Олег... – пренебрежительно сказал Женька, покачивая головой. – Вот сколько я работаю цензором, столько и слышу про это. Еще до тебя, когда я с Вадимом работал, он мне тоже самое говорил. Пойми ты, наконец, пока люди нуждаются, чтобы им подтерли воспоминания, цензорам работа всегда найдется.

– Да, но...

– Проституция и наркотики тоже запрещены и что? Нет их?

Олег отвернулся.

– Я тебе прямо сейчас, не вставая, вызову и одно, и другое. Сами приедут.

– Я понимаю... – мягко сопротивлялся Олег.

– А еще! – прервал Женька. – Недавно новость слышал. Какой-то там международный суд опять запретил исполь-

зование светильников. Как частникам, так и всем государствам. Все подняли руки, одобрили. Подписали что-то там и разошлись. А я уверен, что на службе каждого государства есть светильники. Ты лучше меня это знаешь.

– Да, я знаю, – виновато начал Олег. – Просто страшно в тени быть. Где-то проколемся и все... срок и лишение имущества. А мне никак нельзя.

– Как будто мне можно, – улыбнулся Женька. – Мне, знаешь ли, тоже не хочется прощаться со всем этим, – он развел руками, показывая богатую отделку кухни, метражом больше, чем половина квартиры Олега. – Если бы я не знал этот рынок, я бы не проработал цензором почти десять лет.

– Хомут вон, тоже десять лет работал и что?

– Это другое! – оборвал Женька. – Хомут был дурак. Он за деньгами повелся и начал светить всех направо и налево. Человек две недели как из тюрьмы вышел, а Хомут твой взял и просветил его. А он пошел и сразу кокнул кого-то. На том Хомут и попался. Мы не такие. Мы чтим кодекс цензоров.

– Чтим? – Улыбнулся Олег и подозрительно поднял на Женьку глаза.

– Может, и не во всех местах, но в основном чтим и это главное. Так что не бойся... все у нас еще будет. Лучше скажи, как там, твой? – Женька взял стакан, потряс невидимые льдинки и сделал глоток жгучего виски.

– Так себе... – нехотя ответил Олег. – Вчера Ваньку из больницы забрали. Юлька на нервах из-за этого... Короче,

как обычно.

– Хуже?

– Хуже. – С нажимом сказал Олег. – Больницы эти... все сжирают. Есть одна хорошая, куда я хочу его пристроить, но там... Ай, ладно, – махнул он рукой.

– Много надо? – домыслил Женька.

– Ну... с моей зарплатой лет пятьдесят копить.

– А с подработкой? – хитро улыбнулся Женька.

– Лет на сорок девять меньше.

– Другое дело! – взбодрился он. – Буду искать больше клиентов. Если что, и сам помогу, чем смогу.

– Обидно получается, – продолжал Олег, не слыша друга. – Наука вон как вперед шагнула. Обливионы эти изобрели. В человеческой памяти копаемся, как в кармане, а чтоб пацана на ноги поставить – надо полмира продать. Он же за десять лет жизни нормальной не видел. Из одной больницы в другую.

– Вылечим! Выкрутимся! Ты у нас вон, какой башковитый... – Женька положил руку на плечо Олега. Сжал. – Светильник у себя на коленках собрать. Такое не каждому дано. Обязательно вылечим! А давай я тебе тоже плескану чутка. Как ты на это смотришь? М-м?

Олег сопротивлялся недолго.

– Умеешь ты уговаривать! Давай.

– За такси я заплачу. За это не парься.

С бутылками и наскоро разогретой едой переместились в

гостиную.

– Слушай, если ты так боишься, что нас схватят. Давай я тебя просвечу! – спустя пару стаканов, сказал повеселевший Женька.

– Перефразируя слова Бендера, – занудно начал Олег. – Мне моя память дорога, как память. Так что не смей к ней прикасаться. Ведь... – Он отпил. Поморщился. – Ты мне льда что ли забыл добавить? – раскрыв как рыба рот, спросил Олег. – Хотя не... что-то там бьется по стакану. О чем я? Ах, да... Удаляя память, мы лишаемся опыта. Такими темпами не жизнь, а какое-то аморфное существования будет. Я вообще не понимаю, как люди на такое решаются.

– Не нам их судить.

– Я их не сужу. – Бодро вставил Олег. – У каждого своя жизнь. И каждый ей распоряжается как хочет.

Время валилось к утру. Коллеги цензоры развалились на мягком вельветовом диване. Закинули ноги на журнальный столик.

Уставшие, они вяло ворочали языками. Как бы из полу-сна.

– Я все равно уйду из этого бизнеса. – Решительно сказал Олег, откинув голову на спинку дивана. – Вот наскребу, чтоб Ваньку вылечить и уйду. Деньги ведь не главное в жизни? Так? И я о том же... Мне по сути большего и не надо. Да, зарплата пока что не очень, но это поправимо. Это впереди.

– К конкурентам пойдешь?

– Не-е... зачем к ним. Я у себя аккуратненько грызу гранит науки. Знакомства нужные завожу. Глядишь, лет через пять-десять доберусь до нашего секретного отдела обливных. Говорят, там такие бабки платят у-у-уу...

– Только что сказал, что деньги не главное. – Засмеялся Женька, уличив друга.

– Не главное. Как говорится, богатые тоже плачут...

– ...но намного реже, – вклинился Женька.

– Да ну тебя... все шутишь. Ну, шути-шути... а я буду и дальше гранит грызть. Вот придумаю что-нибудь дельное. Заявлюсь в тот отдел и как дам пачкой бумаги по столу. На-те, мол... держите и не передеритесь. Заберут меня туда с руками и ногами.

– А голову как ненужный элемент оставят. – Не унимался Женька.

Олег только осуждающе посмотрел.

– Ладно-ладно, – замахал руками Женька. – Я вообще-то тоже не планирую всю жизнь в цензорах ходить. Скопил я вроде бы достаточно. Состарюсь, уйду на покой и открою какой-нибудь бизнес маленький. Главное, чтоб он спокойный был. Без всякой нервотрепки. Хватит с меня уже.

– Это да... молодец. Одобряю. – Олег поерзал на диване. Уткнулся в угол. – Не понимаю, как ты можешь жить один. Скучотища ведь жуткая... я бы точно без семьи спился. Семья у человека должна быть на первом месте.

– А у тебя?

– Разумеется на первом. А на втором, знаешь, что?

– Деньги? – вяло предположил Женька и лениво ухмыльнулся.

– Опять ты за свое. На втором месте у меня наука. – Гордо заявил Олег. – Для меня она, как кислород. Оторви меня от познания и я задохнусь. Или того хуже, в петлю залезу. Я, честно говоря, не очень понимаю этот мир. В смысле людей в нем. Здесь столько всего интересного, непознанного, неисследованного. А большинство живут так, как будто уже все изучили. Плевать им на открытие в биологии, физике, химии, медицине. А астрономия, это же вообще голову сносит. Стоит только задуматься, какие там расстояния. Какие просторы. Звезды, больше чем вся наша солнечная система. Это ведь такие масштабы. Даже я представить себе этого не могу. А ты все только о своих денежках думаешь. Да, они важны и нужны. Я не спорю. С ними оно как-то и живется легче. Но нельзя же всего себя им отдавать. Вот что для тебя еще важно, если не брать деньги? А-а... молчишь? То-то же... стыдно, наверное, самому себе признаться, что должны быть и другие интересы. А вот мне... – Олег бы еще долго развивал эту тему, если бы не крутой храп. Будто накрахмаленную простыню рвут над самым ухом.

Уронив голову на грудь, Женька спал.

Олег не стал будить. Только вынул стакан из руки. Подбил подушку. Повалил обмякшее тело на бок и накрыл пледом.

– За такси он заплатит, – улыбнулся он на выходе.

Женька редко бывал у Олега дома. Раза два, не больше. И все эти два раза стоял в дверях, не проходя вглубь квартиры. В этот раз он вынужден был снять обувь и прислониться к стенке, дожидаясь, пока Олег соберет Ваньку.

– Не забывай, что у нас сегодня еще работа, – кивнул Женька, указывая на часы.

– Помню! – отмахнулся Олег, пробегая мимо.

Из комнаты послышался то ли плач ребенка, то ли мартовский возглас кота.

– Не балуйся! – строго, но все же ласково прикрикнул Олег. – Давай, просовывай ручку. Давай-давай... вот, молодец. Сейчас оденемся и поедем с дядей Женей к маме. И бабушку сегодня увидишь. А теперь ножку. Давай...

Женька подпирал стенку. Смотрел на свою обувь и не понимал, зачем разулся. Ради приличия что ли?

От скуки начал рассматривать квартиру. Ничего выдающегося. Обычная квартира обычной семьи. Зашарканый паркет, выложенный простым треугольным узором. Вешалка, переполненная зимними вещами. Да и обувница, судя по всему, не вмещает всех пар кроссовок, туфель, тапок и сапог.

Он так увлекся ветвистыми трещинками на стене, что не сразу заметил, как в коридор выкатилось инвалидное кресло.

– Поздоровайся с дядей Женей.

Короткими рывками Ваня поднял голову. Посмотрел на Женьку скосившимися глазами, спрятанными за оградой красных круглых очков.

– ...асте... – не сказал, а скорее выдавил из себя Ваня.

– Привет, – сказал Женька и улыбнулся. Он попеременно смотрел то на Ваньку с его утопленной нижней челюстью и большими сухими зубами, то на Олега, стоящего за креслом.

Олег кашлянул. Привлек внимание и начал усердно указывать глазами куда-то вниз.

Женька оглядел дрожащего Ваню. Оглядел себя. Вернул взгляд на Олега, который уже настойчиво тыкал подбородком и беззвучно шептал.

– ...асте... – повторил Ваня.

И Женька, к своему стыду, только сейчас заметил протянутую, как для поцелуя, руку.

– Здорова, малой, – ухватился он. – Как твои дела? Вырос ты, конечно, знатно! Богатырь! Руку сжимаешь, как клещи. Это же надо! – скрывая свой стыд и глупый страх Женька нарочно говорил много и громко.

Он чувствовал себя странно. Знал, что у Вани проблемы со здоровьем и какая-то там тяжелая стадия ДЦП. Даже видел фотографии этого забавного большелобого мальчика с выступающими зубами. Но когда встретился с ним взглядом, по-настоящему ощутил свою беспомощность. Беспомощность и страх. словно рядом с ним не человек, а другое существо.

Павел Иевлев

Он и руку жал нехотя. Боязливо. Так и хотелось поскорее

отпустить этот кусочек холодной дрожащей плоти.

– Хватит лобзаться. Поехали.

– Да... сейчас.

Женька суетливо обулся. Обронил пару курток. Ваня пискливо хихикнул.

– А как вы?.. – спросил Женька, когда они вышли на лестничную клетку.

– А вот так, – спокойно сказал Олег и закрыл дверь. Он склонился к Ване. – Как папа тебя учил? Цепляйся. Крепко-крепко. Вот, молодец. Бери коляску и пошли. – Бросил он Женьке.

В машину погрузились быстро. Олег показал, как складывается кресло. Женька недовольно фыркнул:

– Ты раньше не мог этого сделать? Я с пятого этажа с этой бандурой по лестнице полз.

– Зато ощутил, как оно, – назидательно сказал Олег.

Ехали медленно. Женьке казалось, что скорость и крутые повороты непременно плохо отразятся на Ваньке. Олег сидел на заднем сидении, поддерживал сына и всю дорогу комментировал происходящее за окном.

– Смотри, какая яркая машина...

Ваня обязательно дублировал последнее слово и пытался ткнуть дрожащим пальцем.

– ...шииина. – протягивал он.

– Ого, какой экскаватор...

– ...аааатор. – повторял Ваня.

– Слышишь? Пожарка едет. Сейчас нас будет обгонять.

И Ваня заламывал голову, пытаясь увидеть ревущий красный грузовик.

– Подъезжаем, – прервал Женька незамысловатую беседу.

– Надо в аптеку заскочить. Припаркуйся возле сквера. Я быстро. Вы пока на лавке подождите.

– На какой лавке?

– На любой. – Бросил Олег и выскочил из машины.

Женька обернулся к Ване.

– Ну что малой... давай выбираться отсюда. А то спаримся.

Он умело разложил кресло. Подкатил к задней двери. Отстегнул ремень.

– Как там тебе папа говорит? Цепляйся за меня. Крепко-крепко.

Женька пытался скопировать интонацию нежности. Слышал что фальшивит, но остановиться не мог.

– А теперь, давай уйдем с солнышка. Яркое солнышко. Яркое. – Зачем-то повторял он, укатывая Ваню в тень деревьев. – А тут и вправду лучше. Слышишь, птички поют.

– ...оют.

Спустя несколько минут глупого созерцания сквера, Женька не выдержал.

– Нравится тебе тут?

– ...аица. – повторил Ваня.

– А что тебе нравится?

Женька сел на лавку и подкатил кресло напротив себя.

– Мне нравится, что тут зелено. Слышишь? Интересно получается, что посреди города есть такой зеленый уголок, где можно услышать птиц. А что тебе нравится?

Неваляшкой, голова Вани поднялась к небу:

– ...онце! – воскликнул он.

– Солнце? – поддержал Женька

– Да. – Довольно четко произнес Ванька.

– А хочешь, я тебе фокус покажу? – и, не дожидаясь ответа, Женька засучил рукава. Достал монетку и нарочно покрутил перед Ванькой. – Это простая монетка. На вот, поддержи...

Ваня протянул дрожащую руку. Убедился в твердости металла и вернул.

– Теперь я кладу ее сюда... Смотри внимательно, – Женька положил монетку на ладонь. Вторую руку отвел в сторону. – Давай, загибай мне пальцы.

Он почувствовал холодное прикосновение ребенка. И снова этот глупый страх подкатил к горлу. Женька пересилил себя.

– Вот, молодец. А теперь дунь три раза. Итак, я открываю руку...

Ванька до последнего надеялся, что монетка в кулаке. Когда перед ним оказалась пустая ладонь, он начал сильно крутить трясущейся головой, будто бы монетка упорхнула на лавочку, прилипла к дереву или оказалась далеко на дороге.

– Где? – продолжая трясти головой, спросил Ваня.

– Вот же она.

Женька завел открытую ладонь за ухо Вани, а вернул уже с монеткой между большим и указательным пальцами.

На мгновение Женьке показалось, что с Ваней случился припадок. Он так запрыгал на кресле, и так заголосил. Взвизгнул и быстро затараторил, как обычно усекая слова до последних слогов. Женька не смог разобрать этого языка, но он отлично уловил язык тела.

Ваня радовался.

– ...ще! ...ще!

– Нет, друг мой, – серьезно сказал Женка. – Фокус два раза не показывают. Мы сделаем кое-что получше. Хочешь, я тебя научу?

Ванька кивнул. А потом кивнул еще раз. И еще. Видимо для надежности.

– Секунду. Для этого фокуса нужен дополнительный инвентарь, – сказал Женька и сбегал в машину.

Вернувшись, он расстегнул у Вани рукав. Привязал изнутри резинку. Затем срезал пуговицу со своей рубашки.

– Готово. Возьми пуговку этими пальцами, – дрожащие пальцы мальчика цепко схватили крохотную пуговичку. – Теперь покажи мне ее. И второй рукой убери ее в кулачок. Вот, молодец. Теперь отпусти пуговицу. И все... открывай кулачок. Так-с, – почесывая затылок, сказал Женька, – что-то наша конструкция не работает.

Он снова расстегнул рукав, укоротил резинку. В этот раз фокус сработал. Ваня не верил своим глазам. Только что пуговица была в кулаке и тут раз... она уже в рукаве. А в кулаке пустота.

Они проделали этот фокус раз двадцать.

Когда вернулся Олег, Ваня тут же показал его папе. Только что пуговка была между пальцев и в одночасье она испарилась. Олег искренне удивился.

– Ты чему моего сына учишь, шарлатан? – улыбался он – Пойдем Ваня, маме фокус покажем. Попрошайся с дядей Женей.

– ...ака! – выдавил Ваня.

– Дай краба, как мужик! – Женька пожал руку ребенка. – В следующий раз научу тебя, как карты отгадывать. Договорились?

– Ага.

– Давай, малой.

Олег покатил перед собой кресло. Женька, сидя на лавочке, видел, как Ваня, свесив дрожащую голову через край подлокотника, улыбался и махал ему.

Олег вернулся как раз, когда зажглись фонари и темнота, словно испугавшись, затаилась в сквере, среди деревьев и пустых лавочек.

– Поехали! – радостно сказал он и занял кресло водителя.

– Ты чего это, светишься весь?

– Есть одна новость, – интригуяюще сказал Олег.

– И?..

– Я почему тебя вызвал-то? Юлька в больнице была. В общем, скоро в нашей семье будет пополнение.

– Да ладно!?

– Уверенно приближаюсь к статусу многодетного отца. – Сиял Олег.

– Поздравляю! Молодцы! Как вы так?.. Эх, реально порадовал. Известно, кто?

– Девочка, – расплылся в улыбке Олег. – Все анализы в норме. Так что... осталось только ждать.

– Во даете, – не унимался Женька. – Молодцы! Надо бы мне тоже что ли о семье задуматься.

– А я тебе давно говорил. Семья это вечные проблемы. Но, какие-то приятные проблемы, что ли...

– Может, ты и прав. Сегодня обязательно поедem ко мне и выпьем, – заявил Женька. – Отказы не принимаются. Завтра у тебя выходной. Твои у тещи... так что все складывается. Хоть отпразднуем. А пока что... – Женька перегнулся на заднее сидение и достал маски. – Держи.

– Я позже надену. В очках неудобно. Введи пока в курс дела. Кто у нас сегодня?

– Старик какой-то. – Небрежно бросил Женька, натягивая маску. – Причем нашел меня самостоятельно. Никаких внуков и детей у него нет. Говорит, что хочет просто воспользоваться нашим светильником.

– Может, ему в аренду сдать? – улыbnулся Олег.

– Ага. Только сегодня и только сейчас – светильник в аренду на час! – Подхватил Женька.

Одинокий силуэт старика с тростью и кепкой-блином поджидал их на углу улицы.

Женька вышел, перекинулся парой слов, надел мешок дедуле на голову и посадил в машину.

– Алексей Михайлович, вы знаете, почему мы вынуждены использовать мешок? – привычным тоном спросил Женька и взял старика за руку.

Сухая ладонь выскочила из объятий.

– Знаю. Чтоб при просветке в другом месте я не смог вывести на вас.

Женька поймал на себе испуганный взгляд Олега.

– Это вам родные сказали? Или интернет?

– Какая вам разница? – дерзил Алексей Михайлович. – Вы занимайтесь своим делом, а я займусь своим. Давайте просто сделаем то, зачем мы встретились.

Ехали молча.

Женька вывел Алексея Михайловича, усадил в кресло, дал таблетку. Надвинул на голову полусферу и вернулся к компьютеру.

– Алексей Михайлович, мне надо, чтобы вы сейчас...

– Ребята! – лысая голова старика с повязкой на глазах повернулась к ним. – Давайте поступим так. Я знаю, как работает эта штука. И я хочу, чтобы вы стерли все, о чем я буду думать. Не спрашивайте зачем и почему. Вас это не должно

касаться. Я плачу деньги и я хочу получить результат. Лучше скажите мне, когда будете готовы. И скорее приступим.

Олег в очередной раз бросил косой взгляд на Женьку и кивнул.

– Мы готовы. Приступаем.

Женька надвинул наушники и прильнул к монитору. Воспоминание Алексея Михайловича было скомканным и смазанным, собственно, как и любое другое.

Какие-то длинные коридоры с бесконечными дверьми. Снующие по коридорам люди. Конференция в большом зале с проектором. Меловая доска, исписанная под завязку. Казалось, формулы плавно перетекали с доски на стену. И безумный возглас самого Алексея Михайловича:

– Не может быть...

Мел скрипел на доске.

Женька от первого лица наблюдал, как сухая рука старика без остановки царапает доску. Формулы ширятся. Удлиняются. Символы становятся мельче. Чтобы все поместилось на этот кусок деревяшки.

И все это действие сопровождается редкими и пугающими репликами самого Алексея Михайловича.

– Это невозможно... это невероятно... если это вынести за пределы и усилить сигнал, при этом транслируя знакомые образы, то можно будет... нет-нет-нет... этого не может быть.

А рука тем временем продолжала выводить все новые и

новые формулы.

– Куда его теперь? – спросил Олег, указывая на уснувшего в кресле старика.

– Он оставил инструкции, – развел руки Женька. – Положить его в машину. Адрес у меня есть. Поехали.

– А дальше?

– А дальше он как-то сам. И мы сами. Вторая часть там же... в машине. Выключай тут все, грузим его и поехали.

Старик не обманул. В бардачке лежал туго смотанный конверт.

Они уложили Алексея Михайловича в салон. Накрыли на всякий случай курткой, забрали конверт и уехали.

Оставшуюся часть ночи они провели в квартире Женьки в приятном окружении звящего бутылками бара и заказанной из ближайших ресторанов еды.

* * *

На следующий день. Помимо тяжелой головы и скользких мыслей, Женьке не давал покоя их вчерашний клиент.

И было странно совсем не то, что он знает каждый шаг работы светильника. Этим уже никого не удивишь. Скорее, тревожило его воспоминание. От чего же он хотел избавиться? Ведь там не было ничего такого, к чему Женька, за свой многолетний опыт работы цензором, привык.

Не было смертей. Не было какой-то мерзости в виде рас-

члененки. Насилия родителей. Утраты ребенка, закостенелой обиды, измен... ничего такого, с чем люди легко и радостно прощаются.

Но что-то же там было? – сам себе говорил Женька. Что-то же исчезло из его памяти. Странно все это.

Тем же вечером он в одиночку поехал к светильнику. Включил свет. Заварил крепкий кофе и загрузил воспоминание Алексея Михайловича.

* * *

Звонок раздался среди ночи.

Олег нехотя взял телефон. Нашупал очки.

– Чего тебе? – сонно спросил он.

– Олег, ты срочно нужен.

– До завтра не подождет? Мне на работу утром.

– Вот как раз о твоей работе я и хочу поговорить. Спускайся. Я у подъезда.

– Кто там? – сонно спросила Юлия.

– Это по работе. Я скоро, милая.

Десять минут спустя они уже мчались по ночному городу.

– Вчерашнего клиента помнишь? – спросил Женька.

– Ну...

– Я еще когда первый раз смотрел его воспоминания, то что-то почувствовал.

– И что там было? Хотя нет. Стой! Не хочу знать. Я чту

кодекс, в отличие от некоторых.

– Тебе придется его нарушить. – Холодно сказал Женька. – У него там какие-то формулы, кабинеты, коридоры, люди... в общем, если не приглядываться, то ничего странного. Но я пригляделся, на свою голову. В общем, сам все увидишь.

Подъехали к светильнику.

Все в полуподвальном помещении было включено. Лампы дрожали на потолке, потрескивая вакуумными трубками. Несколько компьютеров гудело. Даже кофе на столе еще сохранял стремительно убегаящее тепло.

– Садись. Давай-давай... – торопил Женька.

– Да, что ты там увидел? – спрашивал Олег, но не сопротивлялся.

– Смотри.

Женя загрузил воспоминание Алексея Михайловича.

Павел Иевлев

На мониторе замелькали кадры. Воспоминания оно всегда так... четкой картинки не жди. Словно съемку ведут в

плотном тумане, где лишь отдельные куски видны четко. Все остальное смазанное и мутное. На сленге цензоров – это называется «коррекция мозга», когда мозг сам определяет, что есть настоящее воспоминание и что имеет первостепенную важность. А что человек может сам изменить и додумать. Ведь какая разница, какого цвета были стены... каким было освещение. Изменив эту информацию, важность не потеряется

Олег внимательно смотрел в монитор. Обращал внимание на все мелочи. Но вот воспоминание закончилось и ничего. Олег вопросительно посмотрел на Женьку.

– Вот и я не сразу заметил, – сказала тот.

– Что я должен был заметить? – недовольно спросил Олег. – Какие-то формулы. Некоторые мне понятны, в остальных надо разбираться. Я так быстро не могу...

– Ты хоть что-то там понял, я же совсем ничего. Но! – Женька замер. – Это воспоминание не давало мне покоя. Я чувствовал, что в нем есть что-то ценное. Было ощущение, что мой мозг увидел это, но сам я еще не додумался что именно. В общем, смотри.

Он запустил повторно.

На экране показался длинный коридор. Затем какая-то конференция. Много людей.

Женька нажал на паузу.

– Вот! – ткнул он в монитор. – Кто это?

– Да ладно... – вырвалось у Олега. Он неотрывно смотрел

поверх пальца, где среди множества лиц было и его лицо.

– Теперь ты понимаешь, зачем я тебя выдернул из кровати? – с горящими глазами спросил Женька. – Это был не обычный дедушка, который захотел избавиться от своего кошмара. Он что-то знает. Точнее, знал!

Олег ответил не сразу. Взглянул на монитор еще раз. Прокрутил запись туда-обратно.

– Мне кажется, я знаю, где это было, – сказал он. – У нас на работе много отделов. Естественно, мы не все друг друга знаем. Есть и отдел со светильниками. Он, естественно, не афишируется, но все знают, что там исследуется. Я тебе как-то рассказывал о нем.

– А как же международные права? – хитро улыбнулся Женька.

– Ха-ха-ха... – передразнил Олег. – Если это выгодно, никакие права не станут на пути. А это! – Он указал на светильник, – Это очень выгодно. За этим будущее. Как там говорится, хочешь изменить будущее, измени прошлое. Вот тебе и ответ. Так... так... так... – засуетился он. – Мне надо переписать эту запись и разобраться. Не знаю, сколько понадобится времени. Может быть, я вообще ничего не пойму.

– Я, конечно, знал, что ты работаешь в супер научной и передовой среде, но чтобы настолько.

– Скинь это, – не слушая Женьку, продолжал Олег.

– Ты, главное, узнай, кем был этот дед.

– Узнай! – нервно ответил Олег. – Как я тебе узнаю? У ме-

ня доступа и к половине нет, что там разрабатывается. Ладно... Все. Я пока что выхожу из игры. Давай заляжем на дно. Больше не бери заказов.

– Но у меня уже есть парочка.

– Отмени! Либо делай сам. Пока я не разберусь с этим, – Олег указал на монитор, – никого светить не будем.

* * *

Звонок от Олега поступил спустя несколько дней.

– Будь дома, я заеду к тебе после работы. – Коротко бросил он.

Через полчаса, Олег застелил бумагами стол на кухне.

– У меня для тебя не очень хорошие новости, – начал он и поправил очки. – Тот дедушка, кому мы благополучно стерли память, работал как раз в засекреченном отделе. Так вот... смотри. – Олег ткнул пальцем в чертеж. – Сейчас светильники работают следующим образом. Мы усаживаем человека в кресло, светим его мозг и как бы вычленим ту информацию, о чем он думает. То есть мы не можем насильно его заставить. Это можно с помощью гипноза и еще чего-то там... но суть не в этом. И так же мы не можем стереть ему память на расстоянии. Нам обязательно надо, чтобы излучатель сконцентрировался на мозге. Этот же дедушка... Он, конечно, чертов гений. Он разработал как бы обратное действие светильника. Больше того. Он вывел его за рамки крес-

ла. Сейчас все поймешь, – уточнил Олег, глядя на изумленные глаза Женьки. – Этот дед вытащил светильник наружу и сделал так, что мы сможем подсовывать любые воспоминания. Короче говоря, можно на расстоянии, с помощью обычного телефона, внедрить человеку любое воспоминание.

– Подожди! Стоп! Как с помощью телефона?

– В том-то и прелесть, что сейчас, почти все смартфоны можно переделать в обливио.

– Обычный телефон?

– Не кнопочный, разумеется. Но да... обычный.

– И что это нам даст?

Олег ошарашенно посмотрел на Женьку.

– Это нам даст управление умами. С этой штукой, – его палец очертил на столе круг. – Мы можем подмешать им любое воспоминание. Он начал разрабатывать и систему образов, но там я не до конца разобрался.

– Подожди... подожди... – остановил Женька. – получается, мы сможем... я сейчас чисто ради примера говорю. Сможем подсунуть человеку воспоминание, что я давал ему в долг n -нную сумму. А потом, просто прийти и сказать ему, чтобы он вернул. Так что ли?

– Если совсем просто, то так. Но ты мыслишь слишком мелко. С этой штукой можно всему земному шару внедрить, что они нам должны. Это фундаментально ломает систему всего. – Вошел в раж Олег. – Если раньше была пропаганда, которая, разумеется, работала и работает. Но она, как бы на-

слаивала воспоминания. А это требует много времени. Нужны ресурсы медиа и куча всего еще... С этим можно не на-слаивать, а просто внедрить то, что нам надо. Чувствуешь разницу?

– Чувствую. – Воодушевленно сказал Женька. – Единственное, что мне не понятно, это почему дедушка решил от этого избавиться.

– Ну... – затянул Олег. – Вариантов много. Может, он увидел всю мощь и подумал, что это уничтожит человечество, если попадет в чужие руки. Или он нарочно решил спрятать эту информацию. Зачем он вообще к нам обратился? Он ведь сам среди светильников работает. Мог бы и там себя подчистить.

– А может, в этом отделе за всеми следят?

– Тут что угодно может быть. Одно я знаю точно. Эта штука перевернет мир.

– Нам-то с ней что делать? – спросил Женька и заметил, как Олег опустил взгляд. – У тебя уже есть план, верно?

– Есть. – Не сразу ответил Олег. – Но он тебе не понравится.

– Выкладывай.

Олег присел на стул. Поправил очки и прилизал торчащие локоны.

– В общем, я хочу присвоить это изобретение себе. – Выпалил он.

– Но... – вырвалось у Женьки.

– Подожди! – прервал Олег. – Я постараюсь тебе объяснить, а там решай, как знаешь. Я же рассказывал тебе, что хочу работать в том отделе... ну в том, где реальные и деньги, и исследования... А это изобретение откроет мне двери. Да... поступаю я подло, что ворую память этого дедушки. Но я трезво иду на этот шаг. Понимаешь? – Олег встал. – Я не верю в судьбу. Во всякие приметы и прочее... но этот дед как будто специально пришел именно к нам. Для меня это шанс. Огромный шанс выбраться из того, где я сейчас нахожусь. В том отделе и платят лучше. И доступ к секретам выше. Я и Ваньку вылечу. Плюс Юле скоро рожать. В общем, как-то так. – Скомкано закончил он.

– Ого! – Только и сказал Женька. Около минуты он собирался с мыслями, гуляя взглядом то по заваленному бумагами столу, то по скромной и виноватой фигуре Олега. – Держать мне тебя смысла нет... кажется, ты уже все решил. Не скрою, мне обидно будет с тобой расставаться. Мы вроде неплохо сработались. И осуждать я тебя тоже не буду. Не мне этим заниматься. Единственное, ты сказал, что это может изменить мир. Не боишься брать на себя такую ответственность?

– И об этом я думал, – сказал Олег заготовленную фразу. – Поначалу мир пошатнется. Но не думаю, что это сильно его изменит. В руках государства эта штука, конечно, может и плохую шутку сыграть. Но, понимаешь, Женя, прогресс не остановить. Рано или поздно это придумают. Через год-два

или через десять лет, но кто-то обязательно додумается. Я не удивлюсь, если сейчас, на другом конце земли, кто-то уже придумал то же самое и скачет от радости по комнате. Это нормально. Доказательство тому теория эволюции или изобретение радио. Человеческий мозг любопытен. И иногда не люди открывают законы, а время и общее человеческое развитие подталкивает к этому. Так что... не начини это использовать мы, через пару лет этим будут пользоваться другие.

– Плохо, конечно, что ты вот так резко уходишь. Найти кого-то смышленного и проверенного не так просто. А я, как ты понимаешь, завязывать со своим делом пока не планирую.

– Ты, правда, не злишься на меня?

– Я еще не определился, – отмахнулся Женька. – Пока что я хочу просто выпить чего-нибудь. Для меня это слишком много информации.

– Надеюсь, ты меня понимаешь.

– Конечно, понимаю. Будь я на твоем месте, то поступил бы так же. А может быть, сразу бы свалил. Без предупреждения. – Женька налил полный стакан виски. Бросил туда пару кубиков льда. – Получается, мы с тобой больше не увидимся?

– Я не знаю, – грустно произнес Олег. – Там закрытый отдел. Думаю, правила мне скажут позже, но есть подозрение, что ты прав.

– Блин, а тяжело вот так... – сказал Женька, обжигаясь

виски. — Мы ж с тобой стали не просто коллеги, но и друзья. По крайней мере, я считаю тебя своим другом.

— И я. — виновато произнес Олег.

* * *

Друзьями они и расстались. Олег чувствовал за собой вину и хотел как-то сгладить это событие. Несколько раз звонил Женьке. Интересовался делами. Нашел ли кого на замену. Хвастался тем, что изобретение взяли в разработку и скоро должны вызвать на собеседование. Очень переживал по этому поводу.

Женька поддерживал друга. Говорил, что с его головой, странно, что он не возглавляет этот отдел. Несколько раз сидел с Ваней. Научил мальчика новым фокусам с картами.

— Ты если что, звони... — сказал Женька прощаясь. — С Ваней посидеть или просто встретиться. Человек я свободный, времени много.

— Хорошо. На связи.

— На связи.

На этом их связь оборвалась.

Спустя некоторое время от Олега пришло сообщение:

«С завтрашнего дня не пользуйся телефоном несколько дней. А лучше вообще выбрось. Прощай».

Женя не ответил и не перезвонил. Он слепо последовал инструкции. Методично и хладнокровно перенес все контак-

ты в тетрадку, на что потратил целый вечер. Выбрасывать телефон не стал. Жалко все-таки. Вытащил батарею и бросил в шкаф, от греха подальше.

С наступлением завтра мир не рухнул. Как и предполагал Олег – человечество устояло. И вроде бы, даже не сильно изменилось.

Женьке первое время казалось, что люди стали другими. Вроде бы другим... или остались прежними?

Черт его знает.

Давно он уже так плотно не вливался и не интересовался обществом.

Павел Иевлев

Позже он с некоторой опаской приобрел себе новый телефон. На всякий случай взял кнопочный. Мало ли что еще

разрабатывает его старый друг за закрытыми дверьми.

Найти нового напарника не удавалось более полугода. А после, когда за цензоров взялись по-настоящему. Надобность в напарнике отвалилась сама собой.

Власти начали грести всех цензоров.

Женька решил, что лишние улики ни к чему.

Поехал к светильнику. Разобрал на части и погрузил в машину. Все записи уничтожил там же, во дворике. Сжег в железном ведре.

Держа в руках единственное уцелевшее воспоминание Алексея Михайловича, Женька наблюдал за едким дымом, вспоминая все, что ему довелось увидеть. Насилие, страх, обида, горечь, месть... все, что когда-то хранилось в людских головах, теперь черным облаком поднималось к небу и растворялось в чистом зимнем воздухе.

А как только вернулся домой, то почувствовал нестерпимое желание выпить. Хотя за последнее время к алкоголю охладел.

– Поздравляю, ты собака Павлова, – сказал он своему отражению и чокнулся с зеркалом.

Посреди ночи, когда тоска окончательно загрызла его и повалила на диван. Он дотянулся до тетради. Выдрал оттуда знакомое имя.

Набрал.

Услышал:

«Обслуживание данного номера прекращено»,

и со всего размаху кинул телефон в стенку.

А утром, вместе с похмельной тяжестью, пришла и мысль, которая давно копошилась в черепе. Слить эти данные кому-то и уйти на покой.

Открыть бар в мужском стиле. Облагородить его. Навезти мебели цвета темного дерева. Завесить стены болотного цвета гобеленами. Протянуть барную стойку от стены до стены. Приглушить свет до полумрака и встречать там гостей.

Это ведь тоже, своего рода, работа цензора. Люди будут приходить и на некоторое время забываться, – мечтательно думал Женька, то проваливаясь, то выныривая из забытья.

* * *

За последнюю неделю Женьку так часто перевозили с мешком на голове, что он окончательно перестал понимать, где находится. В городе ли? На военной базе? Как тут определишь по бетонным стенам.

Одиночная клетка с полированными прутьями сменялась одиночной камерой с твердыми откидными нарами. Иногда заходили люди в гражданке. Пинком сбрасывали с нар и вели на допрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.